

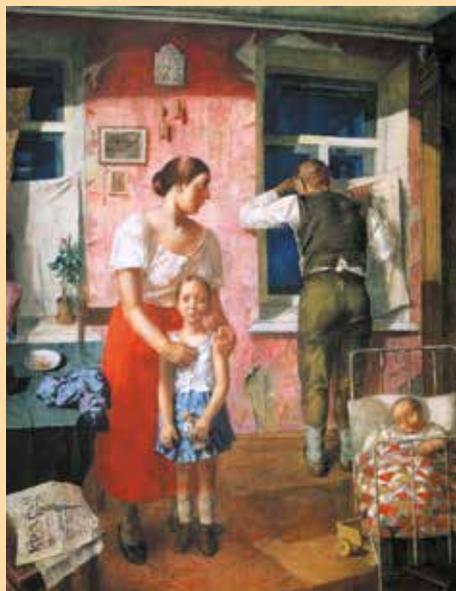
ISSN 1993-9477

XXI ВЕК **ВОЛГА** 9-10 2016

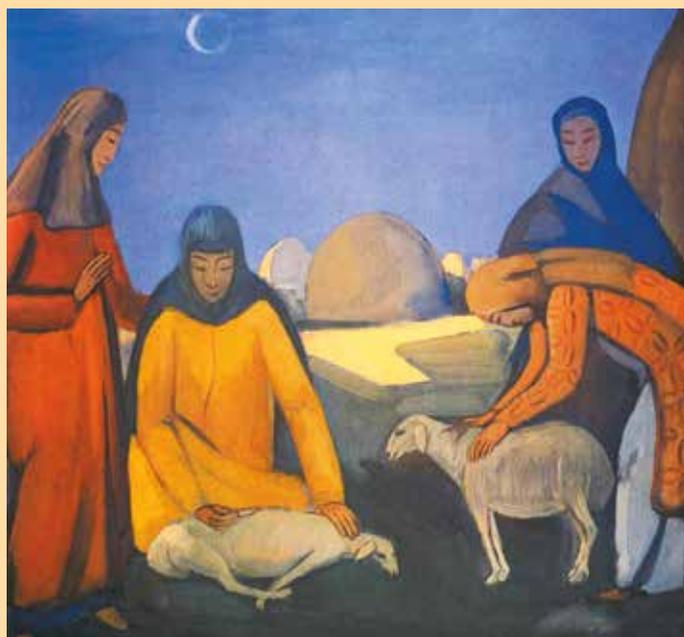
Литературно-художественный журнал

В.Э. Борисов-Мусатов.
«Автопортрет с сестрой»

К.С. Петров-Водкин.
«1919 год. Тревога»

П.В. Кузнецов. «Стрижка овец»

XXI ВЕК

ВОЛГА

9-10 2016

Литературно-художественный журнал

СПЕЦИАЛЬНЫЙ ВЫПУСК ДЛЯ ДЕТЕЙ

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

- А.Ю. Аврутин** – член Союза писателей Беларуси (Минск)
А.Б. Амусин – член Союза писателей России, председатель Ассоциации Саратовских Писателей
А.А. Бусс – член Союза писателей России (Саратов)
В.И. Вардугин – член Союза писателей России и Ассоциации Саратовских Писателей
Е.А. Грачёв – член Союза писателей России и Ассоциации Саратовских Писателей
Д.Е. Кан – член Союза писателей России (Новокуйбышевск)
О.И. Корниенко – член Союза писателей России (Сызрань)
В.В. Ковалёв – член Союза художников (Рига)
В.А. Кремер – член Союза писателей России (Саратов)
М.А. Лубоцкий – член Союза писателей Москвы, ответственный секретарь Ассоциации Саратовских Писателей
В.Д. Лютый – член Союза писателей России (Воронеж)
М.С. Муллин – член Союза писателей России и Ассоциации Саратовских Писателей
Г.П. Муренина – директор музея Н.Г. Чернышевского, член Ассоциации Саратовских Писателей
Н.В. Шаталина – член Союза журналистов России (Саратов)

САРАТОВ
2016

9-10
2016

СОДЕРЖАНИЕ

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ

Юрий НЕЧИПОРЕНКО. **Посланники «Чёрной курицы»** 3

ПОЭТОГРАД

Михаил ЕСЕНОВСКИЙ. **Муха из Малаховки** 5

ОТРАЖЕНИЯ

Александр БЛИНОВ. **Рассказы толстого мальчика** 9

Светлана ГОЛУБЕВА. **Лето, капельница, любовь** 23

ПОЭТОГРАД

Михаил МУЛЛИН. **Волшебная палочка** 33

ОТРАЖЕНИЯ

Виталий ЛОЗОВИЧ. **Как падали звёзды, или Последний патрон** 40

ПОЭТОГРАД

Михаил КОЛЬЯШКИН. **В сад я дождик приглашу** 64

Евгений ГРАЧЁВ. **День рожденья у Андрюшки** 66

Екатерина БАДЫЛО. **Чудный праздник** 69

ОТРАЖЕНИЯ

Олег КОРНИЕНКО. **Воздушный почтальон** 71

В ГОСТЯХ У СКАЗКИ

Михаил КАРИШНЕВ-ЛУБОЦКИЙ. **С Новым годом, лешаки!** 81

Михаил МУЛЛИН. **Про маленькую девочку** 110

Кселена ЛИТВИНОВА. **Где ты, Домовой!** 113

В САДАХ ЛИЦЕЯ

Алиса БОБКОВА. **Мне не нравится болеть** 124

Дарья УВАРОВА, Дмитрий КАЛИНИН, Яна ХРЕНОВА. **Я взрослею** 126

НА ВОЛНЕ ПАМЯТИ

Андрей МИХАЙЛОВ. **В Пристанном на Волге** 128

К 80-ЛЕТИЮ САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Александр ДЕМЧЕНКО. **В камне и кистью** 135

В МИРЕ ИСКУССТВА

Жанна САПОЖНИКОВА. **Сказ о Чернышевском** 154

РЕЦЕНЗИИ

Нина ШАТАЛИНА. **Новые сказки из старого времени** 166

ВОЛЖСКИЙ АРХИВ

Василий КУРЫШОВ. **Записки личного характера** 168

**Юрий
НЕЧИПОРЕНКО**

ПОСЛАННИКИ «ЧЁРНОЙ КУРИЦЫ»

В начале «нулевых» распалась та система «культурной логистики», которая держала в тонусе детскую книгу в нашей стране: с кончиной главного редактора журнала «Детская литература» Игоря Нагаева журнал прекратил существование – и пропала координация изданий, почти исчезла критика детской книги. Вместо издательств-монополистов со штатом редакторов и корректоров появились сотни новых издательств и принялись публиковать кто во что горазд – от безграмотной и аляповатой лабуды до высококачественных изданий «для избранных».

Стало понятно, что в новое время нужны новые способы организации и координации литературных и издательских процессов. И здесь на помощь детским писателям, художникам и издателям пришли библиотеки. Российская государственная детская библиотека (РГДБ) и её сайт рекомендательной литературы «Библиогид» стали вести работу по поддержке всего талантливого, что появилось в области детской книги. Библиотеки начали прислушиваться к рекомендациям РГДБ, стали приглашать на встречи московских писателей и пропагандировать их творчество. С другой стороны, журнал «Электронные пампа-

-
- Юрий Нечипоренко (по паспорту – Юрий Дмитриевич Нечипуренко) родился в г. Ровеньки Луганской области (УССР) 4 мая 1956 года. Закончил среднюю школу № 1 г. Ровеньки в 1973 году и поступил на физический факультет МГУ. В 1979 году – в аспирантуру Института молекулярной биологии РАН, где и работает до сих пор. Автор более 80 научных публикаций в области молекулярной биофизики. Доктор физико-математических наук (2005), преподаватель МГУ. Член Международного сообщества писательских союзов, главный редактор интернет-обозрения «Русская жизнь» и журнала для подростков «Электронные пампасы». Председатель «Общества друзей Газданова», инициатор и директор Всероссийского фестиваля детской книги (2014, 2015). Печатался в журналах «Юность», «Московский вестник», «Москва», «Дружба народов», «Пионер», «Детская литература», «Литературная учёба» и др. Автор более 400 статей в области художественной критики, лауреат ряда литературных премий.

сы», который я уже почти двадцать лет выпускаю в сети Интернет, тоже превратился в библиотеку, собрав за эти годы под своим крылом не только авторов московского клуба детских писателей «Чёрная курица», но и более двухсот талантливых авторов со всей страны.

Но сайты, журналы – этого мало для жизни детской литературы, важнее всего книги, которые можно дать ребёнку. В 2010 году мы вместе с детскими писателями Ириной Арзамасцевой и Львом Яковлевым начали в издательстве «Арт Хаус Медиа» выпускать серию книг «Для взрослых и детей», в подготовке которой принял участие поэт Михаил Есеновский. В этой серии вышло 12 книг, из них две – самого Михаила: книжка рассказов «Пусть будет яблоко» и книжечка стихов «Муха из Малаховки». Эти книжки имели большой успех: артисты московских театров взахлёб читали на встречах со зрителями полюбившиеся всем рассказы и стихи. Серия «Для взрослых и детей» стала «изюминкой» Московской международной книжной ярмарки, имела хорошие отзывы критиков – и успех этот окрылил нас. В издательстве «ЖУК» («Живая и умная книга») с 2012 года стала выходить новая серия: «Для тех, кому за 10». Эта серия продолжила знакомить читателя с лучшими детскими писателями России и после того, как само издательство прекратило своё существование (серию приютил «Издательский дом «Самокат»).

Сейчас в серии «Для тех, кому за 10» вышла уже десятая книга – «Чистые враки», и она сразу побила все рекорды: вышла на первое место по продажам в магазине «Библиоглобус». Немудрено – ведь рассказы Александра Блинова удивительно яркие, живые и сочные. Роль параметров, по которым идёт координация усилий в области детской литературы, теперь играют как рекомендательные списки, так и рейтинги продаж.

Благодаря Всероссийскому фестивалю детской книги, который проводится на базе РГДБ, московские читатели познакомились с авторами из регионов. Интересно прошло выступление саратовских писателей в 2015 году – и возникла идея пригласить московских авторов в саратовские издания. Благодаря любезному содействию Евгения Грачёва, друга Фестиваля детской книги, авторы самых свежих книг наших серий станут известны саратовцам. Я надеюсь, что читатели смогут оценить уникальную интонацию, чувство юмора и свежесть языка московских писателей – членов клуба «Чёрная курица», наших посланников в Саратове.

**Михаил
ЕСЕНОВСКИЙ**

МУХА ИЗ МАЛАХОВКИ

НЕСПОРТИВНАЯ

Не нравился Мухе сосед по даче.
У всех шесть ног, а у него – восемь.
Мутант какой-нибудь, не иначе.
Закончилось лето, настала осень.
Сосед во дворе натянул сетку
для тенниса.
Будто бы между прочим,
зовёт соседку, суёт ракетку.
– Спасибо, я в теннис как-то не очень...

СНЕГОВИК ХЕОПСА

Муха с Божьей Коровкой лепили снеговика:
из снежного теста скатали туго
три круглых одинаковых коlobка
и поставили друг на друга.

Гусеница сказала:
«Нехорошо,
когда все шары почти одного размера.
Надо: поменьше, побольше, совсем большой.
Например, Меркурий, Марс и Венера».

Завтра отправляются в Антарктиду
все трое
лепить гиганта снеговика.
Карту купили и три корабельных компаса.

Строить так строить!
Как пирамиду,
чтобы видно было издалека.
Или вообще из космоса.

-
- Михаил Юрьевич Есеновский – детский писатель, поэт, победитель конкурса «Книга года-2009», лауреат премии имени Чуковского (2013), автор книг «Ур-Юр-выр», «Главный шпионский вопрос», «Пусть будет яблоко», «Где же ты, моя капуста?», «Луна за диваном», «Муха из Малаховки».

МУХА И МУХТАР

Муха дрессировала микроба.
Чтобы, когда попросишь, давал лапу.
Тапочки приносил прямо к постели чтобы.
Выполнил – получи плату
(молекулу сахара, шоколадки атом).

МУХА СЕЛА НА ВАРЕНЬЕ

Плюхнулась, даже не посмотрела –
На варенья каплю с размаху села.
Посадила Муха пятно на платье,
стала охать, ахать
да горько плакать.
Что ж ты плачешь, сердешная?
Это лишне.
Небольшое пятнышко цвета вишни
в форме сердца картёжной червовой масти.
Вишня – к чаю, голубушка,
червы – к счастью.

ТЮК

Мухам приносят детей не аисты,
а бабочки беленькие – капустницы.
Что-то сегодня весь день икается,
мысли в головке немного путаются.
Значит, в конверте доставят дочку
или сыночка в уютном свёрточке.
Ближе к вечеру или ночью
бабочка – тюк! – постучится в форточку
и на карнизе оставит девочку
или туда же положит мальчика,
пахнущих нежно мимозы веточкой
или пыльцою от одуванчика.

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА

Шире Тихого океана
Химкинское водохранилище.
Молнии, громы да ураганы,
штормы огромной силищи.

Муха плывёт по волнам в стеклотаре
(классический джин с тоником).
Очень не хочется в грязь ударить
лицом перед Фёдором Конюховым.
Доберётся ль до берега, до Речного вокзала –
уравнение со многими неизвестными.
Крылья верёвочкой за спиной связала.
Всё по-честному.

СОМНАМБУЛА

Захотелось попить человеческой крови.
Это признак, конечно, не очень хороший.
В алом плащике в чёрный, как уголь, горошек
Муха вышла гулять лунной ночью по кровле.
Хулигански засунула руки в карманы.
Полумесяцем губки и домиком бровки.
Вот такие у Мухи в голове тараканы.
А ещё комары и божьи коровки.

КАК МУХА НЕ СТАЛА БОЖЬЕЙ КОРОВКОЙ

Записалась на курсы божьих коровок.
Туда, где учат летать на небо,
приносить хлеба.
Ощущение что «для мебели»:
целый год утомительных тренировок
на роликах, лыжах, велосипедах,
на небе ни разу не были.

Между кикбоксингом и кун-фу
прошлась в перерыве по переулку.
Купила багет, круассан, булку.
Попробовала – тьфу!

Не то. Но что именно, неизвестно.
Не приносят ТАКОГО коровки с небес!
Круассан – резиновый, багет – пресный.
Без вкуса, без запаха и изюма без.

Не хватает не то чтобы тмина или ванили,
а чего-то волшебного: «крэкс, пэкс, фэкс».
Как кулич, который не освятили, –
это, в общем и целом, обычный кекс.

Тренер вычеркнул Муху из белого списка –
в небеса не вписалась, промазала в молоко.
Говорит, что рождённый летать
относительно низко
не поднимется
относительно высоко.

ЗАБОЛЕЛА

Капельница с берёзовым соком,
капельница с росой,
некачественные таблетки,
лекарственные настойки.
Голой, простоволосой, босой
грустно лежать на высокой больничной койке.

Доктор придёт, постучит молоточком
по сердцу, по лёгким, по почкам,
вытащит шприц, поправит очки,
потреплет по бледной щёчке.

Скажет: «Учили нас в Первом «меде»
второму закону Бабы Яги:
«ЗАБОЛИ У ЛИСЫ,
ЗАБОЛИ У МЕДВЕДЯ,
А МУХУ ОТ ХВОРИ УБЕРЕГИ».

Жалко Лисицу. Медведя жалко.
В лесу ни больницы, ни поликлиники.
В лесу из лекарств только ёлки да палки,
подберёзовики да подосиновики.
Пожалуйста, доктор, не мучь Лисичку!
Над Мишенькой смилуйся косолапым!

Зажмурилась Муха и смуглую ягодичку
подставила чёрствому эскулапу.

ДВОЕТОЧИЕ

Муха вчера на Малаховском рынке
купила себе немножко
чёрной икры (четыре икринки)
и белого хлеба (две крошки).

Два бутерброда с икрой – за щёчку
и вытерла рот платочком.
А две икринки застряли в строчке
загадочным двоеточием «:»

ВОЗДУШНЫЙ ЗАМОК

«Грустно одной, заведу себе рыжую кошку, –
Муха решила. – Пушистый домашний питомец
скрасит мой быт. И навеки останутся в прошлом
мысли о старости с крошечной пенсией. Помесь
гордой тигрицы с игривым ручным леопардом,
кошка Багира с соседнего рыбного склада –
то, что мне надо. Но в доме мушином с мансардой
вряд ли поместится полностью эта громада.

Значит, пора исключить из меню икру.
Каторжный труд, ни минуточки на потеху.
Если не врут и запишут на ипотеку,
к осени купим у Шарика конуру».

**Александр
БЛИНОВ**

РАССКАЗЫ ТОЛСТОГО МАЛЬЧИКА

ЗООПАРК

Я родился мальчиком в родильном доме № 9 в Марьиной Роще. Это Москва.

– Мальчик, – сказала санитарка Ефросинья Аркадиевна и поправила на моей лодыжке бирку из розовой клеёнки, привязанной бинтиком. – Прямо бегемот какой-то, а не мальчик.

На клеёнке чернильным карандашом было написано: «Мальчик: 56 см, 4.500 кг».

Меня на такси привезли домой и положили на чёрный дерматиновый диван, на высокой спинке которого стояло шестнадцать фарфоровых слоников. У самого крупного из слонов были отбиты бивни.

Я лежал распелёнатый на большой розовой подушке, и все родственники, что были в комнате, сгрудились надо мной.

– Слоник, – сказала моя тётка Полина.

– Поросёночек, – сказала тётка Зинаида, – вылитый.

– Мужик, во какие... – сказал дядя Владик.

– Весь в складках, как шарпей, – сказал дядя Толя.

А дядя Виталий добавил:

– Розовый какой-то и волосатый. Как крот.

Все оглянулись на отца с матерью.

А отец с матерью ничего не сказали: они хотели девочку, и потом, меня им уже показывали.

-
- Александр Борисович Блинов родился в Москве. Окончил Московский авиационный институт (МАИ) и Академию художеств Штиглица (бывшее Высшее художественное училище Мухиной) в Санкт-Петербурге. Член Союза художников. Лауреат премии Сороса и других. Автор и создатель больших художественных проектов, автор двух книг прозы. Публиковался как прозаик в журналах «Вокзал», «Медведь», «Перемены», «Частный корреспондент», «ЛитБук», «Русское поле», «Литература», «Пампасы» и др. Живёт в Москве и Санкт-Петербурге.

– Да запеленайте вы ребёнка, простудите! – протиснулась ко мне тётка Вера. – Вот бесы. Чего столпились-то? Не в зоопарке. – И стала пеленать, пощипывая меня за упругую младенческую попку. – Свинка ты моя морская, у-тю-тю...

МАЛЬЧИК-СОБАКА

– Боря, – сказала мать спине отца, снимая с меня ушанку (На улице была зима.), – у нас сын – собака.

– Угу, – сказала спина.

Отец вечно что-то писал за своим столом. Он был учёный.

– Что «угу», – заводилась мать, – хоть глянь на него!

Отец повернул голову.

– Мальчик как мальчик, – сказал отец. – И зовут Саша. Был бы собакой, звали Пират или Тузик!

Я кивнул.

– Вот видишь, Лидочка (Лидочка – это моя мать.), и он так думает.

Отец отвернулся к своим бумагам.

– Боря, я серьёзно. Нас скоро ни в один приличный дом не пустят! Снова – здорово! Он только что в гостях у Веры Аркадиевны все конфеты в большой хрустальной вазе развернул, понадкусывал и снова завернул!

– Как узнали? – спросила спина.

– Сначала решили, что крысы на кондитерской фабрике Клары Цеткин завелись, но у этого, – мать ткнула в меня пальцем, – весь рот был в шоколаде!

– Рот надо вытирать, – сказал отец.

***

Когда я был маленький, я всё надкусывал. Ну, так, на всякий случай... Иногда попадались и вкусные вещи. Но чаще – так себе, ерунда!

А когда я был совсем маленький, то мог запросто надкусить ботинок, или обглодать ножку стула, или полированный угол шкафа, и даже вращающуюся пластинку с Вертинским, и даже кое-что съел... и даже хотели вынимать «операционным путём»...

Но мать сказала: «Будешь сидеть на горшке, пока не выйдет! Или живот разрежут!»

И обычно оно всё и выходило...

Сначала думали: зубы режутся, пройдёт. Но не проходило.

Меня повели к нашему участковому врачу Розе Абрамовне.

– Скажи «А», – произнесла врач.

– «А», – сказал я.

Роза Абрамовна залезла ко мне в рот принесённой матерью серебряной десертной ложечкой. – Пройдёт! Язык чистый!

– Может, у ребёнка витаминов каких не хватает? – спросила мать.

– Лучше от глистов давайте, – сказала Роза Абрамовна, – проку больше, уж поверьте.

Мне очень хотелось тяпнуть её за палец, которым она держала ложку. Палец был с алым ногтем и большим жёлтым кольцом. Но я сдержался.

С возрастом я стал разборчивей. Уже не тащил в рот всё подряд. Ведь многое я уже перепробовал.

А когда я стал «совсем разборчивым», то ходил в гости только к тем, у кого на столе стояла ваза с конфетами. Были такие: хрустальные, на длинной тонкой ноге.

Особенно я любил «Мишку на севере» и «Алёнушку» – конфеты, которые хрустели: внутри их была вафля. Но «Раковую шейку» тоже очень любил: там хрустела карамель.

Но дело было непростое!

Если бы я съел из вазы, к примеру, всех «Алёнушек», то это бы заметили точно и больше бы не пригласили. И потом – мне хотелось попробовать все конфеты.

Я придумал способ: аккуратно разворачивал конфету, надкусывал и снова заворачивал – сначала в серебряную фольгу, потом в хрустящую вощёную бумагу и в фантик. Возвращал на место и брал следующую...

И так я проделывал со всеми конфетами в вазе.

Поэтому, когда гости переходили к десерту и Марья Семёновна удивлённо говорила:

– Ой, посмотрите: у меня конфета надкушена... Наверно, крысы...

И Пётр Петрович говорил:

– Ой и у меня надкушена... Это ж сколько крыс на кондитерских фабриках развелось! Безобразия просто!

И потом все почему-то поворачивались ко мне, и надо было смело сказать: «А можно мне тоже одну конфетку? Пожалуйста!» или: «Мамочка, у меня голова кружится. Хочу домой...» Обычно помогало. Но не всегда.

***

– Боря, – сказала мать, – я серьёзно! А ещё фикус – гордость Веры Аркадиевны! Она в своём НИИ на Доске почёта третий год из-за него висит в разделе: «Люди, которые нас удивили». А теперь снимут, как пить дать! И нас точно теперь ни в один приличный дом не пустят!

Этот фикус был моя слабость. Вкусный и сочный: ему я надкусывал втихаря почки. Потом такие неожиданные листья получались, обалдеть! Я ж не знал, что Вера Аркадиевна их фотографировала и посылала в журнал «Знание – Сила», и не только... Как феномен биологии.

– Как узнали? – спросила спина.

– По совокупности, – вздохнула мать. – А Вера Аркадиевна – ну ты же её знаешь – говорит: «У Вас, Лидочка, не ребёнок, а прямо бультерьер какой-то!.. Того и гляди меня покусает...»

«...Не стал бы» – подумал я.

– А я бы с удовольствием, – сказал отец, закинул руки за голову и мечтательно откинулся назад на венском стуле...

Мать посмотрела на отца «специальным» взглядом, и я понял, что уж к кому-кому, а к Вере Аркадиевне мы точно больше в гости не пойдём.

ТРИ ДЕДУШКИ

Как-то раз после завтрака меня долго мыли, потом одевали, потом причёсывали...

Я терпел, потому что втайне надеялся, что мы пойдём в зоопарк. Пехтерь, мой друг, сказал, что в зоопарк привезли из Африки, из Лимпомпо, слона Степана и двух жирафов, Петю и Флору.

– Сашенька, – сказала мама, – мы пойдём к дедушке Ленину. – И, глядя мне за спину, на отца, поправила воротничок моей рубашки. – По разнарядке, с работы. У меня отгул до обеда...

– Лидочка, – вкрадчиво сказал отец, – посмотри на него... Может, на аттракционы лучше?

– Нет, – отрезала мать, – Ленин важнее! – И снова поправила мой воротничок. – Ты с нами?

– Нет, Лидочка, – сказал отец, – я вас дома подожду... Работы много, и потом... я его уже видел.

– Как знаешь! – строго сказала мать. – Другого ответа я и не ждала...

В детстве я думал, что у меня три дедушки: дедушка Николай, дедушка Ленин и дедушка Сергей. Тогда многие так думали. И я их всех очень любил.

Дед Николай, по матери, умер ещё до моего рождения и жил на Небе. Дед Сергей был вполне живой и жил с моей бабушкой Анной в Москве, на Лесной, рядом с Бутырской тюрьмой. А дедушка Ленин – посередине. Ни там ни сям: в Мавзолее на Красной площади. Ни живой ни мёртвый – не пойми что. Как «Спящая красавица» в волшебном саркофаге. И я был уверен, что кто-нибудь, кто полюбит его больше меня, поцелует дедушку Ленина (мне не очень хотелось), и дедушка Ленин выйдет живёхонький из своего саркофага. И жить станет ещё лучше, чем было.

Хотя и так всё было замечательно.

Поэтому, если по-честному, я не очень расстроился. К тому же слонов и жирафов я уже видел на картинках, а своего дедушку Ленина в стеклянном гробу – никогда. Правда, было немного страшно. Но я крепился и вида не подавал.

Очередь к дедушке Ленину начиналась от турникетов с Манежной площади у Исторического музея и извивалась длинной змеей через всю Красную площадь до самого Мавзолея. Вдоль очереди ходили люди в сером с одинаковыми лицами и выравнивали её.

– Товарищи, кто крайний? – спросила мать.

– Да ты, – повернулась к ней толстая тётка с маленькой вертлявой рыжей девочкой. – Часа четыре простоим, а то и пять...

Мама посмотрела на свои маленькие золотые часики «Заря» (подарок отца на день рождения).

– А мне к трём на работу, – заволновалась она, – вот, до обеда отпросилась...

– Никто не неволит! – отрезала толстая тётка. – Тебе-то что... А вот дитя вождя не увидит!..

– Остаётся, – вздохнула мать.

– Вот и правильно! Глядишь и пробьёмся. По пятнадцать человек пускают, группами. Не забалуешь! Да, Леночка? – Тётка поправила у рыжей два крысиных хвостика, выбившихся из-под беретки.

Скоро нас отсчитали, и мы прошли в хвост очереди за турникет. Конца очереди было не видно. Мать стояла рядом со мной какая-то другая, незнакомая и растерянная. И вздыхала. Мне стало страшно.

– Извините, а обратно выпустят, – спросила она толстую, – если что?..

– А что «если что»? – зло обернулась тётка.

– Ну, живот вот у мальчика заболит...

– Из интеллигентов, что ли, засранец!.. – И с силой дёрнула за руку обернувшуюся к нам с хвостиками. – Неча паялиться, вперёд смотри!

– А зато у меня три дедушки, и про своего дедушку Ленина я стихи знаю! Целых три штуки, – сказал я.

– Тихо, – сказала мать. – Просто стой и молчи.

Неожиданно я почувствовал, что действительно хочу в туалет.

– Мам, – шепнул я, – я в туалет хочу. Очень! По большому!

– Потерпи, – прошипела мать. – Другие-то терпят.

– Мам, я до дедушки Ленина не дотерплю, – крутил я головой, – честное слово!..

Мать отчаянно вздохнула, взяла меня за руку, и мы пошли в начало очереди, к Мавзолею. Люди из очереди на нас тревожно смотрели и шушукались. Мне становилось всё страшнее. Я стал нарочно представлять себе двух жирафов в зоопарке, Петю и Флору, чтобы не разреветься.

К нам наперерез быстро шёл мужчина в сером плаще.

– Что случилось, гражданка? – строго спросил он.

– Извините, я уже на работу опаздываю, и у ребёнка вот, как на грех, живот разболелся...

Мужчина в сером наклонился ко мне.

– Мальчик, издали приехал-то? – голос у него был неожиданно добрый.

– Не знаю, – захлопал я, – с улицы Яблочкова...

– Москва, что ли... – разочарованно выпрямился в плаще. – Такой большой, москвич, а Ленина так и не видел?

– Нет, – хлопал я...

– А хочешь?

Я замер. Если честно, я бы сейчас хотел оказаться или в зоопарке, или на велике кататься во дворе с Пехтерем...

Мать до боли сжала мою руку.

– Хочу, хочу! – уже в голос зарыдал я. – Честное октябрятское!
– А ты, что, уже октябрёнок? – удивился в плаще.
– Нет, – ревел я, – просто я значок с дедушкой Лениным на лупу у Пехтера выменял.

Мать снова с силой сжала мою руку, и я разом успокоился.

– Ладно, не реви, сейчас что-нибудь придумаем, – сказал в сером и повёл нас в голову змеи.

Мы долго спускались куда-то вниз по красным гранитным ступеням. Было очень холодно, гулко и жутко. Но отчего-то реветь не хотелось. Наконец вошли в небольшой мраморный зал с низким потолком. Слева на возвышении, внаклонку к нам стояли один за другим два саркофага со стеклянными крышками. В них лежали два мертвеца. Руки мертвецов были сложены на груди. Лица их были подсвечены красным, как вырезка в мясном отделе. Мне показалось, они подмигивают. Стало совсем жутко.

– Мам, а они точно мёртвые? – шепнул я.

Мать с силой сжала мою ладонь.

– Мам, а первый – мой дедушка Ленин?

– Да тихо ты... – Мать снова с силой сжала мне руку. – Да, Владимир Ильич!

У второго мертвеца из щёк и подбородка торчала жёсткая чёрная щетина.

– Мам, а чего дедушку Сталина-то не бреют? – шепнул я.

– Да замолчи ты!

Очередь на нас уже оглядывалась.

Мне показалось, что небритый еле-еле приподнял голову и смотрит на меня из-под прикрытых век, как делал я сам, когда играл в жмурки и жульничал. «Зырит... – понял я. – Мертвяк может и съесть. Пехтерь говорил, запросто...» Тогда я перестал дышать, чтобы мертвяки решили, что я мёртвый и им неинтересный... И обошлось...

Потом мы снова долго поднимались по мраморной лестнице и наконец вышли на Красную площадь. Всё было залито ярким весенним солнцем. Рука у меня горела и была красная, как клешня у рака. Всё вроде было такое же, как и раньше, но я уже был какой-то другой...

– Ну вот, – с облегчением сказала мать и поправила на мне беретку. – Ты дедушку Ленина и увидел. Понравилось?

– Мне больше тот, второй, небритый понравился, дедушка Сталин. Он на нашего дворника Фарида похож. Копия! Только без брезентового чёрного фартука.

– Цыц! – шикнула мать. – И чтобы я больше этих глупостей не слышала! Сталин, Иосиф Виссарионович, похож на Сталина, а Фарид – на Фарида. А я-то думала, ты у меня уже взрослый...

На самом деле, я тогда повзрослел на тыщу лет. Странно, что она этого не заметила.

Я шёл рядом с матерью по своей залитой солнцем весенней Москве.

Я подпрыгивал от счастья.

Я весело крутил своей шестилетней головой в беретке и пялился по сторонам.

А в этой голове под синей береткой мой новый дедушка, наш дворник Фарид, уже кряхтя усаживался между моими прежними дедушками – дедушкой Николаем на Небе и дедушкой Сергеем на земле. Взамен прежнего – дедушки Ленина.

Дед Фарид улыбается и весело мне подмигивает. Он в чёрном длинном брезентовом фартуке, с метлой в одной руке и шлангом в другой.

Как Бог, которого, как говорила мать, нет.

ШНУРКИ, ЛЮБОВЬ И СНЕЖНАЯ КОРОЛЕВА

В детском саду я не умел завязывать шнурки на два узла. Я умел на один.

А мой сосед по шкафчику, Вася Плоткин, умел на два. И я смотрел, как делал Вася. Но у меня всё равно получался один узел и очень длинные концы. И, когда я за них тянул, как Вася, узел развязывался, и... надо было начинать всё сначала...

Тогда я придумал удивительную вещь: я шнурки не завязывал, а просто зашивал в ботинок.

И когда воспитательница нас проверяла, то у меня ничего не торчало, и она говорила:

– Хорошо, Блинов, иди гуляй. Следующий...

Потому что перед прогулкой нас всех проверяли: как зашнурованы ботинки, завязаны шапки, застёгнуто пальто...

Нас поворачивали туда-сюда, теребили, встряхивали – чтобы из нас ничего не выпадало, не отваливалось и не звенело... «И ты уже был готов к прогулке, как «космонавт к выходу в открытый космос...» – говорила Вера Аркадиевна, наша воспитательница.

Но были проблемы... Особенно когда ходишь быстро или строем. А нас везде водили строем, по парам. И почти бегом. И тогда ботинки расхлябывались и спадали с ног.

Если бы я шёл медленно или, к примеру, сам по себе, я бы успевал вставить ногу в ботинок, а так – нет! И получалось: я сам по себе, а ботинки сами по себе...

И один раз я шёл в паре с Надей Свинкиной. Со всеми. Очень быстро.

И перед нами возникла лужа.

Вдруг!

Большая лужа ниоткуда. Просто огромная!

Наверное, Свинкина была знакомая этой лужи. Лужа узнала Свинкину, и они договорились, что Свинкина обойдёт лужу слева.

А я не успел изменить курс.

И пошёл вброд, как в кино настоящий Мальчик-Разведчик, когда помогал партизанам брать языка. И тогда один мой ботинок остался на мелком месте, а второй – на самой глубине, в середине. И я за всеми – в одних носках – так и прошлёпал всю канаву. И

от меня на асфальте стали оставаться мокрые следы, как от лап морского тюленя, когда он в зоопарке вылезает из бассейна. Посушиться.

Я шёл и смотрел, как другие ребята топают рядом в своих замечательно зашнурованных ботинках.

И рядом шли незнакомые дяди и тётки, дедушки и бабушки, и даже милиционер с полосатой палкой, и все они были из другого – счастливого мира зашнурованных ботинок...

И тут Надя Свинкина стала выдёргивать у меня свою руку, потому, что я «...такой противный, в мокрых носках, и она не хочет дружить с таким дураком...»

Тогда я сильнее сжал её ладонь, потому что я был уже не мальчик Саша в Мокрых Носках, а морской тюлень Томка. И когда мы были в зоопарке, там была маленькая девочка, и она всё хотела подойти к самому вольеру с тюленями, а мама ей сказала: «Свалишься – и каюк! Тюлень схватит и уволочёт под воду». И девочка стала плакать...

Мне не хотелось волочь Свинкину под воду, просто я хотел потом на ней жениться, когда вырасту.

Но Надя Свинкина тоже стала плакать и ябедничать:

– Вера Аркадиевна, а Блинов в носках ходит по асфальту и меня не выпускает...

И Вера Аркадиевна скомандовала:

– Группа, стой!

Мы встали.

– Блинов, где ботинки? – крикнула Вера Аркадиевна. – Быстро отвечать!

– Там, – хлюпал я, – в луже стоят...

– За ними быстро! – крикнула Вера Аркадиевна. – Одна нога здесь, другая там! Группа, стоим как вкопанные, строй не ломаем!

Я плёлся обратно в своих мокрых носках по асфальту и волочил за шнурки свои ботинки.

– А если поживее, а, Блинов? – кричала Вера Аркадиевна.

Я не мог быстрее. Я чувствовал себя самым несчастным на свете Мальчиком-Тюленем, с которым произошло что-то жуткое и непоправимое...

– Хиханьки-хаханьки отставить! – крикнула Вера Аркадиевна. – Блинов, снять носки и – в карман, ботинки – на ноги! В строй, ша-го-о-о-м марш! Свинкина, руку! Ряды сомкнуть! Группа ша-го-о-о-м марш!

А ботинки были фабрики «Скорород» – жёсткие и для мучений. И внутри ботинок торчали всякие нужные ботинкам вещи: гвоздики, прошивки... И идти босиком было очень больно и неудобно. Я шёл и, чтобы не плакать, представлял себя Гердой, а Надю Свинкину – Каем. И – что я иду на поиски Свинкиной-Кая, которого унесла Снежная Королева – Вера Аркадиевна, и уже стёр у ботинок об асфальт все подошвы...

И тут я увидел большую знакомую серую дворовую собаку Тимку. Тимка шла, спокойненько наступая на лужи всеми своими четырьмя лапищами, и улыбалась весёлой пастью!

Тогда я расхотел быть несчастным Мальчиком-Тюленем, снял ботинки и что было сил затопал босыми ногами по лужам: ведь всё равно я не мог промокнуть!

– Гав-гав-гав! – топал и лаял я.

– Уф-уфф! – отвечала мне Тимка.

Я был самым счастливым Мальчиком-Собакой во всей Москве! А может быть, и во всём мире!

И тут дурацкая маленькая девочка с крысиными косичками, которую за руку вела толстая тётя, стала тыкать в меня пальцем и хихикать. А эта тётка стала кричать нашей Вере Аркадиевна: «Обратите внимание, у вас ребёнок босой и лает! Это от переохлаждения! Срочно примите меры!»

– Группа, стой! – скомандовала Вера Аркадиевна.

– Блинов, срочно в ботинки! Ангины захотел на мою шею, да? А меня загнать под монастырь? И не лай! Группа, запе-вай!

Я шёл, топал своими гадкими ботинками и орал вместе со всеми: «...По доли-и-и-нам и по взго-о-о-рьям шла диви-и-и-зия впе-э-рё-о-д...», и прислушивался, как внутри меня весело подпевал хор – Мальчик-Разведчик, Мальчик-Тюлень, Мальчик-Собака, Герда и спасённая мной Свинкина-Кай: «...чтобы с бо-о-ем взять При-мо-рье, Белой а-армии оп-ло-от...»

«БУРДА МОДЕН»

В детстве я всё терял.

Я и сейчас всё теряю, но тогда терял особенно. По-взрослому.

Наверно, если все вещи, которые я потерял в детстве, выложить в цепочку, то получился бы путь от дома до школы. Это, конечно, не от Земли до Луны, но всё-таки...

В детстве я запросто мог потерять целый тяжеленный портфель с учебниками, тетрадями и дневником; велик «Орлёнок»; сменную обувь в мешке с резинкой; помойное ведро; сумку с продуктами из магазина; Веркиного хомяка и даже школьные брюки. Такие противные кусачие брюки противного мышинового цвета от школьной формы.

– Боря, посмотри, – мать втокнула меня в комнату, – Саша в тренировочных пришёл... А штаны где? Борь, ну как это? Ну вот спроси его: «Саша, где штаны?»

– Лидочка, ну ты же спросила.

– Молчит!

– Вот видишь! Значит, не знает, где, – резонно подытожил отец. – Поэтому и без штанов. Что ты переживаешь...

– Горе ты моё луковое! – Мать взяла меня за руку. – Пошли!

И мы пошли в школу с матерью искать штаны.

Обыскались: и там и сям... Но куда делись штаны после продлёнки – непонятно!

– Ну вспомни! – молила мать. – На продлёнку пришёл в штанах?

– В штанах, – вспоминал я.

– И в столовой был в штанах?

– В штанах.

– А потом?..

– А потом без штанов... – хлюпал я.

– Лучше бы ты голову потерял! – вздохнула мать. – Вторая бы отросла, не такая дурная! Штаны по спеццене на ребёнка, одна пара в год. В комплекте с пиджаком. По разнарядке. Понял, бестолочь! Всё! Теперь будешь до конца года в школу в трусах ходить!

В общем, мы сели в троллейбус «тройку» и поехали в «Детский мир».

Я ехал и смотрел в окно на вечернюю Москву в огнях и всё представлял себе эту «разнарядку», которая прячет себе за спину мои школьные штаны, нагло хихикает и кричит: «...Не дам! Накося выкуси! Сама носить буду...»

В «Детском мире» нас сразу отправили к заведомом – толстой тётеньке с усами. Мать долго объясняла, что она заслуженный работник печати, что ребёнок рассеянный и в школу его без штанов не пустят...

– Ладно, – уломалась тётка с усами, – раз такой проблемный, берите комплект: пиджак со штанами. Отдельно не продаём.

– Давайте, – вздохнула мать, – комплект так комплект. Посмотрю только, денег хватит ли...

Стали мы мерить комплект – не влезаю: пиджак нормально – брюки малы! Берём на размер больше: брюки вроде ничего – пиджак как на вешалке...

Мать снова к усатой. Та ни в какую!

– Мало, – говорит, – мамаша, что у вас ребёнок малолетний склеротик, так он ещё и не стандарт. Набор разбередить не дам! И не просите. Пусть ваш или неделю на диете посидит, или костюм перешейте! Вон, посмотрите сами, у него же попа как у девочки...

– Молчи! Только молчи... – шикнула мать.

Короче, договорились...

– Но только, Саша, – сказала мать, когда мы приехали домой, – я тебе пиджак к штанам пристрочу! И не спорь!

– Лидочка, – запротестовал отец, – а не слишком...

– Нормально! – отрезала мать. – Ведь варежки и шапку на резинке носит? Привык? Вот и целы! И тут привыкнет! А комплект разом вряд ли потеряет...

И пристрочила!

– Надевай! – Мать перекусила нитку. – Покрутись! – Мать с удовольствием осмотрела меня. – Не жмёт? А тут...

– Не-а... – вздохнул я. – Мам, а как носить-то?

– Да нормально и носить, – мать одёрнула полы пиджака, – как Гагарин – скафандр! Пиджак откинешь за спину, а рукава на животе подвяжешь! И вообще, сейчас в Европе мода такая, я в журнале «Бурда Моден» сама видела, его Вере Никитичне архангельский знакомый из загранки привёз. Комбинезон называется. Это когда низ с верхом вместе! Ясно?

Мы с отцом кивнули.

Короче, выходим мы с Пехтерем на перемену мяч погонять. Пехтерь пиджак снял и на подоконник, как всегда, – швырк, а я – как мать говорила...

– Чего это? – вытаращился Пехтерь.

– Мода, – сказал я. – Я мать попросил как в «Бурда Моден» сделать! Самое крутое, из-за границы!

Короче, на какое-то время это стало школьным брендом и обеспечило мне на целую четверть жизнь как в раю. И даже лучше.

Единственное, что до окончания младших классов ко мне прилипло прозвище: Сашка Бурдамоден. Мне даже нравилось!

А отца директор попросил прочитать лекции в школе по авиамоделизму, как конструктора самолётов. Из уважения!

Хотя какая связь между пиджаком, пришитым к брюкам, и серебряным планером в голубом небе, я так и не понял.

ДЕД МОРОЗ

В Деда Мороза ни я, ни Верка с Пехтерем, ни Васька Плоткин особо уже не верили.

Когда он приходил к нам в детский сад, я незаметно ощупывал его кафтан. Вроде из тряпки. И запах – как от вещей в шкафу, пересыпанных нафталином.

Но когда Дед кричал: «А ну-ка, детки, кто хочет превратиться в ледышку? Подходи и потрогай мой волшебный посох!» – я с Веркой и Плоткиным переглядывались – и не шли. А Пехтерь шёл!

И трогал!

И вроде ничего.

– Он же псих! – крутила пальцем у виска Верка. – Поэтому волшебство и не берёт.

Но подарки этот дед в красном тулупе нам приносил исправно, и лицо у него было доброе и похожее на нашего детсадовского сторожа Валерия Кузьмича.

– Поэтому лучше с Дедом Морозом договориться, чем не верить, – сказал Васька Плоткин.

Так мы и решили.

– Мам, – спрашивал я, – а настольный хоккей Дед Мороз может принести?

– Ну не знаю, – сомневалась мать. – Если будешь как шёлковый весь год – то проси что душа пожелает! Хоть настольный хоккей! Если на троечку, то и набора солдатиков хватит. А если шалаяй-валяй, то... сам понимаешь...

– Ничего себе, – вздохнул Пехтерь, – целый год... как шёлковый! Да мне и неделю не выдержать!

– А я бы за куклу, которая моргает, могла и две недели, – вздохнула Верка. – Запросто!

– И я запросто! – сказал я. – Я настольный хоккей хочу и ещё набор пластилина.

Пехтерь и Верка с сомнением на меня посмотрели.

За две недели до Нового года я начинал вести себя бешено хорошо! И ещё – каждые полчаса залезал на подоконник, высовывал голову в форточку и «громко» думал в ледяной воздух: «Вот уже третий день я веду себя, Дед Мороз, хорошо! Уже и на красный экскаватор наработал. Но готов потерпеть ещё два дня – за настольный хоккей! А как ты думаешь, Дед Мороз, если я вытяну так неделю, то, может быть, к хоккею можно добавить и коньки? Ну, если жалко, то пусть набор пластилина и кляссер с марками... Это по-честному!»

И, успокоенный, втаскивал голову обратно в комнату, слезал с подоконника и продолжал вести себя зверски хорошо!

– Сашенька, ну ты надумал? – за неделю до Нового года начинали тормозить меня родители. – Мы же должны знать.

– А почему? – юлил я.

– Ну как же, – волновалась мать, – он же должен с нами посоветоваться, твой Дед Мороз. Дневник-то мы тебе каждую неделю подписываем. С оценками.

– Лидочка, при чём здесь дневник? – вздыхал отец. – Саш, а всё-таки надумал?

– Ну так себе... – мялся я.

– А вот интересно, и что же? – спрашивал отец.

– Ну, не зна-а-а-ю, – тянул я. – Может, Дед Мороз решит, что я не очень хорошо себя вёл... И не захочет принести настольный хоккей.

– Похоже на то, – вздохнул отец. – Да и как хоккей в форточку-то пролезет?

– А что, он через форточку? – Я с сомнением посмотрел на окно.

– А как ещё? У нас каминов нет!

– А я уже на экскаватор хорошо себя вёл и с ним договорился, что если ещё неделя, то, может, и набор пластилина принесёт...

– Ну ничего себе?! – Отец повернулся к матери. – Какие нынче Дед Морозы пошли! Я в своё время больше чем на книгу и не рассчитывал.

– Саш, а мяч?! Настоящий кожаный мяч! А?

Я представил себе шикарный футбольный кожаный мяч, в который за школой играли взрослые ребята.

– Мяч бы я хотел... – вздохнул я и посмотрел на форточку.

– Да пролезет! – сказал отец.

«Ну да... – подумал я. – Если Дед Мороз мяч немного сдует, а я тут подкачаю...»

– На мяч я согласен! – кивнул я.

– Лидочка, – крикнул отец, – мы с Дедом Морозом договорились!

Наступила предновогодняя ночь... Я страшно волновался!

– А точно мяч принесёт?! – приставал я к родителям. – Как договаривались?

– Да должен, – отвечал отец, – ты же себя хорошо вёл?

– Конечно, – кивал я, – две недели...

– Тогда принесёт.

– Тогда синий!

Я посмотрел на свою рубашку и вспомнил плакат «Миру–Мир» на ВДНХ: дети с весёлыми лицами перебрасывали друг дружке синий мяч-планету...

– Что синий? – всполошился отец.

– Мяч! Вот какая у меня рубашка – такой пусть и принесёт!

– Ничего себе... – сказал отец. – Как-то неожиданно...

– Я вот даже у окна встану, пусть он меня лучше видит!

Я подошёл к окну.

– Лид, – закричал отец в кухню, – у нас тут проблемы... с Дедом Морозом...

– Ну что ещё?!

Вошла в комнату мать.

– Вот, полюбуйся! – сказал отец. – Видишь, у окна гусь стоит! Мяч синий хочет, как его рубашка...

– Так, – сказала мать, – быстренько рубашку снимаем и – сюда. Её давно стирать пора. Саша, на вот, свитер коричневый надень. Очень тебе идёт! И без разговорчиков!

И я надел коричневый свитер.

И вот по телевизору нас поздравили с Новым годом, и вот гости разошлись...

– Всё! – сказала мать, – сил нет! Гасим свет и спать! А то Дед Мороз с подарками не успеет. Вон детей сколько в одном только нашем подъезде – море!

– Я в свитере лягу! – сказал я. – Не хочу, чтобы Дед Мороз голый мяч принёс! Пусть свитер видит!

– Лидочка, – сказал отец, – ну не трожь его! Пусть хоть ботинки снимет, и то хорошо!

Я лёг в свитере и даже не стал одеялом закрываться. Для надёжности...

Каждую минуту я просыпался, вскакивал, обшаривал под ёлкой, залезал на подоконник и выглядывал в форточку: но ни летящего по небу старика в красном кафтане и с развевающейся бородой, как карлик Черномор, ни расписных саней, запряжённых сверкающей тройкой с бубенцами, как на поздравительных открытках к Новому году... Ни-ко-го!

– Не принёс... – вздыхал я и снова ложился.

И уже под утро вскочил я с постели и вижу: еле видный под ветвями – ЛЕЖИТ!

Присыпанный мишурой!

Коричневый!

Ниппельный!

Мяч!

– МЯЧ! – заорал я.

И, еле дыша, вытащил из-под веток шикарный, пахнущий кожей, скрипящий кожаный мяч!

– А почему волейбольный?!

- А какой надо-то? – тёр глаза отец.
- Я же на футбольный договаривался...
- Ну-у-у, Сашенька, – зевнул отец, – много хочешь... от Деда Мороза. Он же старенький и, может, не очень разбирается... в спорте.
- Хорошо хоть я в свитере спал! – Я прижал мяч к свитеру. – Точь-в-точь! А мог бы и синий притащить!
- Конечно! – кивнул отец.
- Вот и спущенный немного. Наверно, не пролазил...
- Я посмотрел на форточку.
- Конечно! – кивнул отец, – Мы подкачаем!
- А насос-то где? – вздохнул я. – Нужен ниппельный!
- А под ёлкой хорошо смотрел?
- Принёс! – заорал я. – Ниппельный!
- Ничего себе, – вздохнул отец, – догадался! А то бы некоторым два раза в магазин бегать пришлось...

Светлана
ГОЛУБЕВА

ЛЕТО, КАПЕЛЬНИЦА, ЛЮБОВЬ

«Не люблю этот город. Живу здесь с десяток лет, а не могу, не получается считать его своим, – думаю я в минуты ностальгии. – Неприбранный, запущенный, некогда красивый, он стоит посреди России, не зная, зачем. Но иногда здесь происходит нечто, и я прощаю городу его несовершенство и прошу у Бога всяческого благоволения к его жителям».

1

В его мире есть звуки, запахи, очертания, движения, но нет слов. Он не знает, что всё на свете наименовано, а его самого разве только Рыжиком и можно назвать.

Он родился ярко-жёлтым, почти оранжевым, с более тёмными – цвета мёда – полосками на голове, боках и хвосте. Такой это жизнеутверждающий окрас, что кажется, его обладатель – неунывающее, бесшабашное существо.

Бездомные коты вправду умнее домашних, живучее – образованнее. Они оптимисты, для них жизнь всегда важнее обстоятельств.

Детство рыжего было обычное уличное: с морозами, дождями, жарой и неизбывным чувством голода, таким же, как у всех, кого котёнок так или иначе знал через мать. Она потом куда-то делась. Или, может, он делся? Потерял

-
- Светлана Сергеевна Голубева родилась в семье работников геологоразведочной партии в пригороде Пскова. Окончила географический факультет Псковского государственного педагогического института им. С. М. Кирова. С 2006 года живёт в Орле. Автор книг «Капельки» (сказки, миниатюры), «Вера» (повести, рассказы, сказки), «Ветра и птицы» (стихи), «Приключения Ромашки, или Тайна деревянной лошадки» (сказочная повесть) – последняя в соавторстве с Е. Машуковой. Произведения публиковались в журналах «Уроки литературы», «Роман-журнал XXI век», «Народное творчество», «Огни Кузбасса», «Бийский вестник», «Аргмак», «Новый Енисейский литератор», «Толока», «Славянин» и др. Член Союза писателей России. Лауреат Всероссийской литературной премии «Вешние воды» (2014).

дорогу, или его потеряли. Но к тому времени он уже знал, куда надо идти за едой.

Голодный котёнок сидел под козырьком у двери бюро ритуальных услуг и молчал. Не умел мяукать. Вернее, умел, но не знал, что это нужно делать сейчас. Холодные струи дождя не попадали под навес, но зерёк и без того был мокрым и грязным.

На него никто не смотрел, его никто не жалел. Некому. Рано. Но малец догадывался, что кто-нибудь вот-вот подойдёт. Котёнок почти ничего не знал из того, что ему пригодилось бы в человеческом мире. Малыш чувствовал дождь, холод, но не ощущал собственного несчастья. Он знал, что его обязательно накормят. Поэтому ждал.

Вскоре над ним склонился, потом присел громадный незнакомец. Один его ботинок мог бы стать просторным кораблём для котёнка. Рыжий на всякий случай приоткрыл малюсенькую пасть, вроде бы мяукнул, но звука не вышло.

Мужчина этот – директор ритуального агентства – молодой, ухоженный, благосердный человек. Считается, что работа в таком месте накладывает грустный отпечаток на внешность и характер, но тут налицо был явно обратный случай: гробы и венки не опреснили вкуса к жизни. Вениамин Сергеевич даже коллег подобрал себе под стать. Все молодые, задорные, кроме уборщицы Антонины. Но и та, хоть была молчалива, отнюдь не госпожа печального образа – лихо водила «матиз» и носила старомодную клокастую горжетку из меха непонятного животного.

Директор по пятницам приходил раньше всех. Он отпер гулкую металлическую дверь, придержал её и сказал котёнку:

– Заходи.

Малыш вошёл. Через несколько минут в холле появились ещё люди.

– Ой, маленький! Какой хорошенький! – умилилась бухгалтерша Маргарита, женщина под сорок, с ультрамодной стрижкой и умопомрачительной талией.

– Наш сотрудник будет. Рыжик, – объявил Вениамин.

Водитель Гриша дал колбасы. Маленькие клычки отважно вонзились в розовую мякоть пахучего кругляша.

– Вы что, ему пока нельзя колбасу! – воскликнула припоздавшая молодая особа, Натуся.

Она, конечно, не мама-кошка, но, видно, всех женщин – настоящих и будущих мам – объединяет стремление опекать малых да слабых. Рыжик до сих пор не чувствовал себя таким, но в окружении высоких, больших существ решил, что покровитель ему не помешает, и выбрал Натусю.

Вскоре появились лоток с наполнителем, миска сначала с молоком, потом кормом для котят и плошка с водой. А ещё Рыжика помыли – вот это была пытка! Но надо было терпеть, потому что жить ему, видно, придётся здесь. И он остался, хоть сразу решил: если не понравится – убежит. Малец чувствовал себя свободным, как все уличные коты.

В первый день нового житья он пустился осматривать офис. Ему следовало пометить территорию, и он, наверное, так и делал.

Уборщице в пятницу директор разрешил приходить попозже, но и убирать велел потщательней. Она шумно ввалилась в контору и нашла всё общество в приятном возбуждении, а вскоре обнаружила и следы пребывания нового «сотрудника» – в виде лужицы. Антонина скривила губы, нервно поправив горжетку. С тех пор, если находила лужу, пусть даже под только что политыми цветами, недовольно взглядывала на малыша, грозя ему пальцем.

Рыжик понял, что уборщица его не полюбит, и сам стал сторониться неласковой дамы. Мало-помалу освоил лоток.

Котёнок облюбывал себе постоянное место на громоздком компьютере старого образца у кладовщицы – той девушки, которая напоминала ему мать. Он вспрыгивал на монитор, свешивал голову, следя за курсором и пытаясь его ловить, или просто дремал. Натуся, отрываясь от работы, указательным пальцем щекотала котёнку шею, нижнюю челюсть и посмеивалась.

Пришло время, когда Рыжик захотел уйти из конторы. Случилось это не весной – осенью. Молодой кот внезапно почувствовал, что если не выйдет на улицу, то умрёт, наверное. Зов, внутренний, тревожный, неодолимо манил его прочь от человеческого жилья. Рыжик понял, что все существа, которые о нём заботятся, не коты, не родные ему по духу. Он просидел у входной двери всю душную ночь. Наутро, как только Антонина появилась на пороге, Рыжик опрометью кинулся наружу, едва разбирая дорогу.

– Вот и беги, откуда пришёл. Обратно не пуцу, – устало злорадствуя, произнесла вдогонку уборщица и привычно загремела ведром, устанавливая его под струю воды.

Каждый входящий сослуживец первым делом замечал, что кота нет.

– Удрал он. Мимо меня пронёсся как ошпаренный, – сообщала уборщица всем и каждому. – А что вы хотели? Кот-то уличный, вот и сбежал. Теперь обратно не ждите. Сколько волка ни корми, он всё в лес смотрит.

– Ребята, слушайте, – прервав Тоню, воскликнула Натуся, уставясь в монитор, – я в Интернете сейчас нашла: у нашего котика свадебная пора, она с семи месяцев может начинаться, а не именно весной. Он вернётся, вот увидите. Вы, Антонина Михайловна, не спешите с выводами.

Все успокоились и стали ждать любимца.

А он, почти бездыханный, лежал за забором одного дома в частных застройках недалеко от склада. Как очнулся, отполз в кусты. Мало-помалу пришёл в себя и медленно, подолгу отдыхая, повлачился к своим. Его, с развороченной верхней челюстью, полуживого, подобрал Гриша. Вениамин тут же отрядил водителя с Натусей везти страдальца в ветлечебницу.

Через некоторое время, когда лечение закончилось и кота привезли домой, друзья-конторщики встречали его торжественно и осторожно. Все поочерёдно брали Рыжика на руки, словно давали ему понять, что любят и будут отныне беречь. Кот терпел. Его наконец отпусти-

ли. Зверёк неспешно прошёлся между столами, венками, спокойно вспрыгнул на привычное место – компьютер – и проспал до конца рабочего дня. Ночью, подвластный всеильному инстинкту, кот снова обходил свои владения, помечал территорию, которую, как он считал, должен охранять.

Утром у окон конторы вжикнул, тормозя, «матиз». Уборщица вошла и тут же сморщилась, будто откусила кислого яблока. Взяла Рыжика за загривок и с ненавистью прошипела ему в глаза:

– Берегись, пачкун несчастный!

2

Прошло время. Кот выздоровел, стал ловок и грациозен, как прежде. Только мордочка его навсегда осталась слегка повернутой набок. Рыжик всё так же подолгу находился на складе, у Натуси, отчего отгрузка скорбных товаров обретала иной раз утешительный оттенок. Несут, к примеру, Гриша с грузчиком Павлушей, кротким алкоголиком, на погрузку гроб, а на крышке или внутри сидит Рыжик, не выпрыгивает, «едет» так до самой машины и покидает насиженное место, когда домовину начинают громоздить в кузов.

Веня не поощрял баловства, ведь товар следует доставлять клиентам в самом лучшем, первозданном, можно сказать, виде, а косящая шерсть на атласной обивке вредит репутации фирмы. Натуся и Гриша оберегали Рыжика от неудовольствия начальника – перед отправкой смахивали ворсинки с атласа одежной щёткой. Жалоб от заказчиков пока не поступало. Но в Интернете то и дело появлялись фотографии кота в гробу, что немало забавляло смешливую Маргариту, да и Вениамина тоже, хотя тот старался блюсти себя как серьёзного бизнесмена. Чьи это шалости, никто не доискивался, хотя могли быть чьи угодно – Гриши с Натусей, заказчиков, приезжавших за гробами и венками, Маргариты или даже самого Вени. Только двое не пошли бы на такие проделки – Павлуша и Антонина – каждый по своей причине.

Однажды Рыжик опять пропал. Никто не сомневался, что его позвала природа. Уборщица снова рассказывала, как кот молнией просверкнул мимо неё, летя в придорожные посадки навстречу свободе и любви.

Все ждали и тревожились: каким он вернётся на этот раз? Больше всех переживала Натуся. Директор распорядился пройтись по окрестностям, поспрашивать местных жителей, а лучше расклеить объявления с фотографией любимца. У Рыжика примечательная внешность – такого обязательно вспомнят и позвонят.

Конторщики так и поступили: распечатали, развесили, опросили и стали ждать откликов. Их не было. Натуся совсем скисла. Гриша отгружал продукцию без привычного молодого задора и грустно поглядывал на кладовщицу...

Рыжик, выбравшийся из полотняной торбы, стремился покинуть незнакомый лес, где совершенно нечего есть, но это не главное. Гони-

мый настойчивым стремлением вернуться к внезапно, беспричинно утраченному дому, кот бежал трусцой по лесной дороге в сторону города.

Вскоре скиталец выскочил на опушку возле дачного массива. Несколько дней он блуждал между домиками и садами. Дачники подкармливали его, полагая, что он – питомец кого-нибудь из соседей. Собаки хрипло лаяли, но не догоняли приبلудного кота. Их задача – стеречь хозяйство, а кот – мимолётное развлечение.

Зверёк выбрался за пределы дачного посёлка к шоссе и помчался по посадкам. Ближе к городу на трассе стало шумно, а запахи – резки и едки. В городе Рыжик искал убежища в подвалах и нередко бывал изгнан тамошними котами.

В одном из дворов скитальца приманила старушка. Она дала коту насытиться куриными косточками, взяла на руки и понесла в дом. Он не сопротивлялся – не ощущал опасности, чувствовал: этот человек не способен причинить вред. Рыжик неспешно обследовал пустоватую, неудобную квартиру, запрыгнул на диван. Дважды покружившись на облюбованном местечке, он улёгся. Бабушка присела рядом и принялась гладить найдёныша жёсткой, слегка подрагивающей рукой.

Кот спал, быть может, впервые за последние недели не чувствуя опасности извне. Но во сне он по-прежнему бежал. Сначала будто бы к чему-то или кому-то знакомому, но потом оказалось, что он удирает от собак, Антонины, ослепляющих автомобильных фар. В конце концов всё смешалось и разлетелось.

Рыжик проснулся, пошёл в кухню. К комку фарша на газетном клочке не притронулся, прыгнул на подоконник, на форточку и – на улицу.

– Куда? Васька, куда? – окликнула его старая женщина.

А Рыжик-Васька пошёл исследовать новую для себя территорию. Оказалось, что она ещё чья-то и, вероятно, не одного кота. Значит, придётся драться. Новичок подумал об этом спокойно, как о данности. Ещё он обнаружил, что в округе, в двух-трёх местах стоят миски со съестным. К бабушке можно не возвращаться. Но он вернулся. Через форточку, которую хозяйка не закрывала, ожидая его.

– Вернулся, гулёна? – радостно спросила она. – Ну, входи, супчика тебе налью.

Рыжик есть не хотел, но к тарелочке подошёл, понюхал, немножко полакал. Потом он снова спал на ребристом, как изработавшаяся лошадь, диване, и добрая старческая ладонь снова гладила его по спине.

Так повелось. Кот выходил на сутки и больше, но возвращался. Бабушка доверяла ему и всегда ждала с супом или косточкой.

Однажды Рыжик услышал девичий голос. Такой знакомый, что кот заметался возле автомобиля, куда впрыгнула милая щебетунья.

Машина уехала и увезла голос, а Рыжик уже не думал о старушке – он снова стремился домой.

Кот бежал мимо высоток, через глупые детские площадки с малышами, лопотавшими ему вслед: «Кися-а», как угорелый перебежал улицы и проспекты, где с безумной скоростью мчались «ниссаны»

и «лексусы». Может быть, в этом смертоносном потоке раз-другой проскочила Гришина «газель» или какой-нибудь из автомобилей провёз мимо Натусю, Маргариту, Вениамина... Но как в бешеной спешке разглядеть друг друга? Как в лабиринтах улиц, где зачастую есть только пара секунд для спасения, разобраться, в какую сторону тебе надо, где единственно правильное путь?

Худо-бедно кот добрался до улицы Покровской. Тут было относительно тихо. Рыжик примостился на огромных тёплых трубах, а со временем привык спать на них или под ними, если дул сильный ветер, бесилась пурга. Из окна туристической фирмы за ним наблюдали женщины, а вскоре стали приносить ему еду. Случилось однажды, что две из них в мороз выскочили налегке, крича и размахивая сумками: отгоняли свору бродячих псов, желавших пообедать приبلудным котом. И тот не спешил уходить. Может, пережидал зиму, а может, снова стал забывать родную контору... Он освоился в чужом дворе, сам в привычный час подходил к дверям турагентства за угощением.

А потом, как раз когда Рыжик направлялся к своим благодетельницам, завизжали тормоза, раздался надсадный женский крик, и белый свет погас. Рыжик не мог видеть, как в окне тотчас показались встревоженные лица, а к нему, скользя и спотыкаясь, кто-то бежал...

Удар был такой силы, что оценить его живое существо не может: боль гасит сознание. Сон и явь становятся единым бредом. Зелёная трава, кошка-мать, старушка, Натуся и гробы сменяются вдруг белой стеной, чьими-то руками с иглой. Она входит в тело, но это почти не чувствуется, потому что тело изнутри и снаружи – всепоглощающая боль. Саднящую иглу с трубочкой, торчащую из лапы, хочется полизать, но нет сил. Она ли причина мучения, которое везде, в каждом вдохе?

Заслышав шум, Рыжик едва разлеплял наполовину затянутые белой плёнкой глаза и смежал веки снова. Все его чувства и ощущения превратились в единственное желание – покоя, потому что любое движение причиняет страдание и даётся с невероятным трудом. Всё, всё надоело, и если то, что сейчас происходит, – жизнь, хочется, чтоб она закончилась, лишь бы не трогали, лишь бы не чувствовать боли.

3

«Помогите коту!» – так начиналось объявление, напечатанное на жёлтой бумаге. Я огляделась. На столбе, стене дома, витрине магазина – такие же жёлтые листки. Человек, чей телефон был написан внизу, вдоль бахромой нарезанного края объявления, просил денег на лечение бездомного кота, которого неподалёку от моей работы сбил автомобиль.

Сначала я прошла мимо, но цвет листков просто лез в глаза со всех сторон. «А если кот умрёт потому, что на лечение не хватило как раз моих денег? Вдруг я буду единственной, кто поможет несчастному животному?» – подумалось мне, и я набрала указанный номер. Ответила женщина, Ольга – так она представилась.

Выяснилось, что на перекрёстке, который я каждый день перехожу, недавно сбит рыжий бездомный кот. Единственная причина его подбирать у Ольги и её сослуживиц была только та, что он жил близ их туристического офиса, спал на трубах теплотрассы и был привычной частью пейзажа. Женщины отнесли полумёртвого зверька в клинику. Продолжительное лечение, операции требовали денег. Так появилось объявление.

Ветеринарная лечебница, как оказалось, расположена неподалёку от студии танца, где занимается моя дочь. Так что, провожая Анютку, могу навестить кота.

– В регистратуре заведён специальный конверт, – проинструктировала меня Ольга. – Вы можете оставить любую сумму и обязательно впишите в список свою фамилию.

Дома я всё рассказала Анюте, и мы отправились на танцы пораньше, чтобы перед тем навестить страдальца.

– Можно нам увидеть рыжего кота? – спросила я в регистратуре.

Полноватая молодница окликнула девушку, которая тут же в холле продавала корм для животных.

– Наш Рыжик пользуется популярностью.

– Значит, мы не первые его навещаем?

– Едва ли не тридцать первые, – улыбнулась опрятная, в крахмальном халате молодуха и протянула мне конверт с надписью «Для Рыжика».

В нём лежали купюры разного достоинства и сложенный вчетверо список участников спасения. В нём и вправду значилось не меньше тридцати фамилий. Я положила деньги, но записываться на бумажку не стала. Аня купила в киоске коробочку паштета.

Нас проводили в просторную комнату, где вдоль стены в три яруса размещались небольшие клетки – «палаты интенсивной терапии» – окрестили мы их. В клетках лежали и сидели послеоперационные животные. Внизу – собаки, над ними два яруса занимали кошки.

В этой комнате уже была посетительница – та самая Оля. Она показала нам Рыжика.

Тот, ради кого мы пришли, лежал в центральной клетке, над отсеком поскуливающей дворняги с удивительно проникновенными глазами. Рыжик не шевелился, ни на что не реагировал. Казалось, спал. Нас поразила его страшная худоба. Конечно, он ведь пока не может есть. Аня показала мне на Рыжикову слегка свёрнутую набок мордашку. Мы сочли это увечьем от аварии.

– Паштет не открывайте. Больному сейчас не до еды, – предупредила Ольга. – Вот немножко подлечится – и покормите.

Мы стали два раза в неделю приходить в ветклинику. Неизменно покупали вкусенького. Рыжик не ел – был слишком слаб.

На нижнем «этаже» сидела или спала собака. Как её звали – не помню. Иногда к ней приходили девушка и парень, брали на прогулку. А мы с Анной чистили клетки, раздавали корм животным, кому позволялось: Чипу или ласковой непоседе Маркизе – кошке-подростку, которая всё время норовила вылезти из клетки. Если её пытались погладить, она заваливалась на спинку, переворачивалась, подстав-

ляя ласкам бока и живот. Неизвестно, что у неё болело, рубцов на её теле мы не заметили.

Однажды мы никого, кроме Рыжика, в общей «палате» не нашли.

– Где все? – спросила дочь.

– Забрали, – ответила ассистентка хирурга. – Собаку взяли к себе девушка и парень. Они-то и привезли к нам эту псинку с пробитой головой три недели назад.

– А Чип? А Маркиза?

– Их тоже «усыновили». Маркизу взял наш молодой доктор. Вчера рассказывал, Маркиза у них дома что только не вытворяет, к ужасу жены и радости ребятишек! Жизнь превратилась в сплошной цирк.

В тот вечер Рыжик впервые полизал принесённое нами угощение.

Наступили каникулы. Мы с Аней уехали на море. Я звонила оттуда Ольге, и та коротко сообщала об очередном курсе лечения Рыжика – капельницах и уколах. Дочь ходила мрачная, жалела, что уехала. На морские и горные прогулки девочка соглашалась, лишь бы убить время, ходить на пляж не хотела вовсе. Отдых превратился в ожидание возвращения.

В то лето краснодарская трасса ремонтировалась сразу на нескольких участках, так что вместо девятнадцати, автобус вёз нас домой двадцать шесть часов. Телефон разрядился. Нас это почти не расстроило. Измотанные жарой и дорогой, мы желали только одного: доехать.

На следующее после возвращения утро мы поспешили в лечебницу.

– Котика забрали, – сказали нам. – Вы Ольге позвоните, он у неё.

– Рыжик не у меня, а у своих законных хозяев, – был ответ.

– Ничего себе, как же они нашлись?

– Гм... Счастливый случай.

Рыжика после выписки Ольга взяла к себе, к своим двум котам. Желая найти для спасённого заботливых хозяев, она разместила его фотографию на городском сайте «Кот и пёс». Вскоре Ольге позвонил мужчина, представился директором ритуального бюро, чем немало её озадачил.

– Не пугайтесь, – поспешил объясниться Вениамин Сергеевич. – Дело в том, что мы с сослуживцами увидели на сайте фото рыжего кота. Мы узнали его по особенностям мордочки. В юности он попал под ногу какого-то негодяя. Это наш Рыжик, понимаете? Если вы не против, я сейчас же пришлю за ним водителя.

– Не против, только я тоже поеду. Хочу посмотреть, где будет жить Рыжик.

– Без проблем, – согласился Вениамин.

И точно: минут через двадцать у окон послышалась «газель». Женщина вынесла Рыжика. Ей навстречу из кабины выпрыгнула Натуся и защebetала:

– Здравствуйте. Спасибо, что вы нашли наше Солнышко!

– Знали бы, что ему пришлось пережить! – строго сказала Ольга. – Что же вы не следили за питомцем?

Пока ехали на Ливенскую, Ольга рассказала, что перенёс Рыжик. Натуся в свою очередь поведала, как он пропал и как директор с водителем после тщетных поисков по окрестностям провели в конторе настоящее расследование – прокрутили записи с офисной видеокамеры. Хотели посмотреть, в каком направлении сбегал Рыжик, а увидели, как уборщица запикивает в «матиз» брыкающийся мешок.

Сослуживцы устроили даме в горжетке форменный допрос. Та призналась, что невзлюбила кота с первых дней. Дескать, как следить за чистотой и порядком, если в каждом углу то и дело появляются пахучие лужи. Сначала Антонина надеялась, что Рыжик не вернётся после брачного побега, но в итоге сама увезла его в лесок за дачным посёлком.

Уборщицу уволили.

Любимца пробовали искать в местах, куда его завезла Антонина. Ездили по дачному посёлку, спрашивали, не приютил ли кто. Рыжика видели, кормили. Но куда он делся, никто не знал. Конторщики утешались, что, по крайней мере, кот жив. Однако следы затерялись. Оставалось просматривать сайт с животными.

4

Ольга передала Рыжика Натусе, и та торжественно внесла его в офис. Маргарита, Вениамин, новая уборщица Любочка, даже Павлуша зааплодировали, но Гриша замахал на них и зашикал: испугаете, мол, дёрнется, а ему пока нельзя, ему ещё восстанавливаться надо. Ольга предупредила, что кот не сможет далеко ходить, только в пределах помещения. Рыжика спустили с рук и замерли, ожидая, что тот предпримет.

Кот медленно пошёл по конторе, словно припоминал прежнее жилище. Обнюхал лоток, подошёл к мискам. К воде не притронулся, зато пожевал кусочки корма, купленного Маргаритой по случаю возвращения блудного друга. Потом прыгнул на стул Натуси и – на компьютер.

– Узнал, узнал! – восторженно прошептала девушка в сцепленные замком руки, потом обернулась ко всем и твёрдо произнесла: – Он будет жить у меня!

– У нас, – поправил её Гриша.

– Да, у нас, – повторила за ним кладовщица. – Мы сегодня заявление в ЗАГС подали.

– Ура! – вполголоса прогудели Маргарита с Любочкой в честь будущих супругов.

Вениамин нашёл карту города, показал Ольге лес, куда был завезён Рыжик, а та – злосчастный перекрёсток. Так люди установили, какой путь преодолел их любимец. Всем хотелось думать, что кот так или иначе настойчиво пробирался к родной конторе. Может, так оно и было.

На прощание Ольга протянула Вениамину листок бумаги с фамилиями и сказала:

– Вы должны знать, что нашего Рыжика спасали десятки людей.

Такую историю я услышала по телефону и хотела уже заканчивать разговор, но Ольга меня задержала.

– Оставшиеся после терапии деньги я передала в фонд лечения бездомных животных. И ещё... Помните котёнка Чипа? Он умер тогда в клинике. Почки не выдержали. Дочери не говорите.

– Не скажу, – обещала я.

Конец августа. Стоял тёплый тишайший вечер. Мы с дочкой лежали дома на ковре и фантазировали, что если бы стали миллионерами или даже просто зажиточными людьми, непременно открыли бы питомник для животных. Не только для котов – для всех.

Наутро я шла на работу привычной дорогой и опять увидела объявления на жёлтой бумаге: «Друзья! Огромное спасибо всем, кто спасал рыжего кота. Он здоров и передан в руки любящих хозяев».

...Лето в наших краях не сдаётся безропотно осени, так что солнце светило и грело всюду. Воздух, трава, каждый листочек на каждом дереве, казалось, лучились неким особенным светом, который часто окружает в детстве, когда у постели сидит мама, гладит тебя и улыбается.

Михаил
МУЛЛИН

ВОЛШЕБНАЯ ПАЛОЧКА

ТАНЕЦ МИШИ ЖУРАВЛЁВА

Миша прыгает и скачет,
И приходится признать:
Силы всей семьи не хватит,
Чтобы Мишу удержать!
Прыгать заинтересован
Он хоть час, хоть два подряд:
У него из-под кроссовок
Искры красные летят!
Прыгать Мише интересно
Целый день и даже пять.
Для него стоять на месте –
Значит даром жизнь терять.
Не судите Мишу строго –
Миша просто молодец!
В нём энергии так много,
Будто Миша – это ТЭЦ,
И автомобиль, и трактор,
Увлечённый танцами!
Словно атомный реактор
И электростанция!
И ещё я знаю точно
(И не только я один!):
У него внутри – моторчик
И две тысячи пружин!
Никогда не обесточен,
Ловок он, прыгуч и скор.
В нём, все знают, только ночью
Выключается мотор.

-
- Михаил Семёнович Муллин родился в 1946 году в селе Старо-Костеево Бакалинского района Башкирской АССР. Окончил Башкирский сельскохозяйственный институт. Публиковался в журналах «Наш современник», «Литературная учёба», «Волга», «Волга–XXI век», «Степные просторы», «Кукумбер», «Простокваша», «Великороссъ» и др. Автор книг «Как перевернуть землю», «Вера», «Катамаран», «Это я устроил дождь», «Кукушка с часами», «Необыкновенные приключения капитана Бывалова и юнги Шмидта». Член Союза журналистов России и Союза писателей России. Живёт в Саратове.

МИША ЖУРАВЛЁВ И ВОЛШЕБНАЯ ПАЛОЧКА

Миша вырос – посмотри! –
И в плечах стал шире,
Ведь ему теперь не три,
А уже четыре!
В армию почти готов –
Лет ему не мало.
Он не только Журавлёв,
Он ещё и Палыч!

Михаилу Палычу
Подарили палочку,
И на палочке верхом
Обскакал он двор и дом.
– Как? На палке! Неужели?
– Вынутой из ящика?!
– Палка та – на самом деле –
Лошадь настоящая!
Борзый Конь – ну просто диво!
Он стоять не хочет.
Конь зелёный с алой гривой
В голубой цветочек!

Знаете про это вы ли?
Миша может показать,
Что на Лошади скакать
Лучше, чем в автомобиле.
Ведь в авто любого класса
Можно ехать лишь по трассам,
А на этом-то Коне –
И по комнате вполне!

Конь зелёный с гривой алой –
На таком минут за пять
Можно даже генерала
Очень просто обскакать!
И к тому ж, понять несложно,
Конь же другом может быть.
И... Коня погладить можно
И с ладошки покормить!

АВОКАДО, ПОРОСЁНОК, НАУКА И ПРАКТИКА

*В плодах авокадо жира содержится
больше, чем в некоторых сортах
сметаны – 20 процентов!*

(Научный факт)

Два учёных из Багдада
Доказали: «Как ни странно,
В сладком плоде Авокадо
Жиру больше, чем в сметане!»

Сто учёных из Салоник
Сразу им поверили:
«Авокадо – поросёнок,
Хоть растёт на дереве!»

А другим открытием ценным
Доктор всяческих наук
Доказал, что «несомненно,
Поросёнок – это фрукт».

Авокадо ж думал скромно:
«Спорить что ж с наукою!
Просто я, хоть поросёнок,
Не визжу, не хрюкаю!»

Но рязанская девчонка,
Выдающийся эксперт,
Авокадо поросёнку
Предложила на десерт:

«Доверять наукам надо,
Но и проверять...»
И вдруг...
Поросёнок авокадо
Съел немедля – ну и фрукт!

Съел нисколько не смущённо.
И ему заметил я:
«Может, ты не поросёнок?
Может, просто ты – свинья?!»

ПЕКАРИ

За горами, за долами,
За большими реками,
В Эквадоре и в Панаме
Проживают Пекари.
Может, это мнение ложно,
Путешественники лгут:
Эти Пекари, возможно,
В делях Африки живут.
Но одно бесспорно тут:
Слишком неумелые –
Они хлеба не пекут,
Булочек не делают!
Зато стадом травы мнут!
С давних пор поныне
Они булок не пекут,
Потому что свиный!
Даже их единство
В стаде – тоже свиство.
Их настолько уважают,
Что на белом свете все
Никогда не называют
Их в единственном числе!
Пекарёнок – мелкий сви –
Финнами ли, греками,
Даже если он один,
Он зовётся – Пекари!

ТАПЁРЫ И ТАПИРЫ

Страдали дети в разных странах мира:
«Как отличить Тапёра от Тапира?!»
Но, изучив вопрос со всех сторон,
Указ суровый приняла ООН:
«Какие б у них ни были таланты,
Пусть резко отличается их быт:
Тапиры пусть не рвутся в музыканты,
Тапёры чтобы были без копыт!
Ещё чтоб, в соответствии с их именем,
Отныне им по-разному и жить:
Тапирам – не сидеть за пианинами,
Тапёрам же – стадами не ходить!»
С тех пор и знают дети всего мира,
Как отличить Тапёра от Тапира!

КОТ, ПОБЫВАВШИЙ НА МАРСЕ

– Этот Кот бывал на Марсе!
У него теперь катарсис!
– Нет, не может быть катарсис
На Земле, да и на Марсе.
У котов бывает –
В марте –
Катарсис, а *не* катарсис!

ПТИЦА КУКША

Любезные дети, друзья и подружки,
Прошу вас: не путайте Кукшу с Кукушкой!
Как их отличить? Да примета есть верная –
Ведь Кукша резвее, к тому ж – красно-серая!
Талантлива Кукша, скажу одним словом.
Она акробат, но при этом и клоун.
Вся песня Кукушкина – только «ку-ку»,
А Кукше легко... подражать Петуху.
От смеха над ней надорвёте живот:
Глядите-ка, птичка, а лошадью ржёт!
И блеет, совсем как в овчарне овечка,
И... может сказать что-то по-человечьи!
А если решит, что вам этого мало,
Прикинется Кошкой – и скажет вам: «Мяу!»

ПОЧЕМУ РАК «КУСАЕТСЯ»

Дети, вот совет науки:
Не берите Рака в руки –
Рак здороваётся с вами
С удовольствием... зубами!
Знают все-все-все в реке:
Зубы Рака – на руке!
У него, другим на страх,
Растут зубы на руках.

*(Секретное уточнение:
Образованный, однако –
Это, скажем, ты и я, –
Знает, что рука у Рака –
Не рука совсем – клешня!
Жмёт он вашу руку ей
Крепко, даже грубо.
Да и зубы-то на ней –
Вовсе и не зубы!)*

СЛОНИК ИЗ САЛОНИКОВ

В Салониках, в светлом салоне
Слонялся по полочке Слоник.
Гулял он по полочке долго
И хобот согнул, словно доллар.
Хоть сделан он был из фарфора,
Но был очень умным, бесспорно,
И знал, что приличному Слонику
Жить надо в салоне в Салониках.
А в джунглях и там, где саванны,
Должны жить Слоны-великаны.

ТРЯСОГУЗКА

1

Трясогузка пегая
У речушки бегала
И в прятки со знакомыми
Играла насекомыми:
– У речки, у Саратовки,
Я вас ищу, ребята!
А если кто не спрятался,
То я не виновата!
И честно заявляю всем:
Кого найду, того и съем!

2

Ей не бывает грустно,
Приятны все дела.
Красотка Трясогузка
Повсюду весела.
В согласии с собой,
В общении – живая,
Она и головой,
И хвостиком кивает.
– Да, птичка я, однако,
Легко меня понять:
Хочу я, как собака,
Уметь хвостом вилять!

ЧЕТВЕРО ВЕЛИКИХ

Думал физик в офисе и дома –
И открыть сумел законы Гнома.
Композитор – по закону Гнома –
Написал балет «Тропою Гнома».
Были они коротко знакомы,
Потому что оба были Гномы.
И сосед их – *крупный* астроном –
Тоже был (представьте только!) Гном.
Жил от них писатель за углом,
Написал роман он «Тихий Гном».
Посмотрите на своих знакомых:
Нет ли среди них Великих Гномов?

СЛАВКИНО ИМЯ – НА ВЫРОСТ

На ветке цветущей вишни
Выглядит просто отлично
Славка – но не мальчишка –
Просто весёлая птичка.
Ей имя её по нраву.
Поёт от души и сладко,
Пока что ещё не Слава,
Но всё-таки уже Славка!

ПУШОК

Над спорышем летит пушинка.
С огромной скоростью вдогон
Бежит на лапках – на пружинках –
Котёнок, жёлтый, как огонь.
А вслед за ним бежит Иринка,
Кричит: «Эй, рыженький! Ау-у!»
Вот, раз бежишь ты за *пушинкой*,
Тебя *Пушком* я назову».
И вот Пушок бежит обратно,
Заботу девочки ценя:
«Так имя это мне приятно,
Что вот он – я, погладь меня!»

**Виталий
ЛОЗОВИЧ**

КАК ПАДАЛИ ЗВЁЗДЫ, ИЛИ ПОСЛЕДНИЙ ПАТРОН

Стоял сентябрь. Бабье лето. В горах Нгарка Пэ вторую неделю не было дождей. Солнце светило и грело с утра до вечера. Мелкие болотца высохли до самого дна и виднелись повсюду тёмными лепёшками, обсаженными по своим краям высокой жёлтой осокой. Осока также иссохла полностью и торчала по берегам негнущейся, жёсткой соломой. Река Сось ужалась с берегов, обмелела, во многих местах её теперь можно было перейти вброд в рыбацких сапогах. Кое-где из реки показались большие «подводные» камни. Берёзы стояли вдоль русла в янтарном осеннем наряде и горели болезненной желтизной листьев, что ещё не облетели, но готовы были сорваться в любой день, при самом малейшем ветре.

Однако в горах стоял полный штиль. Комар давно уснул, уснула с ним и вся остальная мошка. Рыба в реке ушла кормиться на глубину. На пологих склонах гор и в самой долине были замечены уже линяющие в белое перо куропачьи стайки. В низких солнечных лучах среди багряных низкорослых кустиков карликовой берёзки они сверкали своими белыми толстенькими бочками, как крошечные маячки неосторожности, аппетитно заманивая местных охотников за собой. Утки собрались в стаи и, перелетая с озера на озеро, изредка оглашали окрестности своими прощальными криками. Всякой чирикающей, порхающей мелочи тоже поубавилось. В долине реки Сось стало тише. Сама река очень часто по вечерам отливала уже каким-то чисто осенним, свинцовым блеском.

-
- Виталий Васильевич Лозович родился и жил в Воркуте. Более тридцати лет проработал кино- и телеоператором. Публиковался в журналах «Север», «Автограф», «Дальний Восток», «Союз писателей», «Аврора». Автор прозаических книг «Тёща для всех», «Опрокинутый мир», «Убойный снег». Лауреат журнала «Дальний Восток». Член Российского межрегионального союза писателей. Член Союза журналистов России. Живёт в Салехарде.

Сушь стояла повсюду. Мелкие ручьи пересохли, их каменистые русла серели своими тонкими ниточками на склонах гор. Темнело теперь рано. Местный «рабочий» поезд, что ходил по долине ежедневно, соединяя Европу и Азию, города Северск и Лабытки, половину пути шёл в ночи. Горел прожектор тепловоза, разрезая ночную темень, стучали неторопливо колёса, и небольшой состав из трёх вагонов в лунную ночь походил на медленно крадущегося вдоль невысоких гор дракона.

Днём было тепло. Ночью случались редкие заморозки. Рано утром, ещё до первого солнца, вся долина была усыпана серебром бело-голубого инея. С восходом он таял, образуя повсюду крошечную росу. А через минуты роса испарялась в солнечных лучах, и долина обрела свой естественный золотой, осенний цвет. Последние дни бабьего лета. Тишь.

Весь сентябрь по горам Нгарка Пэ колесил вездеход. Он объезжал все ближние стойбища оленеводов, заходил на все железнодорожные станции, геологические и всякие прочие экспедиции. В вездеходе было четыре человека – два охотника-промысловика, представитель милиции да сам механик-вездеходчик. Искала эта четвёрка хромого медведя, что в августе задрал грибника близ горы с очень конкретным названием Медвежья, а чуть погода и съел его. Нашли потом только косточки да кусок кожи, непонятно, с какого места.

В спячку зимнюю людоед не лёг и бродил по горам, похоже, выискивая себе новую жертву. Застать зверя врасплох или догнать его до сих пор никому не удалось. Следы зверя постоянно обрывались то на каменистом берегу, то в воде реки, то просто в скальных местах, куда вездеход не пройдёт. Охотники, походив по горам, возвращались к машине ни с чем.

С каждым днём сентября напряжение в округе росло. Люди, работающие в долине на полустанках, пока были все целы, но мысль, что они когда-то кого-нибудь не досчитаются, терзала их ежедневно. Кто им будет?.. Зверь оказался слишком хитёр и умён. Следы его видели почти ежедневно в самых разных местах. Узнавали по не слишком глубокому отпечатку одной из лап – он её как подворачивал внутрь. Охотники сразу установили: зверь был ранен. Имя людоеду присвоили обычное: хромой шатун. Кто его ранил, не знал никто. Проклинали этого человека все. Потому как знали: раз зверь начал мстить, будет мстить до конца. На ремонт железнодорожных путей обходчики ходили с ружьями. Однако приезжих туристов не убавилось. Приезжали по одному, по двое, а то и целыми группами. Группы были также и школьные. Местные жители предупреждали о хромом шатуне, но действовало это слабо. Туристы отмахивались, спрашивали: где видели? там? Это далеко, десять километров... Десять километров зверю идти пару часов, это если не торопясь.

Ближе к ночи, уже в сумраке, в стойбище, что стояло совсем недалеко от реки Собь, в соседней долине, прикатил вездеход. Тарахтящая машина разбудила своим грохотом стадо оленей, а с ними и рычащих, излаивавшихся до хрипоты собак. Оленеводы вышли из чумов и с любопытством поглядывали на приезжих. Милиционера они знали здесь

хорошо, он был местным. Всех гостей сразу пригласили в чум. Гости захватили из вездехода звякающую стеклом сумку.

Ещё несколько часов из закопчённой трубы, что торчала меж кольев в самом верху чума, летели весёлые, быстрые искорки и тут же гасли в густоте застывшего воздуха. Печь на ночь топили жарко. Выплывшая из-за гор луна осветила небольшую долину, засверкав холодными искрами в мелком просторном ручье.

Веселья в чуме не было. Шёл разговор, как найти хромого людоеда. Медведь так ловко путал следы, что уходил от охотников почти из-под носа. Под разговор пили водку, не торопясь закусывали оленьиной, порезанной тонкими кусочками и зажаренной прямо на плите раскалённой печки, без сковородки или какого противня. Мужчины курили, развалившись на струганых досках перед низким столиком, сбитым из тонкой фанеры и небольших чурочек. Женщины суетились у плиты, дети на своей половине чума играли с какими-то куклами.

Среди оленеводов за общим столом наравне с мужчинами сидел мальчик. Он не пил водку, не курил табак. Сидел, слушал приезжих. Мальчика звали Фёдор. Ему весной этого года исполнилось двенадцать лет. Он закончил в интернате города Северска четвёртый класс и дальше учиться отказался. Сказал, что будет оленеводом. В двенадцать лет дети оленеводов, если имеют желание, становятся полноправными, «кадровыми» пастухами наравне со взрослыми. Фёдор был единственным человеком в стойбище, кто умел писать и читать, а также – самое главное на сегодняшний день – он мог расписываться во всех документах и необходимых ведомостях. Потому, когда в конце августа к ним приезжал вездеход и забирал в интернат на зиму учиться его младшего брата, расписывался за него вместо родителей Фёдор.

Ближе к полуночи Фёдор вышел из чума на воздух. Луна стояла уже высоко, желтизна с неё сошла, и она сверкала пронзительным светом на небосводе среди первых загорающихся звёзд. К ночи похолодало. Собаки, спавшие на нартах рядом с чумом, подняли на Фёдора свои морды – Фёдор ничего не сказал, и они легли обратно. Было тихо. Воздух был недвижим. Недалеко замерло стадо оленей – одной большой серой массой. Только ручей бежал рядом, журча на камнях и уступах.

Вчера впервые в жизни Фёдор увидел, как с чёрного неба, прямо из его далёкой, бездонной глубины упала... звезда. Упала и исчезла в темноте ночи. Прочертила линию белой вспышкой и растворилась среди звёзд. До земли она не достала – Фёдор видел. Может, пролетела вообще мимо земли? Звёзды находятся очень далеко – Фёдор это знал уже давно, ещё до интерната... отец говорил. И в интернате говорили про звёзды, что они живут много дальше солнца. Но никто там не говорил, что они... падают. Раньше Фёдор не обращал особого внимания на ночное небо. Ну, горят себе и горят. Хорошо, когда луна, видно всё. Но вчерашняя ночь, точнее, какой-то её миг, когда он увидел, как упала звезда, перевернула всё его представление о ночном небе.

Весь день он ждал, когда зайдёт солнце и выйдет луна. С луной придёт ночь, а тогда он сможет опять увидеть, как упадёт звезда.

Словно оживёт на мгновение, вспыхнет, пролетит по небу и умрёт. Вчера он так просидел не один час и всё же дождался – звезда вновь упала, да не одна. Было так красиво, так необъяснимо красиво... Может, повезёт и сегодня? Фёдор сел на землю, облокотившись спиной о натянутую шкуру чума и приник глазами к чёрному небу.

Звёзды мерцали, перемигивались, но ни одна падать не хотела. Небо как затаилось и молчало. Фёдор ждал. Он смотрел в ту часть неба, что была чуть сбоку от Полярной. Вчера именно там он видел яркие линии падающих звёзд. И тогда Фёдор успел заметить, что не на всём небе происходит такое. Звёзды падали только в одном месте, на одном участке. Сегодня он так же безотрывно смотрел в этот далёкий кусочек черноты, где горели и переливались непонятные созвездия, имён которых он не знал.

Его терпение было вознаграждено. Рядом с одной совсем не яркой, совсем ничем не примечательной звездой вдруг вспыхнула ещё одна и сразу белым лучом прочертила линию в космосе... прочертила и погасла. Всё произошло так быстро, что Фёдор даже ахнуть не успел. Сколько это длилось? Секунду? Или больше? Или меньше? Но так красиво!.. Так красиво... что даже сравнить здесь, на земле, не с чем!

Когда звезда погасла, из чума вышел один из приезжих охотников, чиркнул спичкой и прикурил сигарету. Он посмотрел сверху на Фёдора и спросил дружелюбно, по-взрослому:

– Космос разглядываешь?

Фёдор смолчал, обдумывая, говорить ему про падающие звёзды или нет. Сказать хотелось. Хотелось просто поделиться этой необъяснимой и удивительной небесной тайной. А если он не поверит? Если следующая звезда упадёт слишком поздно и он не увидит? Подумает, что Фёдору померещилось или, того хуже, что Фёдор придумал всё это?..

– Звезда упала, – сказал он немного безразлично, – только что. Вон там.

– Звезда? – удивился охотник. – Как упала?

– Так, – просто пояснил Фёдор, – сорвалась с неба и упала.

– Куда упала? – не унимался тот.

– Да не знаю. Она погасла ещё в небе. Не видно было.

– А-а, – досадно протянул тот, – это не звезда. Это... как его?

Метеорный поток. Просто маленький... а бывает ого-го!..

– Поток? – повторил Фёдор, как запоминая. – А вы откуда знаете?

– А у меня сын занимается в городе в астрономическом кружке. Он мне показывал в прошлом году. В трубу эту... подзорную хорошо видно. Я потом и в бинокль наблюдал. Надо только знать, в какую сторону смотреть. Ты где видел?

– Там, – ткнул Фёдор пальцем в небо.

– Точно – метеорный поток, – авторитетно заключил тот. – Остатки хвоста кометы... Видел комету когда-нибудь?

Фёдор мотнул головой. Кометы он не видел никогда.

– Комета когда мимо солнца пролетает, – мудро рассказал охотник, – за ней этот хвост летит, он из пылинок всяких... вот. Потом комета улетаёт, а пылинки эти от хвоста остаются, понял? Вот наша

Земля пролетает сквозь них, они и попадают в атмосферу, понял, нет? Здесь пылинки в воздухе и сгорают, а видно, словно звёзды вниз летят, вот и всё! – закончил он торжественно. – Метеорный поток. Запомни: из пылинок он. Пригодится...

Докурил сигарету, щёлкнул её остатком, и та, описав полукруг, где-то пропала в кустах. Охотник ушёл в чум. Фёдор остался, посмотрел в небо: неужели и в самом деле – пылинки? Простые пылинки горят на небе? И так далеко видно?.. А может, охотник пошутил? А может, специально болтал? Может, он сам не знает ничего, а просто болтает от скуки? Произошла ещё одна вспышка, и ещё одна звезда сверкающей линией рухнула с небес на землю и утонула в черноте ночи. Пылинка? Не может быть!

Утром следующего дня вездеход ушёл дальше на поиски зверя. Фёдор взял старый, ещё дедовский карабин, вложил в магазин три патрона и на вопрос отца только и ответил:

– Пойду посмотрю. Не подошёл бы к стаду близко – распугает оленей... Ходи потом по ущельям... Да и подрасть может...

И ушёл в чём был. Ничего и никого с собой не взял, даже увя завшуюся за ним собаку прогнал назад – стадо, мол, стереги, а не по горам за мной таскайся.

В эту же субботу, в полдень, на станцию, носившую то же название, что и река, со стороны города Харлова пришёл «рабочий» поезд из трёх вагонов. Из последнего пассажирского вагона на насыпь быстро спустились около дюжины детей и двое взрослых. Дети были учениками седьмого класса общеобразовательной школы города Харлова, а взрослые, мужчина и женщина, – их учителями. Приехали они сюда на практическое изучение истории под названием «Край родной».

На станции им открыли помещение бывшего «красного уголка», что пустовало уже лет пятнадцать. Дети сразу расположились там большим табором, потом быстро собрались и, невзирая ни на какие разговоры местных жителей о «хромом шатуне», ушли в горы. У мужчины, что сопровождал их, за плечами висела мощная двустволка. На вид ему было немногим более тридцати, в поведении сквозила уверенность человека, выросшего в медвежьей берлоге. Женщина была ещё совсем юной учительницей, лет двадцати. Перед уходом в горы она сказала начальнику станции:

– Мы недалеко. За горой сходим на «каменное» озеро, посмотрим там окрестности и к вечеру вернёмся домой, на поезд. Не успеет ваш шатун нас скушать. У нас вон Михаил Ильич – потомственный охотник! Он зверьё знает. И ружьё есть.

Когда юные туристы скрылись на тропе в берёзовой роще у самого подножия гор, начальник станции закурил папиросу и вслед им проговорил:

– Балбес он потомственный. Фанфарон.

Здесь он увидел двоих своих путевых обходчиков, куривших на лавочке у крохотного вокзальчика, и договорил:

– Девчонке простительно... баба есть баба... и мозгов не нажила ещё... А этот-то? Куда попёрся, спрашивается?

Обойдя все окрестности вокруг стойбища, Фёдор вышел на невысокую горную седловину. Ручей здесь был более глубокий и бурливый. Он бежал в высокой жёлтой траве, обрамлявшей его по бокам, лишь изредка обрываясь с шумом на каком-нибудь уступе. За уступом находилось обычное крошечное озерцо, где вода пенилась пузырями от своего небольшого водопада и уходила плотным, тугим течением дальше вниз, вымывая из прибрежной глины гладкие красноватые валуны. Фёдор прошёл берегом ручья до ближайшего поворота. Здесь ручей расходился так широко, что одной своей стороной образовывал целый затон, вода в нём стояла чуть ли не совсем недвижимо, и в ней тёмным серебром мелькали шустрые стайки крошечных мальков. Трава здесь не росла, и берег был песчаный, широкий и мелкий.

На этом песке Фёдор увидел свежий отпечаток медвежьей лапы. Чёткий, ясный, словно режущий глаз. Следов дальше было много. Похоже, медведь здесь чуть подзадержался. Отпечаток одной лапы был не столь глубок, как остальные. Следы уходили в сторону реки Сось – совсем в другую сторону от их стойбища. Можно и возвращаться. Фёдор внимательно осмотрелся, потрогал след пальцем – то ли вчерашний, то ли сегодняшней? След тянулся вниз по ручью к высоким ивовым кустам. За ними проглядывался неровный, смешанный прибрежный лес. Лес этот так и шёл вдоль русла ручья к самой реке.

Фёдор опустился на колени и подковырнул пальцем след на песке. Песок был рыхлый. И след, похоже, всё же свежий, причём... совсем свежий. И зверь пошёл к реке. А река сразу за горкой перед ним. Горка маленькая, на холмик похожа. Может, обогнуть этот холмик, выйти там на плоскогорье и, если ничего не будет, вернуться? Интересно, откуда мог прийти зверь? Получалось так, что со склона шёл по камням... по голым камням... Следы появлялись на песке внезапно, одиночно. Фёдор не стал долго размышлять и пошёл вниз по ручью. Людоед не должен жить рядом с людьми. Надо посмотреть, может, этим, с вездехода, потом что-то можно будет сказать или посоветовать, где искать.

След уверенно держался берега, иногда скрываясь в увядающей траве. Стебли, что были ещё живыми, не высохли, были примяты лапами зверя и ещё не успели подняться. Фёдор снял с плеч карабин. Взводить не стал. Просто зажал в руке. Взгляд узких глаз мальчика с утянутым верхним веком тут же словно прошёл весь ручей вплоть до самых зарослей кустов ивы и видневшегося за ними прибрежного леса. Фёдор глянул на солнце, уже перевалившее за половину своего пути по небу, и решил, что пройти до реки и обратно к стойбищу можно вполне до захода светила. У самой границы кустов след ушёл в воду – зверь пошёл по центру русла. На одном валявшемся здесь обломке горбыля Фёдор увидел грубую царапину. Осмотрел внимательно, оглянулся и заметил дальше вышедшую из воды ту же вереницу следов. Половина самого ближнего к воде отпечатка была уже смыта водой, половина осталась. Песок здесь жёсткий, сходит медленно. Фёдор потрогал след пальцем, и сразу же в голове мелькнуло: «А собаку-то я зря дома оставил, след совсем свежий...» После этого он обогнул заросли кустов по склону горы и вошёл в береговой

лес. В лесу было тихо, словно сгнуло всё живое. Кусты ивы росли отдельными островками, а потому лес просматривался далеко вперёд. Фёдор быстро нашёл след, петляющий вдоль воды, а на одном месте – разрытую норку леменга. Зверь тут задержался, и весь участок был сильно истоптан его лапами. Фёдор передёрнул затвор карабина. В тишине трижды лязгнул металл. Вновь всё стихло, как умерло. Фёдор посмотрел себе под ноги, потом оглянулся назад, постоял и, что-то решив, пошёл вниз по ручью, по следу зверя.

Учитель истории Маргарита Сергеевна закончила университет год назад. Год назад приехала в Харлов и сразу получила положенную норму часов и классное руководство в 6 «А». Маргарита Сергеевна родилась в этих местах и, можно считать, что после университета вернулась домой. Выезжала на природу с детьми она впервые. Класс поехал не весь, а лишь те, кто хотел, да и вдобавок – кого родители отпустили. Девчонки, на удивление, оказались более отважными и любопытными – их набралось больше половины состава. Михаил Ильич, преподаватель физкультуры той же школы, собрался в эту поездку, явно симпатизируя Маргарите Сергеевне, под предлогом охраны детишек. Всю дорогу Михаил Ильич с видом бывалого охотника рассказывал молодой учительнице, как он с этим ружьём обходил все окрестные горы, и сколько дичи он набил в этих окрестных горах с этим ружьём, и сколько с медведями встречался, и сколько...

«Каменное» озеро, куда Маргарита Сергеевна повела своих воспитанников, и в самом деле располагалось, по меркам горных походов, совсем недалеко. Оно находилось за первыми горными отрогами на плоской каменистой вершине. Горы, что тянулись вдоль долины, большей частью были невысокие, покатые, метров по триста-пятьсот. Настоящие исполины вырастали уже дальше, теснились по округе, уходя своими вершинами в серую дымку бескрайнего горизонта. Маргарита Сергеевна знала это место: когда-то её водил сюда отец-геолог. С вершины, на которую они поднялись, открывался удивительный, красивый вид окрестностей: виднелись станция, река, сама долина на восток и на запад, и повсюду – вечные ледники в расщелинах далёких гор. Полтора часа пути было от станции до озера, полтора – назад, можно управиться за один день, а захотят на реке посидеть подольше, так можно и на воскресенье остаться – все необходимые вещи и продукты для этого они взяли с собой.

Подниматься по ручью детям было интересно. Тропа петляла с берега на берег, с камня на камень, уходила даже под откос горы в берёзовую рощу, но потом возвращалась к воде и вновь бежала рядом с руслом в высокой пожухлой траве. Дети есть дети – кто отстал, кто побежал вперёд, в рощу, кто-то увидел какое-то чудом не уснувшее насекомое на травинке, кто-то что-то уронил...

Маргарита Сергеевна сорвала голос, выкрикивая имена отбившихся от группы девчонок и мальчишек. Тут же по пути рассказывала о происхождении и возрасте этих гор всем желающим. Рядом шёл Михаил Ильич и на все просьбы – «стрельнуть хоть разок» – отвечал постоянно категоричным отказом.

Ручей вывел их к огромной скале, возле которой роща с берёзками внезапно обрывалась, и на склоне дальше тянулся низкий путаный кустарник. Скалы-останцы здесь торчали повсюду и, казалось, росли прямо из горных склонов. Ущелье с ручьём закончилось совершенно вертикальной, бугристой, в три десятка метров скалой. Из-под неё узким, но бурным течением вырывалась вода, словно под скалой бил горный ключ. За стеной скалы был приличный горный подъём, покрытый мхом и крошечными кустиками карликовой берёзки. Тропинка на подъёме сразу где-то потерялась. Однако школьники этот подъём преодолели и без тропинки за какие-то минуты. Следом за ними на плоской вершине появились и оба учителя.

– Вот, – указала рукой вперёд Маргарита Сергеевна, – сейчас пройдём эту седловину между двумя вершинами – и вон на эту горку! Кто устал?..

Вниз, в седловину меж двух вершин по низкорослой тундре, камням и валунам дети неслись с визгом и совсем неорганизованно. Шагая рядом, Михаил Ильич заметил:

– Похоже, что дорога несколько больше времени займёт, чем рассчитывали. Уже второй час идём.

– Главное – засветло вернуться, – ответила Маргарита Сергеевна. – Посмотрите, какие они счастливые! Год будут вспоминать.

– Ну да, – согласился тот, – лишь бы ноги себе не переломали.

В береговом лесу ручей разлился в обе стороны чуть ли не в речку, сразу обмелев и зажурчав на многочисленных камнях. След зверя стал регулярно пропадать с берега, уходя то в глубину леса, то в сторону горного склона на другой стороне ручья. Фёдор шёл по следу уже больше часа и так приновился к своему поиску, что примечал отпечатки лап зверя далеко впереди себя. В своей жизни Фёдор впервые шёл по следу медведя, впервые был один на один с этим хитрым и коварным животным. Карабин не единожды сжимался в его руках так, что готов был в любую секунду выполнить своё предназначение. Когда Фёдор ставил карабин рядом с собой, ствол доставал до его плеча. В свои двенадцать лет Фёдор не имел ни богатырского роста, ни богатырского телосложения.

На очередном повороте ручья лес немного расступился от берегов, и сразу же здесь прямо из воды росла трава в рост человека. Трава была сухая, бледно-жёлтая и стояла сплошной дремучей стеной. След медведя уходил в эту глухую стену, и там, где зверь вошёл, остался широкий коридор примятой травы. Трава под лапами медведя легла ровно, и путь просматривался на многие метры вперёд. Но Фёдор не пошёл в этот тоннель. Он обогнул опасный участок и вышел с его обратной стороны, там, где трава заканчивалась. След отсюда уходил в сторону от ручья и шёл через подъём среди деревьев куда-то в соседний распадок. Наверное, если бы Фёдор появился тут немного раньше, то вполне мог встретиться с ним нос к носу.

След вывел его в сухое ущелье с пологими склонами. Ущелье было всё покрыто зелёным мхом с небольшими островками крошечных кустиков. Следы здесь читались лучше, мох во многих местах

был стёрт. Высматривая следы далеко впереди себя, Фёдор прошёл всё ущелье чуть ли не бегом. Вереница отпечатков увела его опять на верх горы. Здесь Фёдор остановился, осмотрелся. В груди немного чаще забилось сердце. Сейчас он вдруг понял, что настигает зверя. Настигает не просто зверя, а людоеда. Значит, такой зверь втрое опаснее обычного медведя.

Хребет невысокой горы, куда вели следы, выводил в горную седловину между «каменным» озером и Волчьим ущельем, которое, в свою очередь, вело к реке Сось. Фёдор глянул на солнце. Светило уже склонялось к горам. Он подумал, что обратно домой, вполне возможно, придётся идти при луне. Это его не пугало. При луне идти очень хорошо. Тихо везде, спокойно. Видно всё. Главное, чтоб ветер туч не нагнал. Окрестные горы он знает наизусть, дойдёт в два, самое большее в три часа. А возможность отстрелить зверя-людоеда стала совсем реальной. Есть людей нельзя. Это Фёдор в свои двенадцать лет знал точно.

«Каменное» озеро на вершине горы, куда наконец добрались школьники со своими учителями, скорее напоминало огромную «каменную ванну» круглой формы с чистой, но тёмной водой, по краям которой высились отвесные невысокие стены, совершенно безжизненные и голые. С одной стороны озера стены отсутствовали, будто их выломал кто-то. Через эту брешь из озера вытекал ручей, который сразу обрывался на метр вниз и низвергался там на камни рассыпчатым водопадом брызг. Потом вода уходила меж разбросанных здесь камней и через пару десятков метров вообще пропадала под огромной каменной плитой. Рядом с озером была неширокая площадка, тоже каменная. На ней сразу расположились юные туристы с фотоаппаратами. Маргарита Сергеевна прочитала им короткую лекцию о родном крае, которую закончила несколько патристически:

– ...Долина реки Сось как единственный проходимый горный перевал для караванов была известна ещё тысячу лет назад. Это был единственный путь через горы Нгарка Пэ в далёкую сибирскую страну или город, если хотите, под названием Мангазея. Слово «Мангазея» заимствовано от названия одного из ненецких племён, обитавших там. Город Мангазея был основан русскими промышленниками и купцами в начале семнадцатого века на правом берегу реки Таз...

– Это далеко? – спросила одна из школьниц.

– Далеко, Маша, – ответила Маргарита Сергеевна. – Дома посмотрите на карте, а здесь поглядите на долину реки – вот она перед вами вся! Триста лет назад она была уже хорошо известна всем купеческим караванам России. Это путь из Европы в Азию и обратно. Ворота континентов.

– А если закрыть эти ворота, – спросила вновь любопытная Маша, – караваны не прошли бы?

– Нет, – немного обескураженная таким вопросом, ответила Маргарита Сергеевна, – караваны могли ещё пройти через Байдарацкую губу и полуостров Ямал, но это уже другой путь, больше водный, чем пеший. Фотографируйтесь быстрее, надо засветло вернуться на станцию. В озеро никто не заходит: вода ледяная! Понятно?

Школьница Маша была единственным человеком в группе, в чьих руках была папка, куда она аккуратно складывала какие-то подобранные ею хворостинки и сухие листочки. Потому в группе она шла не вместе со всеми, а как-то в стороне, часто отставая и теряясь. Её имя Маргарита Сергеевна выкрикивала много чаще других. Ещё в самом начале похода, в берёзовой роще её пришлось даже немного поискать. Но Маша сказала тогда: «Я нашла ещё один папоротник» – и ругать не стали. Потом она шла какое-то время рядом со своей учительницей и рассказывала об этом необычном папоротнике, который здесь практически не встречается, а потому упоминается в книгах как исчезнувший. Маргарита Сергеевна внимательно слушала, а Михаил Ильич сердито сопел сзади. Когда Маша закончила свою речь и присоединилась к своим друзьям, которые её тут же обозвали «герболайфом», Михаил Ильич догнал Маргариту Сергеевну и неодобрительно проговорил:

– Зря мы её вообще взяли. Нахлабаемся. Такие «ботаники» всегда в походах портят дисциплину отряда.

– Понимаешь, Миша, – ответила учительница, – она здесь делом занимается. Все остальные просто отдыхают. Не заметил?

– А мы и приехали отдыхать, – парировал Миша.

Перед обратной дорогой Маша вновь потерялась, и её нашли чуть ниже верхнего уровня водопада скоблившей своей заколкой какой-то лишайник на камне. Михаил Ильич ругался, а Маргарита Сергеевна просто наказала своей ученице, чтоб не задерживалась, потому как световой день скоро закончится, а им ещё идти обратно. Но Маша подошла к своей учительнице и произнесла:

– А смотрите, как интересно: нигде ничего не растёт, а там вон что... Я думаю, что там растёт потому, что есть влажность от брызг, есть условия. Правда, здорово?

Забравшись на самую вершину невысокой длинной горы, похожей на двускатную крышу дома, Фёдор внимательно осмотрел все окрестности. Ничего не увидел. В горах было пусто. Может, он ошибся и зверь прошёл там вдоль ручья не сегодня, а намного раньше? Следы шли по вершине и терялись вдаль. Фёдор ещё раз осмотрел склоны и все видимые распадки перед собой: только кусты, деревья и редкая вода ручьёв по камням в узких лощинах. Фёдор пошёл быстрым шагом по следам дальше. Очень скоро след медведя стал уходить вниз по склону. Здесь медведь пошёл не в долину реки, а по плоскогорью, по глубокому мху и направился то ли в седловину гор, то ли к Волчьему ущелью. Скорее первое. Волчье идёт к станции... к станции опасно... хотя, если людоед... если очень есть хочется?.. И всё же зверю легче затаиться где-нибудь в промежутке, между местами появления людей, и там ждать... И здесь Фёдор замер. Так замер, что даже услышал биение своего сердца в груди и в голове такое: тук, тук... Он прислушался. Нет – показалось. Показалось, что где-то в районе «каменного» озера раздались людские голоса, и, что самое удивительное, голоса были детские, слышались хохот и визг. Следы медведя и уходят отсюда куда-то в ту сторону, немного правее. Но

что такое «правее»? Для зверя это «правее» не расстояние. А люди? Люди в любом случае, если их и в самом деле занесло на «каменное» озеро, пойдут в конце концов через седловину к Волчьему ущелью – только через него можно выйти к станции.

Солнце уже зашло за гору, когда юные туристы миновали седловину и увидели перед собой внизу Волчье ущелье – громадную стену да вытекавший из-под неё и бивший ключом ручей. Мальчишки первыми спустились к воде, пошли вниз по руслу. Маргарита Сергеевна в растерянности остановилась. Кого-то не хватало. Она всплеснула руками: кого могло не хватать – конечно, Машу! Окликнула Михаила Ильича, который ушёл с мальчишками вперёд:

– Машу не видел? Спроси детей!

– Опять? – мотнул головой тот, быстро переговорил с детьми и ответил громко: – Мальчишки говорят, она пять минут назад возле валуна, что за «каменной рекой», присела... Может, по надобности?..

Мальчишки на это сразу рассмеялись.

– Ладно, идите! – крикнула им Маргарита Сергеевна. – Я посмотрю. Не ждите, мы догоним!

Маргарита Сергеевна спустилась в седловину, благо было не так и далеко, и сразу увидела Машу. Та не сидела, а стояла возле большого валуна на россыпи плоских, беспорядочных, набросанных друг на друга скальных плит. Плиты лежали на ровной поверхности седловины, и на первый взгляд было совершенно непонятно, как они сюда могли попасть. Одни научные мужи говорили, что эти камни скатились с горы, другие учёные рассказывали, что эти камни, плиты и прочее – всего-навсего обычное вспучивание почвы. За тысячелетия местные горы рушились, и куски пород выпирало изнутри наружу. Весили такие камни и плиты по центнеру каждый, некоторые и тонны. Обычно возле них и даже на них самих вырастали лишайник и мох, из-под плит начинали пробиваться трава и карликовая берёзка. Поэтому всякие трещины или небольшие расщелины между этими плитами иногда увидеть было просто невозможно.

Маргарита Сергеевна помахала Маше рукой. Маша беспомощно махнула в ответ и как-то бессильно что-то пискнула тоненьким голосом. До Маши было совсем недалеко – не более полусотни метров. Маргарита Сергеевна подошла к своей ученице – и тихонько ахнула: одна нога Маши была зажата плитами чуть ли не до колена. Джинсы на этой ноге задрались, а в расщелине едва проглядывал капроновый чулок с небольшим подтёком крови. У Маши были заплаканные глаза и мокрые от слёз щеки. Она хныкала, стояла неуверенно, как стоят люди на одной ноге, балансируя руками, и раз от разу морщилась, всхлипывая от боли. Маргарита Сергеевна запрочитала на первых порах, но быстро взяла себя в руки и сказала:

– Ничего страшного, сейчас мы тебя освободим.

Она опустилась на колени, просунула руку в расщелину, что-то искала, спросила удивлённо:

– Ты что, «там» до земли не достаёшь?

– Нет, – обиженно проговорила та, – я еле стою, сейчас упаду.

– Нога-то цела?

– Не знаю...

– Болит?

– Ну, не болит, но больно! – пропищала Маша. – Там края острые. Я, кажется, кожу содрала, когда ногу вытянуть хотела... щиплет...

– Не шевелись! – попросила Маргарита Сергеевна.

Она осторожно просунула руку рядом с ногой Маши, ощупала под камнями всё пространство вокруг её ноги, но ничего особенного не нашла – пустота, и всё. Машу подвели всё те же мох и лишайник: наступила на «зелёнку», нога проскользнула по мокрому между плитами, а назад выйти не смогла. Так и болталась там в воздухе.

– Ты хоть за меня пока держись, – сказала Маргарита Сергеевна, – всё легче будет. Ногу подними как можно выше... Я попробую...

– Мне больно, – всхлипнула в который раз девчонка, держась за плечо склонившейся учительницы, – я не могу.

– Сейчас, сейчас, – пообещала Маргарита Сергеевна и, упершись обеими руками, попробовала сдвинуть плиту в сторону.

С равным успехом можно было упираться в стену дома. Маргарита Сергеевна попробовала сдвинуть вторую плиту, с другой стороны, – результат тот же.

– Так, – спокойно, рассудительно произнесла она, – сдвинуть нельзя. Достать ногу нельзя. Может, получится края плиты отколоть?..

Маргарита Сергеевна сказала: «Держись!» – и ушла искать подходящий булыжник. Потом она долго и упорно стучала камнем то по одной, то по другой плите. Плиты с достоинством, что копились и сохранялись в них миллионы лет, выдержали все удары. Намучавшись с этой долбёжкой, Маргарита Сергеевна бросила булыжник и уже чуть ли не безнадёжно спросила:

– А может, надо обувь снять?

– Да кроссовки-то ни при чём, – всхлипнула Маша, – там щиколотка не пролазит.

– И я, дура, – опустившись на колени, произнесла Маргарита Сергеевна, – отпустила всех на станцию! Вот же дура! Сейчас бы навалились вместе... Так...

Она посмотрела в сторону запада: солнце село, и на горы опускались первые сумерки.

– Надо бежать за помощью на станцию, – сказала Маргарита Сергеевна Маше. – Не испугаешься здесь одна? Я быстро.

Маша опустила глаза. Потом подняла их на учителя и заученным тоном героев заокеанских фильмов спросила:

– У меня есть выбор? – тут же захныкала вовсю и едва слышно попросила: – Только вы быстрее.

– Я быстро, я сейчас! – пообещала Маргарита Сергеевна, поднялась на ноги. – Ты держись! И осторожнее, ногу не сломай. Я сейчас!

Она пробежала несколько метров, пробежала какие-то секунды – сзади раздался истошный детский крик. Маргарита Сергеевна остановилась, обернулась на Машу... Та стояла на прежнем месте, кричала, зажимала от страха себе рот ладошками, как в исступлении, но опять кричала и указывала рукой в сторону «каменного» озера. Маргарита

Сергеевна перевела взгляд и увидела в какой-то сотне метров от них ещё плохо различимый, небольшой колышущийся бугор. Это был медведь. Он хромал на одну лапу и шёл ровно к ним. Шёл спокойно, как ходят медведи вдоль реки или по лесу. У Маргариты Сергеевны перехватило дыхание, а ноги сами стали пятиться назад. Ещё один детский вопль отрезвил её и остановил. Она побежала к Маше, обняла её за плечи и требовательно попросила:

– Ты не кричи! Он может нас не заметить и пройдёт мимо. Медведи боятся людей.

Маша редела и мотала головой.

– Маша, – попробовала ещё раз Маргарита Сергеевна, тряхнув девочку за плечи, – не реви! Я здесь... Он пройдёт мимо. Медведи сейчас ложатся в спячку, им не до людей!

Зверь совсем не собирался проходить мимо, он шёл точно к людям, изредка останавливаясь, как примеряясь, и водил по сторонам носом. Морда у него при этом задиралась вверх, и маленькие глазки, как два уголька, буравили всю окрестную горную тундру. Маргарита Сергеевна попробовала отойти от Маши, там замахала руками, вроде как попыталась отвлечь зверя, но тот лишь глянул на неё и целеустремлённо пошёл прямо на девочку. Маргарита Сергеевна вновь подбежала к Маше, обхватила её голову и прошептала:

– Только ничего не бойся, только ничего не бойся... Он просто бродит по горам, закрой глаза и молчи... Он увидит, что ему мы не опасны, и уйдёт... Даже не двигайся... животные уходят, если человек не двигается.

– Маргарита Сергеевна, – тихонько проговорила Маша, – он нас съест?

– Он никого не съест! – твёрдо сказала она. – Замри!

Маргарита Сергеевна, всё так же крепко обняв девочку, обернулась и увидела, что зверь уже совсем близко, так близко, что видны его звериные глазки – ничего не выражающие, маленькие медвежьи глазки... Время неумолимо сжималось, страшная смерть приближалась неотвратно. Маша замерла в объятиях учительницы, уткнувшись мордашкой в грудь и схватившись ладошками за её куртку. Маргарита Сергеевна безотрывно смотрела на медведя, медведь подходил как-то нехотя, спокойно, ровно, губельно...

Крик Маши Фёдор услышал, ещё поднимаясь по склону на седловину. Он сразу же перестал идти по следу, который уводил в сторону, и быстро поднялся вверх. Седловина раскинулась перед ним сразу вся – от горы до горы. Здесь же, от того места, где стоял сейчас Фёдор, шла «каменная река». В нескольких метрах в этих обломках скальных плит стояли два человека в обнимку. Женщина и девочка. Со стороны «каменного» озера к ним приближался тот самый хромой шатун... Люди не двигались. Фёдор быстро присел на одно колено, в другое упёрся локтём правой руки и поднял карабин. Дульный срез с крупной мушкой сверху хищно посмотрел на зверя. Вечерний порыв ветра тихо просвистел в канале ствола. Зверь шёл. Полсотни метров пуля пролетит за долю секунды... медведь завалится

и сдохнет... дойти до людей точно не сможет... или?.. Фёдор совместил аккуратно прицел с мушкой, палец спокойно нажал на спусковой крючок – раздался металлический тихий щелчок... И всё. Осечка. Фёдор быстро передёрнул затвор, нестреляный патрон выскочил прочь, в патронник резко вошёл второй... Зверь был уже в каких-то метрах... Карабин вновь глянул зверю под лапу... щелчок... осечка?.. У Фёдора похолодело в груди. Быть не может?! Так просто не бывает – две осечки подряд! Старые патроны? Боёк карабина сточился?.. Он передёрнул ещё раз затвор – патрон вылетел целым, Фёдор успел заметить, что капсюль пробит, ямка на нём... Голова загудела, в руках закололо иголками. Куда стрелять? Медведь, бывает, и с пробитым сердцем ещё бежит какое-то расстояние... А здесь? Ударит просто лапой и убьёт обеих... Не понимая, что делает, мальчик поднялся на ноги, стоя прицелился прямо в голову зверя... Зверь подошёл к людям вплотную и в один миг поднялся на задние лапы... Ствол карабина поднялся за ним... Зверь рыкнул негромко... Палец Фёдора нажал на спусковой крючок... Приклад сильно, привычно ударил в плечо, резко, пронзительно щёлкнул в горах выстрел, раскатившись по седловине... И пуля ушла в медведя...

Маргарита Сергеевна держала голову Маши в объятиях и лихорадочно думала только об одном: лишь бы девочка не видела, лишь бы девочка не увидела ничего... лишь бы сразу... быстро и мгновенно. Маргарита Сергеевна не отвернулась от зверя и смотрела на него всё время, словно загипнотизированная. Губы её что-то шептали, но она себя не слышала, хотела только одного: чтоб всё быстро... всё быстро...

Зверь подошёл и на последних каких-то пяти метрах как рывок сделал: пасть его открылась, оттуда выкатился медвежий рык, потом зверь очень быстро и легко встал на задние лапы и оказался выше людей, выше на целую свою громадную медвежью голову... Маргарите Сергеевне показалось, что она увидела несущуюся к её лицу когтистую лапу... Всё!

В этот короткий миг, страшный миг исхода раздался едва слышный глухой удар, который сменился треском лопнувшей кости, и голова медведя, словно взорвавшись изнутри, разлетелась на куски в стороны... Горы тут же отразили эхо пронзительного выстрела. Медведь стоял без черепа с открытыми глазками... Потом лапы обмякли, и зверь повалился тяжело и грузно на огромный каменный валун, запачкав его кровью, соскользнул вниз с валуна и грохнулся навзничь, слегка скатившись в сторону.

Маргарита Сергеевна стояла не дыша. Она ничего не понимала. Она вроде уже потом слышала выстрел... где-то... Она так и держала дрожащую Машу, всё ещё пытаясь её защитить. Потом она попробовала вдохнуть побольше воздуха – получилось. Зажмурила глаза, вновь открыла – нет, медведя не было. Был и сгинул. Из-за валуна его и видно отсюда не было. Маргарита Сергеевна оглянулась – никого. Что же это?.. Она вновь оглянулась. И увидела мальчика: совсем ребёнок, такой же, как её семиклассники, или даже младше. Обычный ребёнок. И одет по-обычному – куртка, штаны, сапоги... Ребёнок?

В руках он держал карабин. Такой когда-то она видела у отца. Это было не охотничье ружьё.

Мальчик подошёл к ним, посмотрел узкими глазами на обеих и пошёл к медведю, ничего не сказав. Маргарита Сергеевна отпустила Машу, и они теперь вдвоём смотрели на мальчишку, боясь что-то сказать или спросить. Осмотрев медведя, тот вернулся к ним и, держа карабин стволом вниз, дёрнул на себя затвор – оттуда выскочил жёлтый патрон и упал рядом на мох. Мальчишка поднял его, понюхал жжёный порох и протянул его Маргарите Сергеевне.

– Повезло! – сказал он чисто, совершенно без акцента. – Последний.

Маргарита Сергеевна молча приняла подарок, глупо повертела его в пальцах, потом так же глупо спросила:

– Мальчик, ты кто?

Если бы он сейчас ответил, что он – Супермен и прилетел сюда с далёкой планеты Криптон, она бы поверила. Но мальчишка посмотрел на них внимательно и ответил, как само собой разумеющееся:

– Человек.

– Я понимаю, – сглотнула она, – ты откуда?

– А-а, – протянул он обычно, – недалеко тут. Со стойбища. Оленеводы мы. Весь день его искал. – И кивнул в сторону камня, за которым валялся труп зверя.

– Людоед, – договорил Фёдор.

Посмотрел на зажатую ногу Маши и спросил:

– А у вас что?

– Ногу зажало, – ответила Маргарита Сергеевна как во сне, – вытащить не можем.

– Я-а-сно, – протянул он.

Он был так спокоен, словно только что убил утку и собирался её готовить.

– Мы пытались, но у нас ничего не получается, – как оправдалась Маргарита Сергеевна, – камни тяжёлые. Ты не знаешь, что можно сделать?

– Посмотрим, – рассудительно ответил Фёдор и присел рядом с Машей.

Маша смотрела сверху на мальчишку и вытирала ладошкой мокрые глаза. Она приходила в себя намного быстрее своей учительницы. Фёдор просунул руку в расщелину и что-то там поискал, после ощупал кроссовку Маши, на что она отозвалась капризно:

– Ай!

Маргарита Сергеевна даже опешила от этого кокетства. Фёдор вынул руку из расщелины и произнёс:

– Ботинок надо снять. Потом посмотрим. – И поднял глаза на Машу.

Маша громко выдохнула носиком и решила:

– Пожа-алуйста... снимайте.

Маргарита Сергеевна опешила вторично: две минуты назад они с Машей погибали.

Фёдор аккуратно снял с ноги Маши обувь и достал кроссовку наружу, потом осторожно взял там, в расщелине, Машу за ногу и спросил у неё:

– Повернуть можешь? В сторону.

– У меня кожа содрана! – как отрезала она, чтоб не приставал с глупыми вопросами.

– Я вижу. Ты осторожно...

Маша, держась за учительницу, всем видом показывая, что ей-то всё равно, повернула ногу.

– Теперь вверх, – сказал Фёдор.

Маша потянула ногу наверх и тут же от боли резко вздохнула сквозь зубы.

– Я-а-сно, – сказал Фёдор и встал, – придётся разрезать чулок там... внизу... Будет немного больно. Иначе никак.

– Мальчик, делай что надо! – разрешила Маргарита Сергеевна.

Фёдор ушёл за камень, к зверю, и появился очень быстро. В одной руке у него был небольшой, хищный нож, в другой он держал что-то совершенно отвратительное на вид, липкое, кровавое и капающее...

– Что это? – испугалась Маргарита Сергеевна.

– Жир, – ответил он спокойно, – с медведя. Ногу смажем – проскользнёт.

Он быстро разрезал её чулок на ступне своим ножом, Маша даже не почувствовала ничего, потом просунул туда руку с жиром и смазал её ступню. Маша за это время тридцать раз вздыхала и произносила недовольное «ой». Всем видом своим Маша давала Фёдору знать, что терпит его выходки здесь только потому, что учительница ему это разрешила. Фёдор же, закончив смазывать ногу, выбросил оставшийся кусок жира, опустил руку, подставив её под стопу Маши, и сказал:

– Тяни!

Маша потянула, отчаянно морщась от боли. Фёдор быстро, молча просунул руку с ножом внутрь расщелины и там резко, но легонько ударил остриём ножа в Машину стопу. Девочка вскрикнула от неожиданности – и выдернула ногу. Секунду все стояли и молчали, плохо понимая, что всё закончилось. Первой опомнилась Маша.

– Вот дурак, – милым голосом любезно поблагодарила она, – больно же...

Фёдор на это только улыбнулся и сказал, что теперь перевязать надо. Сел и тут же принялся вытирать нож о мох. Маргарита Сергеевна достала из кармана совершенно целую упаковку бинта, вскрыла её и, охая и ахая от восторга, стала аккуратно бинтовать ногу Маши. Та сидела, словно её здесь рядом и не было.

– Мальчик, – обратилась Маргарита Сергеевна, – тебя как звать?

– Фёдор.

– А лет тебя сколько?

– Двенадцать, – ответил он, потом спрятал нож и в свою очередь спросил: – А вы кто?

– Мы?.. Я учитель. Меня зовут Маргарита Сергеевна, а это Маша, моя ученица.

Маша на это хмыкнула тихо, вновь показав, что её-то точно здесь ничего не интересует.

– Мы сюда в поход приехали.

Фёдор посмотрел на них поочерёдно, улыбнулся незаметно и ответил:

– А мы тут живём.

Сумерки становились гуще. С востока небосвод уже темнел первой бархатной синевой наступающего вечера. Светлая полоска заката становилась тоньше, небо блекло на глазах.

– Вам на станцию надо? – спросил Фёдор.

– Да, – растерянно ответила Маргарита Сергеевна, завязывая бинт на узел, – сегодня уже не успеваем. Завтра уедем. Мы из Харлова.

Фёдор кивнул головой, посмотрел на небо – с востока на запад, потом заключил:

– Скоро ночь. Дойдёте?

– Да, – неуверенно ответила Маргарита Сергеевна, – я в этих местах родилась, что-то помню... Дойдём. Тут же идти ущельем? Волчьим? Так?.. Маша, вставай, темнеет. Ходить можешь?

Маша обулась, встала, прошла несколько неуверенно вперёд-назад и сказала нервозно:

– Болит, конечно... но идти же надо?

– Через Волчье пойдёте? – спросил вновь Фёдор.

– Да, – Маргарита Сергеевна оглянулась в сумерках не очень уверенно, – так короче... туда вон. А ты – домой?..

– Я вас доведу! – как-то решительно, совсем по-мужски сказал Фёдор, смотря в землю. – Мало ли что...

Он поднялся с земли, достал из кармана два патрона, что дали осечку, показал им на ладони и проговорил горестно:

– Осечку дали... третий стрелял... Странно всё. А так бы я его ещё там вон взял... – И кивнул в сторону, откуда шёл медведь.

Маргарита Сергеевна и Маша безотрывно смотрели на патроны в руке Фёдора, потом учительница осторожно взяла один, поводила пальцем по медной пуле, как вросшей в гильзу, и спросила:

– Такая же убила его?

– Такая, – ответил он и вставил бракованный патрон в магазин карабина, потом вставил и второй.

– Ты же говорил – осечку дали? – удивилась Маргарита Сергеевна.

– А бывает, второй раз стреляют, – ответил по-хозяйски он. – Пойдёмте?

– А стойбище твоё где?

– Там, – махнул он рукой в горы в обратном направлении.

– А как же ты?.. – то ли удивилась, то ли опять растерялась Маргарита Сергеевна.

– Да вы не думайте, – отмахнулся Фёдор, – я тут дома, знаю всё. Скоро луна выйдет, светло будет. Я ночью часто хожу. Пойдёмте.

И первым пошёл в сторону ущелья. Маргарита Сергеевна и Маша переглянулись. Маша безразлично хмыкнула, словно её это всё никак не касалось, и пошла за Фёдором. Маргарита Сергеевна сказала себе:

«Что ж...» – и зашагала за ними. Уходя, обе, совсем того не желая, обернулись в сторону убитого медведя.

Уже когда стемнело, они поднялись с седловины к длинному невысокому хребту Волчьего ущелья. Подошедшая ночь стёрла все детали горной тундры, упрятав в сумраке все тропинки, скальные выросты, громадные валуны и даже береговые леса вдоль ручьёв и речек. Всё превратилось в чёрные силуэты, чёрные очертания, бесформенные чёрные тени на такой же чёрной земле. Очертания гор просматривались на тёмном небе тоже одним сплошным контуром. Луна пряталась за ним и, когда вышла, была ещё бледная, жёлтая, совсем слабая и большая. Пока шли до ущелья, луна успела немного подняться по небосводу, желтизна с неё сошла, и ночное светило засияло в полную силу.

В ущелье спускались цепочкой за Фёдором. Он вёл их уверенно, ни разу не сбившись ни на метр в сторону. Он и в ущелье вошёл там, где был более пологий уклон, чтобы не прыгать и не скакать на уступах, как это делали приезжие, когда шли к «каменному» озеру. А выйдя к ручью, повёл их одним берегом. По ногам зашелестела густая трава, и Маргарита Сергеевна поняла, что тропинка здесь не столько переходит с берега на берег, сколько прячется в зарослях и её просто не видно. Ручей бежал всё так же быстро, вода падала с уступа на уступ, катилась по камням, крутила поворотами, сужалась в горловини тугим течением и вновь выходила на широкое русло. Ночью все эти звуки стали таинственными, загадочными. Несколько раз Маргарита Сергеевна поблагодарила судьбу за то, что Фёдор их решил проводить. Уже давно бы ноги себе переломали в этой темноте. Луна сюда ещё не умудрилась заглянуть своими холодными лучами, висела над горами ниже. Фёдор шёл и постоянно сообщал: «Осторожно, здесь дерево... Здесь куст высокий – глаза берегите... Ступенька, камень... Ветки рукой держите... Яма – давайте руку... Опять кусты...»

Спускались они, пожалуй, быстрее, чем поднимались днём. В берёзовую рощу вошли скоро и пошли прямо через неё на далёкие огоньки лунных бликов на реке, что просматривались сквозь жёлтую полуопавшую листву. Скоро они вышли за большой горный выступ, и луна показалась перед ними уже во всей своей красе. Мелькнула меж веток и засверкала на небе путеводным светом. Фёдор увёл их с ручья, и они пошли почти напрямую. Местность здесь была ещё горная, последний склон перед долиной, перед рекой, железной дорогой и станцией Сось.

Маша пару раз сказала своё знаменитое «ой». Вскоре она попросила остановиться – нога заболела. Фёдор тут же сел под дерево и прислонился спиной к стволу. Маша села сбоку, под такой же берёзой. Маргарита Сергеевна села рядом с ней. Берёзы были высокие, раскидистые. Сквозь листву проглядывало чёрное звёздное небо.

Фёдор поднял голову: звёзды мерцали так же, как и вчера, но ни одна из них не хотела падать. Фёдор даже старался не моргать лишний раз, чтоб не пропустить полёт рухнувшей звезды, но те прямо сидели на чёрном небосводе, как гвоздями прибитые. Может, он

смотрел не в ту сторону? Здесь ему не видна была Полярная звезда: листва закрывала небо. Потому смотреть можно было только наискосок, туда, где звёзды висели над рекой.

– Маргарита Сергеевна, – тихо спросил он, – а вы про звёзды что-нибудь знаете?

Маргарита Сергеевна вздрогнула, хотела подняться, но быстро опомнилась, лишь повернулась к мальчику, шелестнув сухими листьями, и переспросила:

– Что про звёзды?.. Я не поняла, Фёдор?

– Просто. Про звёзды... – как мог, сказал он. – Видели, как падают?

– Падают? – всё не могла она сориентироваться. – Нет, не видела. А где?

– На небе, – разумно сказал Фёдор. – Я вчера видел... и ночью ещё раньше. А охотник, что на вездеходе приезжал, тот, что медведя этого ищет, он сказал, что это пылинки в воздухе сгорают... из космоса... – Фёдор остановился, потом договорил: – Метеорный поток.

– Ах, вон ты про что!.. – вздохнула Маргарита Сергеевна. – А где ты видел? Давай вместе посмотрим...

– А я здесь не знаю, куда смотреть. Надо Полярную найти... там рядом.

– Так выйдем из рощи и посмотрим, – предложила она, – согласен? Тут же вон рукой подать!

– Да я-то что, – сказал Фёдор, – если вы не спешите...

Берёзовая роща начиналась и заканчивалась внезапно. Как граница существовала: там – деревья могут расти, а здесь – ещё нет. Когда они вышли на опушку, перед ними внизу, в полукилометре, у самой реки, что тёмной лентой серебрилась под луной, сверкнула огнями станция.

– Уже рядом, – указал стволом карабина на станцию Фёдор.

На окраине рощи они вновь остановились. Здесь было намного светлее, чем в лесу, и вся местность хорошо просматривалась. Луна сияла уже во всю силу. Склон здесь несколько обрывался, становился крутоват, а тропинка шла вниз вдоль него. Маша тут же нашла какой-то рыхлый берёзовый пенёк, присела, притянув к себе больную ногу. Маргарита Сергеевна посмотрела на небо и спросила Фёдора:

– Так, где, Фёдор, то место, где звёзды падают? Вон же Полярная, правильно?

– Да, – негромко ответил он, взглянув вверх, – слева смотрите: квадратик неровный... из четырёх звёзд, видите?

– Вижу, – ответила Маргарита Сергеевна и указала рукой. – Этот? Фёдор подошёл к ней, глянул туда и оживлённо подтвердил:

– Да, да. И от него такая цепочка... вон видите, как река? С поворотом внизу...

– Вижу, – ответила она, – значит, там надо ждать?

– Там.

– Маша, – обратилась она, – посидим немного?

– Конечно, посидим, – согласилась девочка. – А мне покажите, я тоже хочу посмотреть, как звёзды падают.

– Иди к нам, – позвала её Маргарита Сергеевна, – здесь вместе на траву сядем... может, и в самом деле повезёт – увидим звездопад. Я слышала, что это не так часто бывает. Фёдор, а ты когда последний раз видел?

– Вчера, – ответил тот.

Они расселись в одну линию. Фёдор сел посерединке, и Маша, задрвав голову в небо, спрашивала его требовательно, с некоторой женской нетерпимостью и поспешностью:

– Ну где, где? Вон там? Это?..

– Вон Полярная, – терпеливо объяснял Фёдор, – слева квадратик, а внизу цепочкой звёзды пошли, видишь?

– Ой, ну я не знаю! – возмущалась Маша. – Где ты там увидел цепочку? Где? Вон то?.. Мама дорогая, какая это цепочка? Крупа разбросанная!..

– А в какую сторону они падают? – спросила на всякий случай Маргарита Сергеевна.

– Так, в разные, – бестолково ответил он.

Звёзды, разбросанные на небе в полном беспорядке, горели столь же неорганизованно – какая ярче, какая приглушённое. Чёрное небо было непроницаемо и от этого казалось бездонным. Луна, пробиравшаяся меж звёзд на самый верх небосвода, сияла столь ослепительно, что вокруг неё образовывалось прозрачное кольцо белого свечения. На горы тут же упало необозримое лунное покрывало, а внизу, на реке, заискрились продолговатыми пятнышками холодные лунные огоньки.

– Фёдор, а ты не пробовал книги читать по астрономии? – спросила Маргарита Сергеевна, не отрывая взгляда от неба.

– По астрономии? – переспросил он, словно запоминал это слово. Он уже его слышал вчера от вездеходчика, но сразу запомнить не успел тогда, и вот снова...

– Да, это про космос, про звёзды. В старших классах изучают. Ты учился в школе?

– Четыре года, – ответил он, – в интернате.

– Может, тебе надо дальше учиться?

– Зачем? – чистосердечно удивился мальчик, посмотрев на Маргариту Сергеевну.

– Чтоб знать... – повернулась она к нему, – что такое космос, метеорный поток, отчего звёзды падают... Не думал?

Фёдор мотнул головой, а Маргарита Сергеевна договорила:

– Может, это стоит того?

Он ответил вопросом, осторожно, боясь ошибиться:

– А вы не знаете?

Маргарита Сергеевна задумалась, потом сказала:

– У меня другой предмет изучения – история. Конечно, я что-то знаю про космос, про звёзды – в общем понимании...

– Так скажите? – предложил Фёдор.

Маргарита Сергеевна задумалась, потом предложила:

– Давай вначале увидим!

На удивление, особенно долго ждать не пришлось. Их безотрывное разглядывание небольшого ночного участка неба было вознаграждено сполна. Вначале внезапно вспыхнувшая звезда прочертила тот самый «квадратик» на небе, потом пронеслась в один миг вниз и разрешила звёздную «цепочку». И Маргарита Сергеевна, и Маша при первой же загоревшейся звезде громко вскрикнули, после чего Маргарита Сергеевна тихо ойкнула, а Маша чуть не завизжала от восторга. Когда вторая звезда прошла по небосводу белым лучом, Маша уже ткнула в неё пальцем и радостно крикнула:

– Вон, вон... Смотрите!

Только Фёдор сидел тихо, смотрел на небесное представление и, наверное, ждал от Маргариты Сергеевны разъяснений. Потом упала третья, четвёртая, пятая... ещё одна... ещё... Фёдор насчитал девять штук, после чего звёзды замерли и остановились. Как-то сразу стало всем понятно, что ночное действие закончилось.

– Так как вы думаете, – спросил Фёдор, – звёзды это или... пылинки?

Маргарита Сергеевна посмотрела в горную чёрную даль, куда-то через реку, может, на такой же склон горы, на каком сейчас сидели они, и не смогла ответить. Конечно же, если говорить об этом серьёзно, метеорный поток – он и есть метеорный поток. И, конечно же, если Земля проходит сквозь такое облако космической пыли, то те частицы, что попадают в атмосферу, сгорают в ней ярко и быстро. Но что тогда делать со звёздными дождями? Особенно когда тебе двенадцать лет? Что делать с тем, что «пока звезда падает – загадывай желание»? И что делать, если у человека в его двенадцать лет просыпается поэзия в душе?.. Позволить, чтоб её унёс метеорный поток? Маргарита Сергеевна поймала себя на мысли, что она сегодня впервые в жизни увидела, как падали звёзды. А если бы она это увидела в свои двенадцать лет?..

– Видишь ли, Фёдор, – произнесла она задумчиво, а может, даже растерянно, – я думаю, ответить на это одним словом нельзя.

– Почему? – очень быстро переспросил он.

– Потому что в жизни нельзя быть таким категоричным: да–нет, плохо–хорошо, звезда–не звезда... Если рассмотреть это более подробно, то любая звезда состоит из таких вот маленьких звёздочек, что падают с неба...

– Звезда состоит из пылинок? – понял он.

– Конечно. Всё состоит из чего-то, как наше Солнце, как наша Земля, как мы с тобой...

– Или как я... – тут же донеслось от Маши.

– Наука, – продолжала Маргарита Сергеевна, – рассматривает это как метеоритный дождь, а человек, который наукой не занимается, смотрит на небо и видит, что падают звёзды... Кстати, ты знаешь, что, когда падают звёзды, надо загадывать желание?

– Зачем?

– Как зачем? – удивилась она. – Это обычай народный: пока падает звезда, надо загадать желание – и оно сбудется. Только надо успеть, пока она не погасла.

– Разве можно успеть? – удивился он искренне и посмотрел на небо.

– Можно... одним словом. Подумай, какое желание у тебя есть из одного слова?

Фёдор промолчал, задумавшись, а Маргарита Сергеевна вернулась к своей теме и договорила:

– Ты всё же подумай, учиться дальше или нет. Знания всегда пригодятся, если ты задаёшься такими вопросами, Фёдор. Неважно, кем ты будешь в жизни. Подумай.

– Я подумаю, – ответил он туманно.

– И торопись. Учиться надо всё же в юном возрасте.

– А книги есть какие-нибудь, – спросил он, – где можно узнать... про метеорный поток?

– Конечно, есть, – как-то даже обрадовалась Маргарита Сергеевна, – вы же часто кочуете рядом с городом или посёлком. Зайди в книжный магазин, спроси что-нибудь по астрономии.

– По астрономии, – повторил Фёдор, глаза вниз опустил, вновь шевельнул губами, запоминал.

– У моей старшей сестры есть учебник по астрономии, – сказала Маша, – я могу принести в школу... Ой!

Она внезапно замолчала и рот ладошками закрыла.

– Что случилось? – взглянула на неё в лунном свете Маргарита Сергеевна.

– Я «там»... – вспомнила она с тихим ужасом, – свою папку в гербарии забыла...

– Не волнуйся, – успокоила Маргарита Сергеевна, – никому твоя папка «там» не нужна. Заберём завтра. Или мальчишек пошлём с Михаилом Ильичом. Они, наверное, захотят на медведя поглядеть.

– Посмотрите, – позвал их Фёдор, вытянул руку вперёд и указал куда-то вниз, под гору, где от станции в свете неоновых огней шли в их направлении несколько мужских фигур, – наверное, вас ищут.

– Не очень-то они торопятся, – пробормотала Маргарита Сергеевна, – ещё бы за полночь пошли нас искать...

Группа людей с фонарями прошла вдоль гор по железной дороге, свернула на тропу, что вела в берёзовую рощу, и стала подниматься вверх. Здесь, на откосе, среди кустов фигуры людей сразу же утонули в ночной темноте, и только сильные лучи фонарей беспокойно рыскали по сторонам, выхватывая жёлтым, пронзительным светом узкие участки горной тундры.

– На светлячков похожи, – сказала Маша.

– Маргарита Сергеевна, – как-то неловко произнёс Фёдор, – а если я приеду к вам в школу... Вы мне можете дать почитать учебник Маши?..

Он сказал это таким голосом, словно просил по меньшей мере в личное пользование всю школьную библиотеку.

– Да боже мой, конечно, смогу! – воскликнула Маргарита Сергеевна. – Я найду тебе не одну книжку по астрономии! Обязательно приезжай!

– Кстати, – тут же вклинилась в разговор Маша, – у моей сестры была ещё и звёздная карта, там даже названия звёзд написаны и все созвездия нарисованы! Я могу тебе принести в школу.

– А ей не нужно? – вновь осведомился Фёдор осторожно, похоже, не привыкший в этой жизни что-нибудь просить.

– Так она уже школу окончила! – похвасталась девочка.

– Фёдор, – твёрдым голосом произнесла Маргарита Сергеевна, – ты ни о чём не думай, ты приезжай сразу, как только сможешь. Я работаю в первой школе, сразу найдёшь, любой покажет в городе.

– Ой, смотрите, – воскликнула Маша, – опять!

Все как по команде глянули на небо.

– Вон, вон! – ткнула она рукой в сторону, где увидела упавшую звезду.

Космическое представление повторилось. Три «звезды», одна за одной, светящимися полосками будто разбежались в разные стороны из одной точки и сиюсекундно угасли. Через какую-то минуту вспыхнула ещё одна, сверкнула в небе, задержавшись чуть дольше обычного, и рухнула в пучину космоса.

– Нет, – сказала Маргарита Сергеевна, – наука – наукой, а падают, конечно, звёзды...

– Конечно, звёзды! – заверещала Маша. – А я успела загадать желание!

– И я успел! – сказал Фёдор.

– Молодцы! – похвалила их Маргарита Сергеевна. – А вот, кажется, наконец и наши спасатели...

Сквозь густую растительность пробилась огни фонарей, и через некоторое время к ним на опушку леса вышла группа людей. Кроме Михаила Ильича и увязавшихся с ним двух мальчишек рядом стояли ещё трое мужчин с ружьями, наверное, станционные обходчики.

После первых «охов и вздохов» Маргарита Сергеевна и Маша были отруганы по всем правилам чисто мужской словесности, потому как они – мужчины – уже передумали бог знает что, а эти две девушки... сидят тут... живые-здоровые... Нет, оно, конечно, хорошо, но нельзя же так! На все эти вопли Маргарита Сергеевна будто невзначай заметила, не слишком ли долго они там «передумывали»? Так ведь можно было и до утра «передумывать». Фёдор во время разговора продолжал сидеть, иногда лишь пытался укрыть глаза ладонью от света фонарей. Раз от разу он всё же поглядывал на небо: пролетит ещё одна звезда или нет?

Когда страсти улеглись и Маргарита Сергеевна рассказала о медведе-шатуне и о Фёдоре, мужчины замолчали и наконец-то заметили сидевшего тут мальчишку с карабином в руках. Маша выждала, пока оба её одноклассника рассмотрят Фёдора, отошла от всех и демонстративно села на траву рядом с ним. Села и спросила негромко, но так, чтоб все слышали:

– Больше звёзд не видел?

Голос её дал одноклассникам понять, что звёзды – это какая-то их личная тайна.

– Нет, – просто ответил Фёдор, – наверное, сегодня больше не будет.

К ним подошла Маргарита Сергеевна, спросила:

– Фёдор, а может, ты с нами пойдёшь? Переночуешь на станции, а утром – домой? Как сейчас идти, ночью?..

– Так светло же, – удивился он, поднялся с земли, глянул на сияющую луну, – туч нет, идти можно. Мне здесь недолго. Я прямо пойду, часа через три дома буду.

Маргарита Сергеевна не стала с ним спорить. В своих поступках Фёдор был уже совершенно взрослым человеком. Она лишь взяла у Михаила Ильича длинный цилиндрический фонарь и протянула его со словами, чтоб не дать возможности тому отказаться:

– Возьми с собой. Нет, я знаю, что светло как днём, а ты и так дойдёшь, просто возьми на память. Увидишь его, вспомнишь нас, да и приехать за учебниками не забудешь. Бери, бери, а то мы с Машей обидимся.

– Ну, это же пода-арок, Фёдор! – совсем взрослым голосом произнесла Маша.

Фёдор осторожно взял, посмотрел, как тот светит далеко, и тут же выключил фонарь. После сказал негромко:

– Спасибо.

Потом он подошёл не спеша к мужчинам и спросил:

– Вы со станции?

Те кивнули механически, похоже, они всё ещё с трудом верили в то, что этот мальчишка завалил хромого шатуна.

– Вездеход если увидите, скажите им: хромой в седловине лежит, сразу за Волчьим ущельем... близко...

Сказал всем «до свидания» и пошёл обратно в лес. Чернота берёзовой рощи укрыла его с первых шагов. Вошёл в лес – как пропал. Словно его и не было.

Михаил
КОЛЪЯШКИН

В САД Я ДОЖДИК ПРИГЛАШУ

ВЕСНА

Тает снег повсюду дружно –
Вот и кончилась зима.
К нам весна бежит по лужам,
И уходят холода.

Вновь подснежник появился –
Первый радостный цветок.
Грач знакомый возвратился,
Он гнездо починит в срок.

Тёплый ветер всё согреет –
И деревья, и траву.
Лучик солнца веселее
Заиграет наяву.

А ЧЬЯ ЖЕ ЭТО ПЕСЕНКА?

Я песенку эту
Услышал в лесу,
Вокруг разносилось:
«Ку-ку» да «ку-ку».

Наверное, ветер
Поёт для меня,
Но он возражает:
«Кукушка, не я!»

-
- Михаил Александрович Колъяшкин родился в 1964 году в Балашове Саратовской области. Окончил Саратовское музыкальное училище и Балашовский государственный педагогический институт. Автор пяти книг – музыкальных сборников. Публиковался в журнале «Волга–XXI век». Живёт в Саратове.

В САД Я ДОЖДИК ПРИГЛАШУ

В небе облачко плывёт.
Может, скоро дождь пойдёт?
Побегу-ка в сад я прытко,
Распахну его калитку –
Дождик в гости пригласить,
Чтоб он смог весь сад полить.

ПУШИНКИ

Утром летним по тропинке
Мы с подружками идём,
С одуванчиков пушинки
На полянке соберём.

Мы запустим их по ветру,
Пусть летят себе, летят
И поют они про лето,
Про девчонок и ребят.

Пусть услышат эту песню
Солнце, звёзды и луна,
Пусть танцует с ними вместе
Вся огромная страна.

НОВЫЙ ГОД

Ёлку мы нарядим,
Уберём игрушками,
Новый год впереди –
С песнями, с хлопушками.

Дед Мороз уже в пути,
Едет он с подарками,
Ёлку нам осветит
Огоньками яркими.

С хороводом пройдем
Возле ёлки сказочной,
Свои песни споём
Весело и празднично!

**Евгений
ГРАЧЁВ**

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ У АНДРЮШКИ

ДРУЗЬЯ

Жила-была Лягушка –
Волшебная игрушка.
Её весёлый Крокодил
Ключом железным заводил.

Она всегда спешила
И этим всех смешила.
Зайчишка спросит: «Как дела?»
Она ему в ответ: «Ква-ква!»

Сова ей скажет: «Милая,
Всю песенку забыла я.
Ты не напомнишь ли слова?»
Лягушка ей в ответ: «Ква-ква!»

Лягушку понимали,
Лягушку обнимали!
Любили Зайчик и Сова
Её весёлое «ква-ква!»

-
- Евгений Алексеевич Грачёв – поэт, журналист. Окончил филологический факультет Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского. Работает заместителем начальника службы информации по радиовещанию ГТРК «Саратов»; на «Радио России – Саратов» ведёт часовую детскую программу. Публиковался в журналах «Мурзилка», «Рюкзачок», «Юность», «Крылья», «Жили-были», «Почитай-ка», «Чудеса и приключения – детям». Член Союза писателей России и Ассоциации Саратовских Писателей, лауреат Всероссийской литературной премии имени А.П. Чехова, премии имени С.Я. Маршака, Международной премии «Светить всегда» Лиги писателей Евразии. Победитель Международного конкурса «Золотое перо Руси» (2012). Живёт в Саратове.

О ЖВАЧКАХ

У дедушки Артёма
Порядок и уют,
У дедушки на ферме
Животные живут.

У телёнка – жвачка,
У козлёнка – жвачка,
У животных жвачек –
Целый воз и тачка!

Только эти жвачки
Жене не знакомы,
Не «Финал», не «Турбо»,
А пучок соломы!

Весело телёнок
Набивает рот.
Жаль, животных жвачек
Женя не жуёт!

ПРАЗДНИК

Ах, откуда этот шум?
Бум-бум! Бум-бум!
Развлекая Обезьяну,
Слон стучит по барабану!

Бом-бам! Бом-бам!
Слон приходит в гости к нам.
– Мур-мур-мур! – мурлычут Кошки,
Мышь играет на гармошке.

– Жу-жу-жу и тук-тук-тук! –
Пляшут Бабочка и Жук,
Пляшут в комнате игрушки –
День рождения у Андрюшки!

БАЯН

Баян на день рождения
Купила мама мне:
Вот глянцевые кнопочки,
Вот бляшка на ремне.

Есть инструменты разные,
Чудесные, прекрасные –
Банджо и барабан.

Поют гитары звонкие
И флейты, дудки тонкие,
Но я люблю баян!

ЛЮБИМАЯ МЕЛОДИЯ

Играют в классе дудочки:
Лю-ли! Лю-ли! Лю-ли!
Как будто незабудочки
Весною расцвели!

Весна в лучах купается –
Лю-ли! Лю-ли! Лю-ля!
Легко запоминается
Мелодия моя!

Гитара с мандолиною:
Тинь-тинь! Тинь-тинь! Пим-пим!
Мелодию любимую
Ещё раз повторим!

Тра-ля-ля! Тра-ля-ля! –
Приятно повторять,
Весёлую мелодию
Мы учимся играть!

Екатерина
БАДЫЛО

ЧУДНЫЙ ПРАЗДНИК

УРА, КАНИКУЛЫ!

Просыпайся, поднимайся,
Поскорее умывайся!
Кашу ешь и кофе пей,
Побежим гулять скорей!

Одевайся, обувайся,
В путь-дорожку собирайся!
На опушку мы пойдём.
Земляники наберём.

Обойдём в лесу валежник –
Там же много сыроежек!
Одуванчиков нарвём
И венки себе сплетём.

Искупаемся в пруду,
Посидим на берегу.
Салки, жмурки, ручейки –
Побежим вперегонки.

Уезжает детвора –
Скоро в школу всем пора.
Лето красное прошло –
Было ясно и тепло.

-
- Екатерина Анатольевна Бадыло – композитор, певица, педагог, регент, поэт. Публиковалась в журналах «Пчёлка», «Костёр», «Книжки, нотки и игрушки для Андрюшки и Катюшки», «Мифасолькины» и др. Автор сборника песен для детей и юношества «Кто ответит, почему?» и сборника стихов, раскрасок, заданий и сценариев «Детства милая страна». Дирижёр-хоровик (окончила РАМ им. Гнесиных, дирижёрско-хоровой факультет). Автор статей по вопросам культуры. Член Союза журналистов, главный редактор первого и единственного в России детского православного музыкального журнала «Мифасолькины». Регент московских храмов: Всех Скорбящих Радость на Большой Ордынке, Рождества Христова в Измайлово, Казанской Песчанской иконы Божией Матери, церкви Пантелеимона Целителя при ЦКБ РАН, храма апостола Андрея Первозванного в Метрогородке, Святых апостолов Петра и Павла в Лефортово. Постоянный член жюри Международного конкурса «Свирель поёт» и многих других.

НА ТРОИЦУ

Синеет небо, солнце блещет,
Ведь лето красное пришло.
И птицы весело щебечут,
И на душе светло-светло.

Берёзки ласково кивают,
Нарядно выстроившись в ряд.
День Светлой Троицы встречая,
С утра колокола звонят.

И, словно вторя звону, птицы
Не умолкают в вышине.
И сердце стало громко биться –
Как чудно в этот праздник мне!

У ДЕДУШКИ МОРОЗА

Посвящается моим детям

У Дедушки Мороза
Зимой много дел!
Он перед Новым годом
Закончить всё сумел:

Укрыл снегами землю
Сначала, а потом
Леса украсил зимним,
Морозным серебром.

Речушки и озёра
Он превратил в каток,
Чтоб вволю каждый школьник
На нём кататься мог.

Узоры на окошках
За ночь нарисовал,
Для лыж и санок горы
Из снега накидал.

Подарки приготовил
Детишкам Дед Мороз,
Сегодня к нам на ёлку
В мешке он их принёс:

Алёше и Павлуше –
Сверхмощный вертолёт,
Настюше, Маше – куклы,
А Феде – целый флот!

**Олег
КОРНИЕНКО**

ВОЗДУШНЫЙ ПОЧТАЛЬОН

ОРДЕН СЛАВЫ

В пятницу последнего урока в 5 «Б» не было, и Тимка с Федькой уже наострили лыжи домой. Но тут пришёл Игорь Николаевич, классный руководитель, и сказал, что сейчас будет классный час.

– Скоро наш самый главный праздник – День Победы, 9 Мая, – сказал он. – И вы должны его встретить не только хорошими отметками, но и делами. Наша школа участвует в областной акции «Победный май». Что это значит? Почти в каждой семье кто-то воевал или является тружеником тыла. У кого-то, возможно, сохранились награды или наградные документы дедушек или бабушек, старые фотографии или газеты того времени. Надо принести всё это в школу, мы сфотографируем, оцифруем и вернём. Хорошо бы отыскать участника войны и записать его рассказ. Такие воспоминания ещё ценнее... Всё понятно?

Последние слова Игоря Николаевича некоторые ребята восприняли как сигнал: «у меня всё, можете идти домой». Схватив рюкзаки, они рванули к двери.

– Куда?! – остановил их Игорь Николаевич.

И ребята под улюлюканье и смех товарищей вернулись на место.

-
- Олег Иванович Корниенко родился в 1954 году в селе Котовское на Киевщине. Окончил Первое Харьковское военное авиационно-техническое Краснознамённое училище и Курганское высшее военно-политическое авиационное училище. Печатался в журналах «Аврора», «Детская роман-газета», «Историки», «Наш современник», «Московский вестник», «Рать», «Российский писатель», «Советский воин», «Смена», «Волга–XXI век», «Луч», «Русское эхо», «Север», «Сура», «Мономах», «Симбирскъ», «Простор», «День и Ночь», «Новый Енисейский литератор», «Енисейка», «Великороссъ», «Город» и др. Член Союза писателей России. Председатель «Содружества детских писателей». Лауреат литературных премий «Город» и «Признание». Дипломант 4-го Международного конкурса им. А. Н. Толстого и 6-го Всероссийского литературного конкурса «Твои, Россия, сыновья!» Автор шести книг прозы. Живёт в г. Сызрань Самарской области.

– Я никого не отпускал! А сейчас, – Игорь Николаевич включил ноутбук, – мы поговорим про награды Великой Отечественной войны.

Учитель показывал эти ордена и медали на интерактивной доске и кратко о них рассказывал. А потом начал спрашивать про награды у ребят. И тут своими познаниями, конечно, блеснул Тимка, за что Игорь Николаевич похвалил его.

– Если б у меня дедушка был Героем Советского Союза, я бы тоже так смог! – сказал, ухмыльнувшись, Фёдка.

– А при чём тут дедушка? – возразил Игорь Николаевич. – Отвечал Тимофей, а не дедушка.

В классе все засмеялись.

– Не знать награды – это значит не знать своей истории, своего прошлого. Ты какие ордена и медали помнишь?

Фёдка встал и с трудом перечислил те, о которых только что поведал Игорь Николаевич.

– А это что за награда? – спросил его Игорь Николаевич, повернувшись к доске.

На экране все увидели орден в виде звезды с полосатой колодкой.

Фёдка в надежде на подсказку оглянулся на класс. Все молчали, только Тимка опять тряс поднятой рукой.

– Кто поможет Фёдору? – спросил Игорь Николаевич. – Давай, Гришанов, выручай товарища!

Тимка быстро вскочил и отчеканил:

– Это орден Славы 2-й степени.

– Почему ты решил, что 2-й, а не 1-й степени? – спросил Игорь Николаевич.

– У него серединка с Кремлём, золочёная.

Игорь Николаевич повернулся к притихшему Фёдке.

– Понял, как надо отвечать?

– Понял...

Начатый в школе разговор друзья продолжили по дороге домой.

– Тебе повезло, – сказал Фёдка, – у тебя дедушка воевал. А мне про кого писать?

– Нужно найти ветерана, про которого ещё никто не знает, – сказал Тимка. – Про дедушку ведь уже писано-переписано.

– И как их узнать, этих ветеранов?

– Они должны быть старенькие и с медалями, – ответил Тимка.

– У нас в городке все старенькие и с медалями. Если б они всегда ходили с ними. А то надевают их только перед праздником. А нам до праздника уже всё надо сдать.

– Я у папы спрошу, – сказал Тимка. – Может, он кого знает.

Папа действительно помог Тимке.

– В соседнем доме живёт один фронтовик – Константин Михайлович Зайцев. Он прошёл войну от Львова до Японии. Точнее, проехал – был фронтовым водителем. Я сейчас ему позвоню... Вы когда к нему собираетесь?

– Да хоть завтра! – решительно ответил Тимка.

Назавтра после уроков ребята вошли в нужный подъезд. После жаркой улицы здесь было прохладно. Позвонили в квартиру ветерана. Дверь открыла невысокая старушка.

– Мы к Константину Михайловичу, – сказал Тимка, переступая порог.

Бабушка заглянула в зал и крикнула кому-то, точно глухому:

– К тебе тимуровцы пришли! – И повернулась к ребятам: – Проходите.

Они прошли и сели на диван. Тимка задавал вопросы – Константин Михайлович отвечал, а Фёдка записывал в тетрадь. Иногда ветеран замолкал, смотрел в сторону и шмыгал носом, наверное, плакал...

Иногда он что-то забывал.

– Может, вспомните?.. – просили ребята.

– Вспомните... Где вы раньше были?!

– В футбол играли...

Тимка толкнул Фёдку локтём: молчи!

– А какие награды у вас есть?

– Самая большая – орден Славы, но мне его не успели вручить – бомбёжка как раз началась... Где-то гуляет мой орден. Писал везде, никто ничего не знает...

Ребята до конца не записали интервью. Константину Михайловичу то ли плохо стало, то ли устал:

– Приходите завтра...

Они попрощались и тихонько, подталкивая друг друга, покинули квартиру.

– Уф, тяжёлое это дело – брать интервью! И что теперь делать?

– Ждать...

Потом всё закрутилось: школа, улица – и они забыли про дедушку-фронтовика.

Опять всех к действительности вернул звонок Фёдки.

– Ты видел?! – крикнул он в трубку Тимке и замолчал.

– Что видел? Говори яснее! – не понял Тимка.

– В интернете продаётся орден! Дома я открыл интернет, чтобы узнать больше про боевые награды, а в «Яндексе» информация, что в Чехии на интернет-аукционе продаётся орден Славы 3-й степени.

– Точно 3-й?

– Точнее не бывает: весь орден серебряный.

– Может, это орден Константина Михайловича? – спросил Тимка.

– Может. Хотя там даже не написано, что это за орден, а просто: «...какая-то советская медаль».

– Ничего себе «какая-то»! За неё люди кровь проливали, а теперь она находится где-то за границей!

– И что ты предлагаешь?

– Выкупить! Цена там указана?

– 230 крон – так деньги в Чехии называются, – объяснил Фёдка.

– А сколько это будет *на наши*?

– Много, наверное. Ты у папы-лётчика спроси, – сказал Фёдка. – Он дома?

– Дома. Так что приходи сейчас.

Папа Тимки сидел за компьютером, когда Тимка с Федькой подошли к нему и поведали о своей проблеме.

– Орден Славы, говорите? – Папа задвигал «мышкой» и быстро нашёл нужную страничку. – Сейчас в интернете не то что орден – Звезду Героя Советского Союза можно купить. Такие, братцы, времена настали – все продаётся, всё покупается.

– Нас интересует только орден Константина Михайловича, – ответил Тимка и рассказал папе про встречу с соседом-фронтовиком.

– Дело это благородное, – улыбнулся отец. – А если это не его награда? Для этого нужно знать номер ордена. А он тут, – папа показал пальцем на экран монитора, – не указан.

Федька серьёзно посмотрел на Тимкиного папу:

– Может, это и не тот орден, но российская награда должна быть в России!

– В принципе, выкупить его реально, – ответил папа. – На наши деньги это тысяча сто рублей. Но пропустит ли его таможня? По закону награды в страну ввозить нельзя.

– А если мы напишем письмо президенту России, чтоб помог, – предложил Федька. – Мы же хотим найти настоящего владельца ордена.

– Закон един для всех, даже для президента, – ответил папа. – Тут другая опасность: аукцион – не магазин: кто больше заплатит, тому орден и достанется.

– Ничего себе... – почесал затылок Тимка. – И что же делать?

– Собирать деньги. И чем больше, тем лучше – тысяч пять-шесть.

– Ну, эту сумму мы запросто наберём, – потёр ладоши Федька. – Пару недель без мороженого – и орден в кармане. До аукциона ровно месяц. Завтра подойдём к Игорю Николаевичу, чтоб разрешил провести на перемене классное собрание, и объявим о сборе денег.

– Ну что ж, удачи! – папа поднялся и пожал Федьке руку. – Если что – я с вами. А это наш с Тимкой взнос.

Папа вытащил из бумажника двести рублей и протянул Федьке.

Все последующие дни разговоры в 5«Б» вертелись вокруг ордена и предстоящего аукциона. А точнее, про это уже говорила вся школа, все интересовались у ребят, как идут дела.

– Дела идут хорошо, сумма лота не изменилась, – деловито отвечал всем Федька, которого в классе выбрали «главным казначеем».

Сэкономленные за неделю деньги одноклассники сдавали ему в субботу, которую в шутку прозвали «Прощай, чипсы!»

Торги должны были состояться в воскресенье в полночь. Директор школы разрешил следить за ними в компьютерном классе под руководством Игоря Николаевича. Многих ребят отпустили родители. Тимка, Федька и Валерик не отрывали взглядов от экрана компьютера, потирая влажные ладошки.

– Число просмотров растёт, но цена пока старая, – информировал всех Игорь Николаевич.

– Не растёт, не растёт, а потом как прыгнет! – бросил Валерик.

– И мне эта тишина не нравится, – согласился Игорь Николаевич.

И точно: за полчаса до окончания торгов цена неожиданно выросла в пять раз, и все заволновались.

– Месяц готовиться к победе и – проиграть? Нужно действовать!

– А как? – уточнил Тимка.

– Надо перебить цену! – решил Игорь Николаевич. – Добавим для надёжности в «Яндекс-кошелёк» ещё тысячу рублей.

И они победили! И кричали ура, и эхо радовалось вместе с ними, счастливо носясь по сонным коридорам школы.

Домой ребят провожал Игорь Николаевич. Они шли не спеша по ночной улице, восторженно обсуждая, что будут делать дальше.

– Сначала нужно написать письмо от школы в таможенную службу, чтоб она пропустила орден, – сказал Игорь Николаевич. – А когда орден придёт – отправим запрос по номеру в архив Министерства обороны.

Походя мимо соседнего дома, они увидели на освещённом крыльце невысокую женщину в чёрной косынке и двоих мужчин, которые курили. Над ними, на третьем этаже, одиноко горели два окна.

Игорь Николаевич извинился и быстро подошёл к мужчинам.

– Фронтовик умер, – сказал он, вернувшись к ребятам. – Зайцев Константин Михайлович.

– Зайцев?! – вскрикнул Федька и замер на месте как вкопанный.

Тимка с Валериком уставились на освещённые окна.

– Вы его знали? – посмотрел на ребят Игорь Николаевич.

– Это его орден мы выкупали, – ответил Тимка. – Получается, что мы опоздали?

– Разве что на какой-то месяц. Но вы не должны винить себя. Константин Михайлович, поди, всю жизнь искал свою награду. Но – орден есть орден. У вашего ветерана есть, наверное, дети и внуки – орден будет в надёжных руках. И, я думаю, этот ваш поступок был бы для него самой дорогой наградой!

СОЛДАТСКАЯ ПИЛОТКА

*Писателю,
Герою Социалистического Труда
Юрию Васильевичу БОНДАРЕВУ*

Тимка сидел за столом и рисовал. Он ждал: после новостей по телевизору должны быть мультики. И вдруг на экране – летят вертолёты, стреляют бронетранспортёры, парашютисты одуванчиками сыплются из самолёта. Оказывается, в их области начались учения войск округа.

– Эх, попасть бы на такие учения! – мечтательно произнёс Тимка. – Стреляй сколько хочешь! Хочешь из автомата, хочешь из пушки, а хочешь – из танка.

Он любил смотреть передачи про войну и про армию и мечтал стать военным, как дедушка. Его портрет в военной форме висел в зале на самом видном месте. Звезда Героя Советского Союза украшала его грудь. Каждый раз на День Победы дедушка вспоминал

войну и боевых товарищей, а потому Тимка уже наизусть знал, за что дедушке присвоено звание Героя.

Когда по улице перед домом Тимки проехала первая машина, он не придавал этому значения: мало ли кто ездит через их село. Но гул за окном не прекратился: за первой машиной шла вторая, за ней – третья, четвёртая – и не было им ни конца ни края. Тимка выглянул в окно и не поверил своим глазам: все машины были одного цвета – зеленые, а значит, военные. Неужели учения дошли и до их села?

Тимка быстро оделся и выскочил на улицу.

Машины, большие и маленькие, двигались в сторону леса. Длинные антенны на машинах раскачивались из стороны в сторону: хлесь-хлесь! Тимка чуть не задохнулся от восторга и, когда колонна прошла, побежал искать Валерика с Федькой.

– Ну что, видали? – спросил он друзей.

– Видали!

– Когда пойдём к военным? – спросил Тимка.

– Только не сегодня, – ответил Валерик. – Они должны сначала разместиться, окопаться. Лучше завтра с утра.

На следующий день, позавтракав на скорую руку, они встретились на окраине села и зашагали в сторону леса. В карманах курток у них лежали яблоки – марш-бросок ведь предстоял приличный.

– Главное – достать пилотку. Я без пилотки оттуда не уйду, – сказал Тимка.

– Чего ж ты у дедушки не возьмёшь?

– У него её уже нет – в школьный музей отдал.

– Достану пилотку, тогда хоть завтра в армию! – мечтательно сказал Тимка.

– Я лично в армию не хочу, – возразил ему Валерик. – Папа говорит, что там «дедовщина».

Тимка представил своего дедушку, бегущего в шлёпанцах с автоматом, и возразил другу:

– Такого не может быть. Ну какой из дедушки солдат?! Солдат должен быть молодым и сильным, как мы, и тогда на нашу страну никто не нападёт!

Тимка и Федька шагали бодро, а Валерик то и дело отставал.

– Не отставать! – прикрикнул на него Тимка. – Ползёшь как сонная муха.

Военный лагерь оказался на удивление близко. Машины стояли ровными рядами, а чуть подалеже раскинулся палаточный городок.

Ребята осторожно подошли к крайней, самой красивой машине: вместо кабины и кузова у неё была небольшая башня с торчащим вверх пулемётом. На её курносом передке рядом с фарами лежала забытая кем-то пилотка.

– Вот тебе и пилотка! – обрадовался Валерик. – Точно ждала тебя.

– Но без разрешения – это же...

– Вам чего, ребята?

Друзья вздрогнули и оглянулись. Рядом стоял солдат в плащ-палатке, скорее всего, часовой. Из-под капюшона выглядывала каска.

– Да вот... – замялся Федька. – Тимка у нас всё мечтает о пилотке... и стать военным, как его дедушка – Герой Советского Союза. А какой военный без пилотки?..

– В армии, ребята, главное не пилотка, а то, как ты служишь, – сказал часовой. – У кого, вы говорите, дедушка – герой?

– Вот у него. – Федька показал на Тимку.

– Варламов! – крикнул часовой и зачем-то постучал кулаком по курносому капоту.

Из верхнего люка, точно из воды, показалась голова солдата в ребристом шлемофоне.

– К тебе гости, – доложил часовой. – Они тут твою пилотку нашли..

– Не нашли, а просто подумали, что кто-то её забыл, и решили посторожить, – поправил Федька. – Угощайтесь! – И он протянул часовому и Варламову яблоки.

– Яблоки – это хорошо, – улыбнулся часовой и посмотрел на Варламова. – А чем же вас угостить?

– Нам бы на этой машине покататься.

– Эта машина называется бронетранспортёр, и прокатиться сегодня не получится: что-то забарахлила. – Варламов спрыгнул на землю. – А вот полазить можно.

И Варламов рассказал о бронетранспортёре всё и даже ответил на вопросы ребят.

– Всё понятно? Кто повторит мой рассказ?

К удивлению всех, Тимка рассказал о боевой машине так, точно он, а не Варламов был её водителем.

– Ты, я вижу, прирождённый командир, – сказал Варламов. – Я случайно услышал, что ты мечтаешь о пилотке? Я дарю тебе свою, и ты береги её. Эта пилотка не простая. Мне подарил её брат после службы в Афганистане. Видишь след на звёздочке? – Он показал пилотку: на звёздочке не было одного луча. – Это след от душманской пули. Звёздочка спасла ему жизнь.

И Варламов надел пилотку Тимке на голову. Пилотка была большая и закрывала уши, но зато это была настоящая пилотка.

– Служу Советскому Союзу! – Тимка приложил ладонку к пилотке.

Варламов и часовой от удивления переглянулись.

– А ты откуда это знаешь?

– Так у него же дедушка – Герой Советского Союза, – подсказал Федька.

Возвращались ребята уставшие, но счастливые: «разведка боем» оказалась успешной, и завтра они опять пойдут в гости к военным.

Дома Тимку встретил дедушка. Он надел очки и устался на внука:

– Ты где это взял? – показал он на пилотку.

– Солдаты подарили.

Дедушка хотел ещё что-то спросить, но тут дверь на кухню открылась, и в избу вошли незнакомый капитан и уже знакомый Тимке Варламов.

– Товарищ Герой Советского Союза! – приложил капитан руку к фуражке. – Вверенное мне подразделение прибыло для дислокации в ваши края по случаю окружных учений.

Дедушка на мгновение растерялся, но потом стал по стойке «смирно», вытянув руки по швам. Глядя на него, Тимка тоже вытянулся по струнке.

– Прямо напугали старика! – улыбнулся дедушка. – Чем обязан вашему визиту?

– О вас мы случайно узнали от сельских ребят и хотели бы просить вас выступить перед нашими солдатами.

– А вы где расквартировались?

– В лесу, на окраине. Вот он, – капитан кивнул на Тимку, – знает, где.

Дедушка на мгновение замялся:

– Это для меня уже далеко.

– А вам не надо ходить. Если вы согласны, за вами придёт моя машина. Когда вам удобно?..

Дедушка и капитан договорились о дате, и Тимка в пилотке проводил гостей за калитку, помахал на прощанье рукой.

Тимка уже лежал в постели, когда мать подошла к нему и спросила:

– Ты так и будешь спать в пилотке?

– А на войне все так спят. Ведь учения – это почти что настоящая война.

Мать удивлённо покачала головой.

– Тогда ты и ботинки надень. Всё теплее...

Тимка молча снял пилотку и бережно положил её под подушку. Ночью он несколько раз просыпался и проверял, на месте ли пилотка. Пилотка была на месте.

ВОЗДУШНЫЙ ПОЧТАЛЬОН

Г. Цыплёнковой

Тимка с Федькой стояли и широко раскрытыми глазами смотрели, как Валерик надувает водородом шарик. Обыкновенный магазинный шарик через несколько минут должен был стать необыкновенным. То есть – летающим.

– Прямо чудо какое-то! – всё больше удивлялся Тимка, глядя как шарик, одетый на горлышко большой бутылки, всё увеличивался и увеличивался в размерах.

– И никакого здесь чуда нет, – заметил Валерик, – чистая химия: смешиваем растворы медного купороса и поваренной соли и бросаем туда алюминиевую проволоку. В результате реакции выделяется водород.

– Какой соли? – переспросил Тимка.

Медный купорос он знал и раньше – дедушка весной опрыскивал им деревья.

– Обыкновенной. Какую мы в пищу кладём.

– И что, он действительно полетит? – любопытство распирало Тимку.

– Водород легче воздуха. Значит, должен полететь, – ответил Валерик.

– Что пристал к человеку? – толкнул Тимку Фёдка. – Тоже, что ли, шарики надувать собрался?

– А почему бы и нет?

Тимке не терпелось самому проверить, выделяется ли в результате реакции водород.

– Ты уже фосфор добыл один раз! – ухмыльнулся Фёдка.

Случай с добычей фосфора Тимка запомнил на всю жизнь. Фёдке на день рождения подарили часы со светящимися от фосфора цифрами и стрелками. Все ребята завидовали Фёдке. Толстушка Светка, у которой отец был ветеринарным врачом, сказала, что впервые фосфор получили, выпаривая мочу животных. Тимка решил это проверить. Он наполнил консервную банку своей мочой и поставил на керогаз. В итоге он так нахимичил, что все потом в дом через вторую веранду заходили, пока эту не проветрили.

А шарик действительно полетел. Задрав головы, ребята следили за ним до тех пор, пока тот не растворился на фоне серого весеннего неба.

Тимка без колебаний решил попробовать сам надуть шарик. А чем он хуже Валерика? Тем более что тот объяснил, что и как надо: сделать раствор и бросить проволоку. Что может быть проще! Да и Фёдка после этого, возможно, хвост подожмёт.

Первый компонент – соль – Тимка раздобыл быстро. Бутылку из-под шипучки и кусок алюминиевой проволоки он тоже нашёл без труда. А вот остался ли медный купорос? Но и его он вскоре отыскал в отцовской мастерской. Слово «купорос» на пакете кем-то было исправлено на «ПОПАрос».

– Ты чего там химичишь? – поинтересовалась мать. – Избу смотри не сожги...

Когда раствор в бутылке забурлил, Тимка не без труда натянул на горлышко зелёный шарик, оставшийся после октябрьских праздников. Тимка где-то переборщил, потому что раствор выплёскивало в шарик, мешая ему подняться. Он отлил раствор и опять надел шарик. Когда тот стал величиной с футбольный мяч, Тимка перевязал его и снял с бутылки. Шарик, точно намагниченный, рванул вверх и прилип к потолку. Тимка не мог налюбоваться на свою работу. Несколько раз он подходил и трогал шарик за хвостик, но потолок шарика почему-то стал дороже Тимки. Но мальчик не обиделся, а скорее жалел, что этого никто не видит.

Тимка долго не мог заснуть. Он смотрел на шарик, покачивающийся под потолком, представляя, как высоко он завтра поднимется и где-то опустится. Где-то? А если к шарика привязать записку с адресом, то Тимка обязательно узнает, где приземлился шарик! Он вскочил с постели, включил настольную лампу и написал записку. Дважды перечитал её, указал адрес и сложил вчетверо.

На другой день он рассказал про письмо Валерику и Фёдке.

– Здорово! – восхитился Валерик.

Решение отправить шарик с письмом одобрил и Фёдка.

Шарик, как застоявшийся конёк, плясал в руках у Тимки, рвался в небо.

– Можно я запущу? – умоляюще посмотрел Фёдка.

– Пускай, что мне, жалко?

Фёдка подержал шарик, потрогал записку и разжал пальцы. Шарик, поднимаясь, весело, точно рукой, махал ребятам бумажкой: пока, мол, ждите ответа!

Но письма всё не было и не было. Тимка даже запомнил время, когда приходит почтальон дядя Володя, и спешил его встречать. Но, кроме газет и пенсии бабушке, ничего не было.

Прошло немало времени, прежде чем однажды дядя Володя принёс письмо. Письмо было из Павловки. Тимка быстро открыл конверт, развернул вырванный из школьной тетради листок. В письме говорилось, что шарик с запиской получили и ждут ребят в гости.

До Павловки было километра четыре, и ребята не стали надолго откладывать свой визит. И что такое четыре километра для их велосипедов!

Встретила их невысокая полноватая женщина в очках.

– Вы, наверное, к Саше? – спросила она и, не дожидаясь ответа, сказала: – А Саши нет дома, он в районной больнице.

И она рассказала, что случилось с сыном. Соседский мальчишка залез высоко на дерево, чтобы снять котёнка, а обратно слезть не смог. Сидел и плакал. Котёнок жалобно мяукал. Саша полез за ними. Когда до земли оставалось немного, мальчонка-то с котёнком спрыгнул, а под Сашей ветка обломилась, и он упал, ударившись головой о землю. Всё, казалось бы, обошлось, но Саша стал быстро терять зрение. Сейчас ему нужна срочная операция, нужны деньги.

– Вы, ребята, извините Сашу, что он не ответил. Когда я увидела в огороде ваш шарик с запиской, Саша был уже в больнице. Я ему о вас обязательно расскажу.

Домой ребята ехали молча, потрясённые рассказом Сашиной мамы.

– Давайте надует шарик и напишем письма с просьбой помочь Саше, – предложил Фёдка.

Всё-таки светлый человек – Фёдка, и мысли к нему приходят всегда светлые.

И работа закипела. Тимка надувал шарик, Фёдка писал письма, а Валерик их привязывал. Когда всё было готово, они выпустили шарик в небо. Разноцветные воздушные почтальоны стайкой поднялись выше деревьев и дома, а потом разлетелись в разные стороны по своим пока ещё неизвестным адресам.

**Михаил
КАРИШНЕВ-ЛУБОЦКИЙ**

С НОВЫМ ГОДОМ, ЛЕШАКИ!

(Новогодняя пьеса в двух действиях)

Действующие лица

МИНЬКА – лешачок.

БРУМКА – его старшая сестра.

ПАПА – лешак.

МАМА – лешачиха.

ДЕДУШКА – лешак (он же – **ДЕД МОРОЗ**).

АЛЁНА – учащаяся культпросветучилища
(она же – **СНЕГУРОЧКА**).

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Картина первая

Уютная современная квартира. Правда, чувствуется избыток украшений – «даров леса»: и светильники в форме желудей, и пуфики – пенёчки, и вешалка – оленьи рога, и многое, многое другое. Висят на стене большие часы и яркий красочный календарь. На календаре – 30 декабря, на часах – седьмой час. Кончается предпоследний день старого года.

За пианино сидит **БРУМКА** – юное создание с зелёными волосами, в модной блузке и в брюках. **БРУМКА** играет серьёзную мелодию.

-
- Михаил Александрович Лубоцкий (литературный псевдоним – Михаил Каришнев-Лубоцкий) родился в 1948 году в г. Чапаевске Куйбышевской области. Окончил филологический факультет Саратовского государственного педагогического института. Автор книг «Волшебные сказки», «Приключения маленькой волшебницы», «Чародей из Гнэльфбурга», «День рождения домового», «Искатели злых ключей», «Обманное колечко» и др. Публиковался в журналах «Мурзилка», «Детская роман-газета», «Странник», «Волга–XXI век», в «Литературной газете» и других изданиях. Лауреат премии журнала «Мурзилка», Всесоюзного конкурса на лучшую пьесу для детей, Всероссийского литературного конкурса на лучшую книгу для детей «Добрая лира», премий имени П.П. Ершова и А.П. Чехова. Заслуженный учитель РФ. Член Союза писателей Москвы. Ответственный секретарь Ассоциации Саратовских Писателей. Живёт в Саратове.

БРУМКА (*перестав играть, произносит капризно*). Надоело!.. Всё надоело!.. Пианино надоело, уроки надоели, лес надоел! Хочу как люди жить! Нет, ну правда, ну чем мы хуже людей? (*Обиженно машет рукой.*) А-а!.. (*Сердито играет «Собачий вальс». Перестав играть, мечтательно произносит.*) В городе фонари, проспекты... дискотеки разные... А на Новый год – ёлки... Дед Мороз со Снегурочкой... Подарки дарят... А у нас ёлки под снегом стоят, игрушки нет... (*Встает из-за пианино и снова капризно кричит.*) Не хочу в лесу жить! Надоело! Нигде леших не осталось, одни мы, как глупые, в дебри забились!

Появляется МАМА-ЛЕШАЧИХА: яркая женщина в пышном зелёном парике. Чтобы не запачкать нарядную одежду, она надела фартук.

МАМА-ЛЕШАЧИХА. Брумочка, что случилось? Не нервничай, это вредно для здоровья!

БРУМКА. Пусть вредно! Зачем мне здоровье в лесу? Хочу в город! На проспект! На дискотеку!

МАМА-ЛЕШАЧИХА (*растерянно*). А кто же здесь останется? Итак никого нет – одни мы с папой. А вы с Минечкой – наша смена.

БРУМКА. Не хочу сменой быть, хочу в город! Все умные лешие давно поразъезжались, одни мы остались!

МАМА-ЛЕШАЧИХА. Но кто-то ведь должен остаться! Остались мы. Так нужно, доченька!

БРУМКА. Зачем?

МАМА-ЛЕШАЧИХА. Головы людям морочить. Это – наш долг и прямая обязанность. Лешие мы, Брумочка, аль забыла?

БРУМКА. Помню, что лешие!.. Головы людям и в городе морочить можно, не так разве?

МАМА-ЛЕШАЧИХА. Так, Брумочка, так. Но лешие – они испокон веков в лесу морочили. Традиция!

БРУМКА. Плохая традиция. А плохие традиции нужно менять. На хорошие и приятные!

МАМА-ЛЕШАЧИХА (*тяжело вздохнув*). Эх, Брумочка... Твоими бы устами да мёд пить... Морочить головы людям – не главный наш долг. Главный наш долг – от леса людей отваживать. Чтоб не ходили тут, не рубили почём зря, из ружей не постреливали... Потому и не ушли, Брумочка, что совесть не позволила.

БРУМКА. А вы её и не спрашивали. А нам теперь с Минькой пропадать из-за этого.

МАМА-ЛЕШАЧИХА. Кстати, а где Минечка? Кажется, он и так пропал...

С диким рёвом, держась рукой за левый глаз, через зал по сцене пробегает МИНЬКА, одетый в спортивную форму, с шапочкой-петушком на зеленоволосой голове.

Минечка, что случилось?! Поделись своим горем с любимой мамочкой!

МИНЬКА (*продолжает реветь*). А-а-а-а!..

МАМА-ЛЕШАЧИХА. У меня сердце не выдержит... Минечка, поделись...

МИНЬКА. А-а-а-а!..

БРУМКА (*строго*). Брось реветь, а то добавлю!

МИНЬКА резко обрывает ре́в.

Убери руку!

МИНЬКА опускает руку, и всем становится виден огромный синяк.

МАМА-ЛЕШАЧИХА. Какой ужас!.. Синяк!

БРУМКА. С мамой делиться будешь?

МИНЬКА отрицательно мотает головой.

Правильно, что сам заработал, то сам и носи. (*С сочувствием.*)
Кто тебя так?

МИНЬКА (*всхлипывая*). З-за... з-за... з-заяц!

БРУМКА. Дожили! (*МАМЕ-ЛЕШАЧИХЕ.*) До такого позора дожили: зайцы леших бьют!

МАМА-ЛЕШАЧИХА. Минечка, за что он тебя?

МИНЬКА (*всхлипывая*). Ни за что, мамочка!

БРУМКА. Стыдища... Хорошо леших нет, а то засмеяли бы.

МИНЬКА. Мы с ним в лапту играли!.. Снежками! Я как засвечу – и мимо. А он как засветил – и... вот! (*Снова ревет, тыча пальцем в синяк.*)

МАМА-ЛЕШАЧИХА. Где этот изверг?! Да я его!.. Да мы его!.. Где он, Минечка?

МИНЬКА (*продолжая всхлипать*). Там лежит... в сугробе!

МАМА-ЛЕШАЧИХА (*растерянно*). Лежит? Как – лежит?

МИНЬКА. Вот так! (*Показывает, широко раскидывая руки в стороны.*) Ударил по снежку, взглянул на меня и – упал!

БРУМКА. От смеха, что ли?

МИНЬКА. В обморок!

МАМА-ЛЕШАЧИХА. Ну хорошо, я с ним потом разберусь. А сейчас, Минечка, мне придётся немного поколдовать. Не ходи же тебе в Новый год с синяком!

МИНЬКА. Ну что ж... колдуй, мамочка...

МАМА-ЛЕШАЧИХА усаживает МИНЬКУ в кресло. Отходит от него шага на три-четыре назад и начинает делать пассы. Свет на сцене постепенно гаснет.

ГОЛОС МАМЫ-ЛЕШАЧИХИ. Абрус-швабрус-калабрус! Штучки-дрючки-закорючки! (*Пауза.*) Готово!

Сцена вновь освещена. У МИНЬКИ появился синяк и под правым глазом.

МИНЬКА. Могу идти?

МАМА-ЛЕШАЧИХА. Какой ужас!

БРУМКА. Всё! Или в город – или пропадём. Колдовать разучились – стыдища!

МАМА-ЛЕШАЧИХА. Какой конфуз!.. Полное отсутствие практики.. Теряется квалификация... (*Заметив, что сын пытается встать из кресла.*) Миня, сиди! Сейчас переделаю!

БРУМКА. Нет уж, мамочка, позволь я.

МИНЬКА (*испуганно*). А что «переделаю»? Что «переделаю»?..

БРУМКА. Сиди, Минька! Помалкивай!

Становится перед братом и начинает делать пассы.

Свет на сцене гаснет.

ГОЛОС БРУМКИ. Анды-баланды-шаланды!.. Штучки-дрючки-закорючки!.. (*Пауза.*) Готово!

Сцена вновь освещена. Синяки на лице у МИНЬКИ исчезли.

МАМА-ЛЕШАЧИХА. Какая чистая работа! Великолепно! Ты превзошла свою мамочку в колдовстве! Ты – настоящая смена, доченька! У нас с папой есть настоящая смена! Какое счастье!

БРУМКА. Я – не смена! Я в город хочу! На танцы ходить, в коктейль-баре сидеть, через соломинку соки пить, с творческой молодёжью общаться!

МИНЬКА. И я в город хочу! И я – через соломинку...

МАМА-ЛЕШАЧИХА (*растерянно*). Деточки... Неужто у нас соломмы нет?.. Да хоть стогами...

БРУМКА. Ничего ты, мамочка, не понимаешь... Мы с Минькой хотим как люди жить, культуру черпать и этими... плодами цивилизации пользоваться. Да, Минька?

МИНЬКА. Да, хотим плоды!

МАМА-ЛЕШАЧИХА. Деточки... Да разве мы с папой для вас не стараемся? Ну всё у нас есть! Вот: хрусталь, ковры, телевизор... Полировка смотри какая! А этот шкаф? Да таких шкафов отродясь у леших не было, только и были у троллей! Шкаф-то финский!

БРУМКА. Шкаф – это ещё не всё. Молодёжь должна общаться!

МИНЬКА. И в хоккей играть, и в цирк ходить! А тут... тут только зайцы и остались. Только в лапту умеют... И то не умеют...

МАМА-ЛЕШАЧИХА. Вы про долг забыли! Про наш святой долг!

БРУМКА. Лично я ни у кого не занимала. Долг! Если люди захотят, они все леса спилят – отваживай не отваживай. Они – упорные!

МИНЬКА. И волевые! «Трус не играет в хоккей». Слыхала?

МАМА-ЛЕШАЧИХА. Это всё телевизор виноват! Насмотрелись, наслушались... Говорила отцу: «Купи сломанный, для интерьера...» Нет, притащил новенький, цветной. Теперь расхлёбываем.

МИНЬКА. Ты, мамочка, нарочно так говоришь: «...расхлёбываем». А как передачу «Здоровье» начнут показывать, первая к телевизору бежишь.

БРУМКА. Разве лешие болеют как люди? А ты всё равно смотришь.

МАМА-ЛЕШАЧИХА (*виновато*). Смотрю, доченька... «Здоровье» – моя слабость.

Появляется Папа-лешак. Лицо и руки у него испачканы автомобильной смазкой.

ПАПА-ЛЕШАК. Провозился три часа и без всякого толку! Нужно покупать «Жигули». Продадим все запасы мёда и купим новую машину. Или... или я сойду с ума!

БРУМКА. Я, папочка, раньше сойду. Так скучно стало в лесу жить, что просто выть хочется.

ПАПА-ЛЕШАК. Хочется выть – вой. Подкарауль грибника какого-нибудь и вой сколько влезет.

МАМА-ЛЕШАЧИХА. А что, доченька, папа прав: для тебя это – прекрасная трудовая практика!

БРУМКА. Я серьёзно...

МАМА-ЛЕШАЧИХА. Мы тоже.

ПАПА-ЛЕШАК. Эх, Брумка, Брумка, о чём ты думаешь... Скоро Новый год, люди за ёлками в лес табунами повалили, а ты... (*Перефразнивает.*) «Скучно!.. Выть хочется!..» Вот и повой, раз лешачихой родилась. Повой, напугай гостей непрошенных!

МИНЬКА. Я повую, хорошо, папочка?

ПАПА-ЛЕШАК. У тебя ещё голос не поставлен, можешь, сынок, голосовые связки порвать. Погоди ещё годик-другой.

БРУМКА. Очень даже поставлен! Сейчас так орал – ну никому не сумеешь! (*После паузы.*) Ёлки мне, папа, конечно, жалко. Росли-росли, и вдруг – под самый корешок...

МАМА-ЛЕШАЧИХА (*с гневом*). На потеху!

БРУМКА. На радость! Новый год у людей – праздник! Ёлка... Дед Мороз... Снегурочка...

МИНЬКА. (*с восхищением*). Подарки!.. Мешок подарков!.. Два мешка подарков!..

БРУМКА (*ультимативно*). Хочу в город! Хочу ёлку, Деда Мороза, Снегурочку! Чтоб как у людей! Чтоб не хуже!

МИНЬКА (*в тон сестре*). Подарки хочу... в кулёчках... Чтоб Дедушка Мороз вручил, как всем детям.

БРУМКА. Мы, что, хуже людей?

МИНЬКА. Мы – не дети?

ПАПА-ЛЕШАК. Совсем от рук отбились...

МАМА-ЛЕШАЧИХА. Ты виноват! Всё в гараже да в гараже! Машина дороже детей! А я одна воспитывай! Дети ёлку хотят! Деда Мороза с мешком! Снегурочку... (*оговаривается*) в кулёчке...

ПАПА-ЛЕШАК. А завтра они, может быть, луну с неба попросят, тогда что?

МАМА-ЛЕШАЧИХА. Нужно будет для детей – и луну достану! Ничего, выкручусь. А пока давай думать о ёлке.

ПАПА-ЛЕШАК. Нет уж, дорогая, потом! Сейчас я хочу умыться, переодеться и поужинать. (*Уходит в ванную комнату.*)

БРУМКА. *(вслед отцу).* Учти, папа, мы не отстанем!

МИНЬКА. Это точно! Ты меня знаешь!

МАМА-ЛЕШАЧИХА *(радостно).* Ух, детоньки мои! Настоящие лешачата! Не отстанут они! Головы нам заморочат! Радость-то какая, подарочек-то какой для родимой мамочки! А я уж думала: кончились лешие! А они – вот они! Рыбоньки мои, птички!..

БРУМКА. Эх!.. И вот так – всю жизнь! *(Передразнивает.)* «Рыбоньки!.. Птички!..» А я в город хочу, в город! *(Садится за пианино и играет сердито «собачий вальс».)*

МАМА-ЛЕШАЧИХА. Ничего, детки мои, мы с папой будем думать. Мы будем думать!

Картина вторая

Вечер 30 декабря. На часах без четверти десять. ПАПА-ЛЕШАК сидит в кресле и читает газету. Появляется МАМА-ЛЕШАЧИХА.

МАМА-ЛЕШАЧИХА. Ну?

ПАПА-ЛЕШАК *(не отрываясь от газеты).* Что «ну»?

МАМА-ЛЕШАЧИХА. Придумал что-нибудь?

ПАПА-ЛЕШАК. А что я должен придумать?

МАМА-ЛЕШАЧИХА. Как?! Ты всё забыл? Дети хотят ёлку, дети мечтают о ёлке! А ты – забыл?

ПАПА-ЛЕШАК *(вспомнив).* Ах, ёлка!.. *(После паузы.)* Ну забыл. Сейчас придумаю. *(Сосредоточенно думает. После паузы.)* Деда Мороза вызовем по телефону. Позвоним в бюро добрых услуг и вызовем. И Снегурочку тоже.

МАМА-ЛЕШАЧИХА. Так они и поедут к лешим в лес! Не дождёшься!

ПАПА-ЛЕШАК. Странные они существа – люди... Когда их не просят – валом в лес валят, когда от всей души приглашают – отказываются... Что ж, видно, снова придётся Новый год без Снегурочки и Деда Мороза встречать. Дело привычное...

МАМА-ЛЕШАЧИХА. Ну уж нет! Ни за что! Хватит! Что мы, хуже людей живём? Всё в доме есть! А Снегурки с Морозом нет... Подарков для Брумки с Минечкой целый воз припасла, а кто дарить будет?

ПАПА-ЛЕШАК. Что ж делать-то?

МАМА-ЛЕШАЧИХА. Ума не приложу... Хоть бы нарядить кого... на время. Так ведь нет никого, кругом одни зайцы остались.

ПАПА-ЛЕШАК. А медведи? *(Вспомнив.)* Ах да, спят медведи... Вот незадача...

Раздаётся дробный стук у входной двери.

На ночь глядя кого-то нелёгкая принесла... *(Идёт открывать. Вскоре возвращается.)*

МАМА-ЛЕШАЧИХА. Кто там?

ПАПА-ЛЕШАК. Сорока-белобока. Новость на хвосте принесла.

МАМА-ЛЕШАЧИХА. От кого?

ПАПА-ЛЕШАК. От Калины Потапыча, от дедушки нашего любимого.

МАМА-ЛЕШАЧИХА. Что-нибудь случилось? Что ты молчишь? Что-нибудь случилось?

ПАПА-ЛЕШАК. Успокойся, ничего не случилось. Просто соскучился старый в своём Дальнем лесу по внучатам, в гости к себе зовёт.

МАМА-ЛЕШАЧИХА. Соскучился? Дедушка? В гости зовёт? Ах, да как же я сразу не догадалась!.. Вот кто нам нужен – дедушка Калина нам нужен! А мы про него и позабыли совсем!

ПАПА-ЛЕШАК. Поврозь живём: мы здесь – в Сосновом бору, он там – в Дальнем лесу. Внуки его, наверное, и не помнят совсем.

МАМА-ЛЕШАЧИХА. Это, конечно, плохо... Но сейчас это даже хорошо: пусть он Деда Мороза изобразит!

ПАПА-ЛЕШАК. Что ты! Отец – мужчина серьёзный, Деда Мороза изображать не станет.

МАМА-ЛЕШАЧИХА. Станет! Для любимых внучат – станет. Всего-то и дел: шубейку другую накинуть да бороду другую нацепить.

ПАПА-ЛЕШАК. У него борода своя – не нацепленная.

МАМА-ЛЕШАЧИХА. Своя у него зелёная, а нужна белая. Я ему из ваточки бородку состряпаю – загляденье старичок получится!

ПАПА-ЛЕШАК. Ну-ну... Попробуй. Только он не согласится, я его знаю.

МАМА-ЛЕШАЧИХА. А вот увидим! Бери ручку, бумагу. Пиши письмо. Подожди, я сама приготовлю. А ты пока свисти Сороке-белобоке, чтоб тут была, пусть письмо отнесёт.

ПАПА-ЛЕШАК идёт выполнять задание жены. **МАМА-ЛЕШАЧИХА** достаёт авторучку и бумагу. Возвращается **ПАПА-ЛЕШАК**.

Сказал Сороке?

ПАПА-ЛЕШАК. Сказал. Возмущается белобока: гоняем её взад-вперёд не по назначению. Она ведь у нас для экстренных сообщений.

МАМА-ЛЕШАЧИХА. У нас как раз экстренное. Новый год на носу, а ничего ещё не готово. Садись, пиши.

ПАПА-ЛЕШАК садится за стол, берёт авторучку.

МАМА-ЛЕШАЧИХА (*диктует*). «Здравствуй, наш дорогой и горячо любимый папочка и дедушка! Как ты живёшь? Скоро Новый год, а ты там один в Дальнем лесу сидишь и скучаешь без нас. Милый дедушка, приезжай к нам на Новый год. Отдохнёшь, повеселишься, побудешь с нами у народной ёлочки. Приезжай! Крепко тебя целуем. Твои лешаки и лешачата».

ПАПА-ЛЕШАК (*кончив писать*). Готово!

МАМА-ЛЕШАЧИХА. Неси Сороке-белобоке.

ПАПА-ЛЕШАК (*несёт записку «почтальону»*). Вот здорово придумала!.. Ещё бы Снегурочку... (*Вздыхает.*) Поразъехалась молодёжь...

Возвращается ПАПА-ЛЕШАК.

ПАПА-ЛЕШАК. Радуйся, что Дед Мороз нашёлся, а уж Снегурочка... Вот откажется дедушка – и будет нам настоящая ёлка!

МАМА-ЛЕШАЧИХА. Не откажется, вот увидишь! Уговорю! *(Вздыхает.)* Эх, придётся, видно, без Снегурочки... А жаль! Вот наши дети порадовались бы!

ПАПА-ЛЕШАК *(после паузы).* Пойду поброжу. Вдруг кого в лес занесёт?

МАМА-ЛЕШАЧИХА. Что ж, иди. За ёлками нынче много охотников. Попугай, если кого встретишь, им это на пользу будет.

В дверь просовывается голова МИНЬКИ.

МИНЬКА. А я?

МАМА-ЛЕШАЧИХА. Что – ты?

МИНЬКА. И я пугать хочу! Чтоб на пользу!

ПАПА-ЛЕШАК. Я сегодня, может быть, всю ночь прохожу. Ты замёрзнешь.

МАМА-ЛЕШАЧИХА. Тебе, Минечка, спатеньки нужно ложиться, у тебя режим.

МИНЬКА. Хочу пугать! Леший я или нет?!

ПАПА-ЛЕШАК. Нужно маму слушаться, Миня. Рано тебе в ночную смену ходить, днём пока пугать научись.

МИНЬКА. А я умею. Только нет никого, пугать мне некого.

МАМА-ЛЕШАЧИХА *(интригуяюще).* Если будешь послушным, то мы с папой приготовим для вас с Брумочкой новогодний сюрприз...

МИНЬКА. Какой?

МАМА-ЛЕШАЧИХА. Пока – секрет.

МИНЬКА *(после паузы).* Ладно... Днём кого-нибудь напугаю... А он очень вкусный?

МАМА-ЛЕШАЧИХА. Что, Минечка?

МИНЬКА. Сюрприз.

ПАПА-ЛЕШАК. Сам увидишь, потерпи до завтра. Ну, спокойной ночи! *(Уходит.)*

МИНЬКА. Спокойной ночи... Попробуй теперь усни, когда перед глазами – сюрприз. А какой, из чего – неизвестно... *(Тяжело вздохнув, исчезает.)*

Свет на сцене медленно гаснет. Между картинами могут звучать небольшие музыкальные этюды, соответствующие настроению прошедшей или следующей картины, или настроению времени, не включённого в действие: в данный момент – предпоследней ночи старого года.

Картина третья

Утро. На календаре – 31 декабря, на часах – половина девятого. Появляется БРУМКА в спортивной форме, включает магнитофон и начинает под музыку заниматься ритмической гимнастикой.

БРУМКА (*не прекращая занятия гимнастикой.*) Надоело!.. Всё одна и одна! Так делаю?.. Не так делаю?.. И спросить некого... А в городе... секции... тренеры... коллектив... Красотища! А тут? Ёлки, зайцы, грибы... Никакого общения!

Появляется МАМА-ЛЕШАЧИХА.

МАМА-ЛЕШАЧИХА. Ты уж поаккуратней, доченька. Вывихнешь ножку или ручку – такое огорчение для мамочки сделаешь!

БРУМКА. Не вывихну. Всё по науке делаю... как в телевизоре! (*Прекращает, однако, занятия гимнастикой, выключает магнитофон, берёт в руки секундомер и считает пульс.*)

МАМА-ЛЕШАЧИХА. Минечка даже не позавтракал... Проснулся, лыжи схватил – и в лес! Вдруг кого встретит?

БРУМКА. Ну и что?

МАМА-ЛЕШАЧИХА. Напугают ребёнка.

БРУМКА. Ерунда! Минька пугать должен, он – леший.

Снова через зал с дикими воплями по сцене пробегает МИНЬКА. В руках у него лыжи и лыжные палки.

МИНЬКА. Ма-ма!.. Мамочка!.. Караул! Гонится!

МАМА-ЛЕШАЧИХА. Кто гонится? За кем гонится?

МИНЬКА. Не знаю! За мной гонится!

БРУМКА. Голов – сколько? А когти есть?

МИНЬКА. Я когти не рассматривал! А голова... голова одна! Рыжая! Дыбом! Я пошутить хотел, повыл немного, а она – за мной!

МАМА-ЛЕШАЧИХА. Голова?!

МИНЬКА. Всё вместе! Вон она! (*МИНЬКА показывает на дверь, в которую сам вбежал минуту назад.*)

В дверях показывается АЛЁНА: ярко покрашенная девица с рыжими, торчащими вверх, как у панков, волосами. В руках у неё лыжи.

АЛЁНА. Стой, говорю! Стой! Куда ты, леший?

МИНЬКА (*МАМЕ-ЛЕШАЧИХЕ.*) Слыхала? Она меня знает!

АЛЁНА бежит через зал на сцену, стучится в квартиру лешаков.

БРУМКА. Пускать?

МАМА-ЛЕШАЧИХА. Пусти. Я думала – чудище...

БРУМКА открывает дверь. АЛЁНА входит в гостиную.

АЛЁНА. Здравствуйте. Ух, думала, заблудилась!.. (*МИНЬКЕ.*) Ты что от меня удрал? Я кричу, а ты – бегом! (*МАМЕ-ЛЕШАЧИХЕ и БРУМКЕ.*) Понимаете, какая история получилась: еду я, вдруг кто-то как завоет!.. Снег начался, запуржило, завьюжило... Я глаза закрыла. Открываю – лыжни нет! Передо мною пятнадцать человек прошли (у нас кросс новогодний), а лыжни нет! Не иначе вью-

гой завьюжило. Ну, думаю, пропала! Не найду дороги. Вдруг гляжу: пацан! Он (*показывает на МИНЬКУ*). Стой, говорю, леший! А он – драла.

БРУМКА. А ты?

АЛЁНА. А я – за ним. Еле догнала. (*Осматривается.*) Где это я?

БРУМКА. Да так, в одном доме.

АЛЁНА. В лесу живёте? Лесники?

БРУМКА. Почти что...

АЛЁНА. Как же мне теперь домой добираться? Куда идти? У нас ёлка сегодня, а я заблудилась...

МАМА-ЛЕШАЧИХА. У нас тоже ёлка.

МИНЬКА (*грустно*). Только ненастоящая. Дедушки Мороза нет. Снегурочки нет...

АЛЁНА. У нас есть Снегурочка: Ковалёву Катю Снегурочкой выбрали. (*Грустно.*) А мне опять не доверили...

БРУМКА. Почему?

АЛЁНА. Причёска моя виновата. Не внушает доверия. А я так хотела Снегурочкой побыть! Я ведь в культпросветучилище учусь, мне это и для будущей работы необходимо. А они – не доверили! (*Передразнивает.*) «Таких Снегурочек не бывает!» (*Презрительно.*) Специалисты!

МАМА-ЛЕШАЧИХА. Беденькая... Что же тебе делать-то теперь?

АЛЁНА. Ничего. Смотреть на других и радоваться. (*БРУМКЕ.*) Скажи, у меня нормальная причёска?

БРУМКА. Нормальная.

АЛЁНА (*возмущённо*). Так почему же Снегурочка не может быть с нормальной причёской?!

МАМА-ЛЕШАЧИХА. Может. И – будет! (*МИНЬКЕ и БРУМКЕ.*) Деточки, вам страшно повезло: у вас будет ёлка со Снегурочкой! С ней! (*Жест в сторону АЛЁНЫ.*)

АЛЁНА. Мне домой нужно!

МАМА-ЛЕШАЧИХА. Всем домой нужно. Ты же хотела Снегурочкой побыть? Вот и побудешь. Ты, Минечка, доволен? А ты, Брумочка?

БРУМКА. Я-то довольна...

АЛЁНА. Я домой опаздываю! (*МИНЬКЕ.*) Показывай дорогу!

МИНЬКА. А я её знаю? Не то туда, не то туда... (*Тычет рукой в разные стороны.*) Точно не помню...

АЛЁНА (*всем*). Где дорога? Показывайте дорогу!

МАМА-ЛЕШАЧИХА. Покажем, доченька, не волнуйся! Сама подумай: Снегурочки должны детям радость приносить?

АЛЁНА. Ну, должны...

МАМА-ЛЕШАЧИХА. Вот ты и принесёшь!

МИНЬКА. И подарки!

МАМА-ЛЕШАЧИХА. Подарки Дед Мороз принесёт, уж я позабочусь. Всё как у людей будет, не волнуйся, Минечка!

АЛЁНА. «Как у людей»!.. Люди заблудившимся помогают, дорогу показывают. А вы меня задерживаете, радость приносить заставляете. Разве вы – люди?

МИНЬКА. Нет, конечно!

БРУМКА (*МИНЬКЕ*). Цыц!

АЛЁНА (*с удивлением*). Кто же вы?

МАМА-ЛЕШАЧИХА. Мы, девушка, мы...

МИНЬКА (*не выдерживает и выпаливает*). Лешие!

АЛЁНА. (*недоверчиво машет рукой.*) Брось шутить... (*Снова машет рукой.*) Ну да... (*Тот же жест.*) Вас не бывает! (*После паузы, поверив.*) Ой, пропала я! Совсем пропала!

БРУМКА. Не бойся – не съедим!

МИНЬКА. Лешие не звери.

МАМА-ЛЕШАЧИХА. Садитесь, девушка, отдышитесь. (*Усаживает АЛЁНУ в кресло.*) Вас как зовут?

АЛЁНА. Алёна... Алёна Простоквашина. Улица Мичурина, дом тридцать пять, квартира семнадцать... (*После небольшой паузы.*) Меня дома ждут!

МАМА-ЛЕШАЧИХА. Всех дома ждут. Домой сообщат. Да вы, Алёна, не волнуйтесь: после ёлки вас доставят домой живой и невредимой.

АЛЁНА. А как я объясню, где была? Так и скажу: «В гостях у леших»?

БРУМКА. Не волнуйся: папа так заморочит голову твоим родителям и близким, что они тебя и спрашивать не станут.

АЛЁНА (*после паузы*). Да-а, влипла...

МАМА-ЛЕШАЧИХА. Уважь, милая... Нам Снегурочки как раз не хватало.

МИНЬКА. И Деда Мороза тоже.

МАМА-ЛЕШАЧИХА. Будет, Минечка, Дед Мороз, будет!

БРУМКА. Что-то не верится.

МИНЬКА. А мне верится! (*МАМЕ-ЛЕШАЧИХЕ.*) Кто?

МАМА-ЛЕШАЧИХА. Секрет!.. (*АЛЁНЕ.*) Ну что, надумала, милая?

АЛЁНА (*неуверенно*). Разве что ради практики...

МАМА-ЛЕШАЧИХА (*радостно*). Ради неё, ненаглядная! И детушек наших ради, драгоценная! (*Жалостно.*) Так они в лесу истосковались...

АЛЁНА. А где я платье Снегурочки возьму? Так и буду в лыжном костюме, да ещё со своей причёской?

МАМА-ЛЕШАЧИХА. Платье мы с Брумкой за пять минут сошьём! За две минуты!

БРУМКА. За минуту. (*Делает пассы в сторону шкафа.*) Андышаланды-баланды! (*Подходит к шкафу и достаёт наряд СНЕГУРОЧКИ.*) Ну как? Подойдёт?

АЛЁНА (*восхищённо*). Вот это да! Боюсь, причёсочка моя не совсем впишется... Ладно, что-нибудь придумаем. Остаюсь! Только чур уговор: пусть у меня дома не волнуются!

МАМА-ЛЕШАЧИХА. Да-да, конечно. Минечка, позови папу.

МИНЬКА уходит.

Не волнуйтесь, Алёнушка, мой муж сделает всё как нужно. Заодно купит игрушки для ёлки.

БРУМКА. Я костюмы карнавальные сошью – для себя и для Миньки.

МАМА-ЛЕШАЧИХА. Правильно, детонька.

Появляются ПАПА-ЛЕШАК и МИНЬКА.

ПАПА-ЛЕШАК. В чём дело, дорогая? Что за сюрприз вы мне приготовили? Я ещё не выспался. (*Замечает АЛЁНУ.*) У нас гости? Очень рад, здравствуйте!

АЛЁНА. Здравствуйте.

МАМА-ЛЕШАЧИХА. Познакомься: Снегурочка!

АЛЁНА. Алёна Простоквашина. (*Улыбаясь.*) Так и быть, побуду за Снегурочку!

МАМА-ЛЕШАЧИХА (*ПАПЕ-ЛЕШАКУ*). Вот что, дорогой... Эта девушка живёт в городе на улице Мичурина...

АЛЁНА. ... дом тридцать пять, квартира семнадцать.

МАМА-ЛЕШАЧИХА. Нужно сделать так, чтобы её близкие не волновались.

ПАПА-ЛЕШАК. Хорошо, я попробую.

МАМА-ЛЕШАЧИХА. И ещё: нужны игрушки для ёлки.

ПАПА-ЛЕШАК. Хорошо, я куплю.

МАМА-ЛЕШАЧИХА. Пока – всё. Возвращайся скорее, дорогой.

ПАПА-ЛЕШАК. Я постараюсь. (*Уходит.*)

МАМА-ЛЕШАЧИХА. Дети, за работу! У нас уйма дел и мало времени.

АЛЁНА. За работу, лешаки!

Гаснет свет. Начинает звучать фортепиано. Через некоторое время снова на сцену подаётся освещение. На часах без четверти десять. БРУМКА сидит за фортепиано и продолжает вести мелодию, звучащую в темноте. АЛЁНА собирается примерять головной убор Снегурочки, сделанный своими руками.

АЛЁНА. Надо бы его повыше сделать... А то волосы торчать будут.

БРУМКА (*перестав играть*). Ничего, и так хорошо. Кто это тебя так напугал? Аж дыбом встали!

АЛЁНА. Никто не пугал – мода такая. (*Примеряет головной убор.*) Кажется, ничего, а?

БРУМКА. Во всяком случае – оригинально.

АЛЁНА. Теперь нужно концерт приготовить и сюрпризы. Ты петь умеешь?

БРУМКА. Немного.

АЛЁНА. Разучим песню. Минька... Минька стихи почитает.

БРУМКА. Он их не знает, забывает и путает.

АЛЁНА. Подскажем! А я... я тоже спою. Будет весело, вот увидишь!

БРУМКА. А сюрпризы? Минька их обожает! А вот родители... не очень.

АЛЁНА. Новый год – без сюрпризов нельзя. Смешней всего, когда на голову что-то сыплется... неожиданно: конфетти, бумажки разные... Присобачим над дверью коробочку. Дед Мороз войдёт, и... обхохочешься!

БРУМКА. Вас этому в училище учат?

АЛЁНА. Нас всему учат: в мешках прыгать, вокруг стульев бегать, «танец маленьких утят» исполнять...

БРУМКА. Тяжело?

АЛЁНА. Тяжело... Культуры у нас вон сколько – всю разве выучишь? Зови Миньку, стих будем зубрить.

БРУМКА (громко). Минька!

Появляется МИНЬКА.

Садись.

МИНЬКА садится на стул.

Ёлочку хочешь?

МИНЬКА. Сказал же... Ну?

БРУМКА. Надо стихотворение выучить.

МИНЬКА. Длинное?

АЛЁНА. Короткое.

МИНЬКА. А может, не надо?

БРУМКА. Надо, Миня. Без концерта ёлка – не ёлка.

АЛЁНА. Держи. (*Подает МИНЬКЕ лист бумаги.*) Видишь, какое короткое? Учи!

МИНЬКА беззвучно шевелит губами, читая стихотворение. Постепенно перестаёт шевелить губами, взгляд его переползает с листа бумаги на другой объект. И на нём застывает.

БРУМКА. Минь! Ты что?

МИНЬКА (*очнувшись*). А почему электричество кислое?

БРУМКА (*после паузы*). Вот так – всегда! (*МИНЬКЕ.*) Ты будешь учить стихотворение?!

МИНЬКА. Буду. Но почему оно кислое? (*Достаёт из кармана батарейку и протягивает её БРУМКЕ.*) Лизни!

БРУМКА (*отбирает батарейку*). Марш в другую комнату! Пока не выучишь – не выйдешь!

МИНЬКА. Выйду: у меня режим. (*Однако подчиняется требованию сестры и уходит.*)

БРУМКА. Мы с ним замучались! (*Передразнивает брата.*) «Почему электричество кислое? Зачем кабану копыта? Кто луну откусывает? Где раки зимуют?..» Большой уже, а всё как маленький!

АЛЁНА. Любознательный – это хорошо. У тебя цветная бумага есть? Будем делать конфетти и снежинки.

БРУМКА. Давай наколдую? А то возиться ещё!

АЛЁНА. Нет, когда своими руками всё делаешь, тогда и Новый год встречать приятнее и веселее.

Входит МАМА-ЛЕШАЧИХА.

МАМА-ЛЕШАЧИХА. Всё в порядке, Алёнушка. Папа всё сделал. Так заморочил головы всем в городе, что тебя и не хватятся. А ещё он накупил разных игрушек, гирлянд, бус... *(Ставит на стол коробку с ёлочными игрушками.)*

БРУМКА. А где он сейчас?

МАМА-ЛЕШАЧИХА. Пошёл выбрать ёлку. *(Вздыхает.)* Жалко рубить, да что поделаешь...

БРУМКА (АЛЁНЕ). Идём скорей! А то выберет такую – без слёз не взглянешь. *(МАМЕ-ЛЕШАЧИХЕ.)* Пока Минька стихотворение не выучит – не выпускай.

АЛЁНА и БРУМКА быстро уходят. МАМА-ЛЕШАЧИХА подходит к дверям комнаты, в которой находится МИНЬКА.

МАМА-ЛЕШАЧИХА *(тихо окликает).* Ми-ня-а!.. Минечка-а!.. *(После паузы, заглядывая в комнату.)* Спит! Уснул! *(Закрывает дверь.)* Переутомился... У всех – каникулы, а ребёнка стихотворение учить заставили! Мучители!

Внезапно в гостиной раздаются старческое покашливание, почмокивание, неясное ворчание и вздохи. Эти звуки усилены микрофоном.

Что такое?.. Кто тут?

Снова слышится кашель.

Я всё слышу и всё вижу! Меня не проведёшь! *(Идёт за кулисы.)*

С противоположной стороны сцены появляется ДЕДУШКА. Он пытается сдержать кашель, но ему не удаётся это сделать. Возвращается МАМА-ЛЕШАЧИХА.

Батюшки!.. Калина Потапыч!.. *(С укоризной.)* И снова без тулупчика летели! Зима на дворе!

ДЕДУШКА. Здравствуй, дочка... Когда невидимый – не так зябнешь... В лесу деревья от ветра прячут... А всё ж просквозило... Где внук? Минька где?

МАМА-ЛЕШАЧИХА. Тихо... Спит он, там...

ДЕДУШКА. А внука?

МАМА-ЛЕШАЧИХА *(насмешливо).* «Внука»! Внучка с отцом в лес ушла ёлку для праздника выбирать.

ДЕДУШКА. Эх, всё у людей перенять норовите... Зачем ёлку рубить? Пошли бы в лес, там повыли бы, поскакали...

МАМА-ЛЕШАЧИХА. Дети не выть – дети петь хотят! А ещё Дедушку Мороза с подарками.

ДЕДУШКА. А настоящего деда не хотят? Уж сколько времени не видались! Поди, позабыли они деда-то...

МАМА-ЛЕШАЧИХА. У них режим, учёба... Им некогда по гостям разъезжать.

ДЕДУШКА. Старенький я, дочка, скучно одному в Дальнем-то лесу сидеть.

МАМА-ЛЕШАЧИХА. К нам перебирайся. Хоть и тесно у нас, а место нашли бы. Да у нас вон банька пустует! Чем не дом?

ДЕДУШКА. Легко сказать – перебирайся. На мне весь Дальний лес! Вон какое хозяйство! К вам на денёк в Сосновый бор заскочил – и то душа болит. Пришлось медведя будить, среди зимы подымать. Разве это порядок? Виданное ли дело: медведь за лешего работает!

МАМА-ЛЕШАЧИХА. Успокойся, отец, ничего медведю не делается. Садись, отдышись.

ДЕДУШКА охотно садится в кресло.

(Вкрадчиво.) Скоро Новый год... Ты не прочь детям подарок сделать?

ДЕДУШКА. А как же! Вон целую корзину притащил, еле долетел с ней.

МАМА-ЛЕШАЧИХА. Нужна не корзина, а мешок. А в нём – кулёчки.

ДЕДУШКА. Пожалуйста! Анды-шаланды-баланды! Гляди: уже мешок лежит.

МАМА-ЛЕШАЧИХА. Спасибо. Но я не это имела в виду. Точнее, не только это...

ДЕДУШКА. А что, доченька?

МАМА-ЛЕШАЧИХА. Дети хотят ёлку, Снегурочку... Снегурочка у нас уже есть.

ДЕДУШКА. Ах, бедненькая! Растает ведь весной!

МАМА-ЛЕШАЧИХА. Наша не растает. Так вот, нам нужен ещё Дед Мороз.

ДЕДУШКА. Эх, доченька... Морозушки-то почитай годков сто в наших краях не выдывали!

МАМА-ЛЕШАЧИХА. Что ты, папа, такой непонятливый!.. Нам новогодний Дед Мороз нужен. Который на ёлку к детям придёт, попоёт, поиграет с ними, гостинцы подарит и – уйдёт. Понятно?

ДЕДУШКА. Понятно. Да где ж такого взять?

МАМА-ЛЕШАЧИХА *(разводя руками)*. Негде – твоя правда... *(После паузы, вкрадчиво.)* А если... если ты, папочка, согласишься?

ДЕДУШКА. Я?!

Незаметно выходит МИНЬКА. Увидев ДЕДУШКУ, он прячется снова в свою комнату, но дверь плотно не закрывает.

МАМА-ЛЕШАЧИХА. А что тут такого? Я тебе наряд приготовила – залюбуешься. Придёшь на ёлочку, порадуешь всех, попляшешь...

ДЕДУШКА. А потом уйдёшь?.. Я к внукам родным прилетел, соскучился! Лес на медведя оставил! А ты, дочка, наряжать меня собралась...

МАМА-ЛЕШАЧИХА. Вот сбегут в город, тогда загорюем! *(После небольшой паузы.)* Доставь детям радость, а?..

ДЕДУШКА *(колеблясь).* Уж и не знаю... Летел, спешил... А тут – здрасьте!.. *(С жаром.)* Дед я! Настоящий! *(После паузы, сникая.)* Хоть пока не наряжай... Дай с ними так поиграть, взаправду...

МАМА-ЛЕШАЧИХА. Нельзя, папенька. Я деткам сюрприз хочу сделать. Чтоб – внезапно! А то узнают.

ДЕДУШКА. Сюрприз? Мне, считай, сделала... Эх, где наша не пропадала: согласен!

МАМА-ЛЕШАЧИХА. Ну что у нас за дедушка – золотце! Спасибо!

ДЕДУШКА. Не за что... Разве ж я против – внукам радость доставить... *(После паузы.)* А что мне до праздника, до ёлки вашей, делать?

МАМА-ЛЕШАЧИХА. Отдохни. Сделайся невидимым и ступай в баньку. Там тепло, сыро, как в дупле. А я тебя позову, когда будет нужно. Вот, возьми наряд, примерь *(даёт одежду Деда Мороза).*

ДЕДУШКА. Гостинцы... тоже в баньку?

МАМА-ЛЕШАЧИХА. Пока – в баньку. Потом подаришь вместе с нашими. Идём, я провожу.

ДЕДУШКА и МАМА-ЛЕШАЧИХА уходят. Появляется МИНЬКА.

МИНЬКА. Вот тебе и сюрприз! Ушли гостинцы! Теперь до вечера ждать... *(Смотрит на часы, переводит стрелки на час вперёд.)* Всё равно много осталось... Сейчас бы с дедушкой поиграть... Он бы меня новым чудесам научил... И зачем я только Деда Мороза выпрашивал? Настоящий дедушка лучше. Сам виноват, вот и мучайся до вечера! А тут ещё стихотворение учить нужно... *(Сердито.)* За что меня наказали?! *(Махнув рукой.)* А, ладно... *(Идёт в свою комнату.)*

Затемнение. Начинает звучать негромкая нежная мелодия. И вскоре смолкает.

Конец первого действия.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Картина первая

Вот и наступил новогодний вечер. В гостиной стоит украшенная игрушками и гирляндами ёлка. На часах половина одиннадцатого.

Появляется МИНЬКА, наряженный в карнавальный костюм. (По усмотрению постановщика.) МИНЬКА измучен ожиданием праздника.

МИНЬКА *(подходит к часам).* Опять перевели! Я – туда, они – сюда! Ладно, теперь поздно переводить. *(Подходит к дверям, веду-*

щим в прихожую. Над дверью укреплена коробка со свисающей из неё верёвкой.) А это что такое?

Появляется БРУМКА в карнавальном костюме.

БРУМКА. Не трогай!

МИНЬКА. А я и не трогаю. (*Демонстративно отворачивается от коробки.*)

БРУМКА. Ты не видел, где мои бигуди?

МИНЬКА. Нет.

БРУМКА. Странно... Утром были, а к вечеру исчезли. Вот, только одну штуку и нашла. (*Показывает бигуди.*)

МИНЬКА. А-а... Это – мины. Я ими весь сад заминировал. Теперь можно спать спокойно: враг не пройдёт!

БРУМКА. Это – бигуди! Мне причёску делать нужно! Ну, я тебе! (*Убегает в комнату родителей.*)

МИНЬКА. Подумаешь – причёска... Защита рубежей – важнее. (*Его внимание вновь привлекает коробка над дверью.*) Повесили... А зачем?

МИНЬКА робко тянет за верёвку – никакого эффекта. Затем он дёргает верёвку сильнее. Раздаётся громкий выстрел новогодней хлопушки, и МИНЬКА, осыпанный потоком конфетти, падает, перепуганный, на пол. Вбегают МАМА-ЛЕШАЧИХА и БРУМКА.

МАМА-ЛЕШАЧИХА. Минечка, что с тобой?! Он погиб!

МИНЬКА (*открывая глаза*). Нет... только ранен...

БРУМКА. Всё-таки дёрнул верёвку!

МИНЬКА. Я только в саду минировал... Туда... (*жест в сторону коробки*) я мины не клал!

БРУМКА. Такой сюрприз пропал даром! Деду Морозу готовили, а ты... Эх, ты!

МАМА-ЛЕШАЧИХА. Вставай, Минечка... Где болит? Куда попало?

МИНЬКА (*встаёт, ощупывает себя*). Тут – нет... Здесь – нет... Тут – нет... (*Констатирует.*) Шрапнель прошла мимо!

МАМА-ЛЕШАЧИХА (*обнимая МИНЬКУ*). Ягодка моя! Земляничка! Живой остался! Живой остался!

БРУМКА. «Ягодка» стих не забыла? А ну, повтори.

МИНЬКА. Сейчас. (*Декламирует.*) «Снег кружится и кружится!.. Всё кружится и кружится!.. Он кружится и кружится!..»

БРУМКА. Стоп! Заело?

МИНЬКА. Дёрни за верёвочку, а я посмотрю, как у тебя не заест.

БРУМКА (*берёт со стола лист бумаги со стихотворением и съёт его МИНЬКЕ*). Учи! Только сюрпризы ломать умеешь! (*МАМЕ-ЛЕШАЧИХЕ.*) Мама, за мной!

БРУМКА и МАМА-ЛЕШАЧИХА уходят. МИНЬКА некоторое время добросовестно смотрит в лист бумаги. Потом, как обычно, его внимание переключается на другое дело.

МИНЬКА (*задумчиво*). Чего мне так хочется? Вот чую, что хочется, а понять не могу... Съесть что-нибудь хочется? А что? Что-нибудь успокоительное... (*Осенённый догадкой.*) Мороженого хочется! Эскимо! А где взять? Негде... (*Читает стихотворение.*) «Снег на улице кружится, затевает хоровод...» (*Прекращает чтение. После паузы.*) Нет, хочу эскимо!

Заглядывает во все двери и, убедившись, что опасности нет, начинает колдовством добывать мороженое эскимо. Для этого МИНЬКА снимает с головы шляпу, кладет её на стол и произносит популярное в их семействе заклинание.

Анды-шаланды-баланды! (*Лезет под шляпу рукой и достаёт эскимо.*) Ура... Жаль, что маленькое... (*Оглядывается по сторонам и вновь произносит заклинание.*) Анды-шаланды-баланды... (*Снова достаёт эскимо.*) Снова сработало!.. Анды-шаланды-баланды! (*Достаёт эскимо.*) Вот это я!.. Анды-шаланды-баланды! (*Достаёт эскимо.*) О-го-го! Анды-шаланды-баланды! (*Достаёт эскимо.*) Эх, и никто не видит! А впрочем, хорошо, что не видит: влетит ещё... Анды-шаланды-баланды! (*Достаёт эскимо.*) Анды-шаланды-баланды!.. (*Достаёт эскимо.*)

Появляется ПАПА-ЛЕШАК. МИНЬКА, увлечённый колдовством, не замечает его.

Анды-шаланды-баланды!

ПАПА-ЛЕШАК (*громко и строго.*) Абрус-кадабрус!

МИНЬКА вздрагивает, оглядывается на отца, затем всё же лезет рукой под шляпу и достаёт очередную порцию эскимо. Лицо Миньки расплывается в улыбке.

МИНЬКА. А я уж подумал... У-ух, пронесло!..

МИНЬКА, в предвкушении приятного пиршества, разворачивает эскимо, и тут улыбка на его лице сменяется выражением крайнего изумления. Он осматривает эскимо, обнюхивает его, пробует на зуб, а затем стучит им по столу. Эскимо издаёт металлический звук. МИНЬКА пробует «на звук» все свои порции мороженого. Увы, ПАПА-ЛЕШАК превратил их также в металлические бруски.

МИНЬКА (*сокрушённо*). Такое чудо пропало!..

ПАПА-ЛЕШАК. Я, кажется, запрещал тебе заниматься колдовством, ведовством и чародейством!

МИНЬКА (*ноет*). Ну, папочка-а!..

ПАПА-ЛЕШАК. Без взрослых – нельзя! По технике безопасности не положено.

МИНЬКА. А что я сделал? Раздваивался? Нет! Огонь глотал? Нет! Кого-нибудь в жабу превратил? Нет! Всего-то и наколдовал – несколько порций мороженого. Что тут опасного?

ПАПА-ЛЕШАК. Ты мог увлечься. Ты уже увлёкся! (*Считает порции мороженого.*) Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь... Восемь порций! Ангина гарантирована! (*После паузы.*) Всё, лишаю

тебя чародейной силы! На неопределённый срок! Абрус-швабрус!
Анды-шаланды-баланды!

МИНЬКА (*ревёт*). А-а-а-а!..

Вбегает МАМА-ЛЕШАЧИХА.

МАМА-ЛЕШАЧИХА. Минечка!.. Снова убился?!

ПАПА-ЛЕШАК. Пусть поревёт, это я его наказал.

МИНЬКА (*подходит к матери и ревёт ей персонально*). А-а-а!..

МАМА-ЛЕШАЧИХА. Деточка... Лешенька мой... (**ПАПЕ-ЛЕШАКУ**.) Ты подумал о нервной системе ребёнка?

ПАПА-ЛЕШАК. Подумал. Колдует, сорванец, втихомолку!

МАМА-ЛЕШАЧИХА. Это правда, Минечка?

МИНЬКА (*словно не слышит*). А-а-а-а!..

ПАПА-ЛЕШАК. Я всегда говорю правду!

МАМА-ЛЕШАЧИХА. Ай-яй-яй, Минечка... Но папа тебя простит. (**ПАПЕ-ЛЕШАКУ**.) Ты простишь его?

ПАПА-ЛЕШАК. Пока – нет. И вообще, решим этот вопрос позже. До Нового года остались считанные минуты, а я ещё соленья из погреба не достал. (*Уходит.*)

МИНЬКА (*грустно*). Вот мне и сюрприз... Вот мне и подарок к Новому году... Чародейства лишили...

МАМА-ЛЕШАЧИХА. Успокойся, Минечка, папа у нас отходчивый. На, держи шоколадку. (*Даёт МИНЬКЕ шоколадку.*)

МИНЬКА (*всё ещё с грустью*). С орехами? Спасибо, мамочка.

МАМА-ЛЕШАЧИХА. Иди, сынок, умой личико, протри глазки.

МИНЬКА послушно идёт в ванную комнату. МАМА-ЛЕШАЧИХА достаёт из кармана платочек, весь перевязанный узелками. Перебирая узелки.

Это – сделала, это – приготовила, это – сварила, это – испекла, это... (*С ужасом.*) А это – что? Что – это?!

Появляется БРУМКА с флаконом духов в руках. БРУМКА еле сдерживает негодование.

БРУМКА (*показывая флакон*). Мама, как ты считаешь, что это такое?

МАМА-ЛЕШАЧИХА. Духи, доченька, «Золотая роза».

БРУМКА. Понюхай! (*Тычет флакон под нос МАМЕ-ЛЕШАЧИХЕ.*)

МАМА-ЛЕШАЧИХА. Клянусь: это – керосин!

БРУМКА (*всхлипывая*). Почти полфлакона на Снегурочку вылила! К ней сейчас зайти нельзя! И она из комнаты выйти не может!

МАМА-ЛЕШАЧИХА (*растерянно*). В доме творятся чудеса...

БРУМКА. Дай ремень! Я хочу поговорить с чудотворцем!

МАМА-ЛЕШАЧИХА. Ты думаешь, это сделал Миня? (*После паузы.*) Успокойся, доченька... Ребёнок сейчас и так рыдал горячими слезами. Отец лишил его чародейной силы.

БРУМКА. Жаль, что поздно! Минька успел сделать своё чёрное дело.

МАМА-ЛЕШАЧИХА. Ничего, я всё исправлю. Идём, Брумочка, я попытаюсь превратить керосин снова в духи.

БРУМКА. Лучше я сама. Но ты всё-таки взгляни.

БРУМКА и МАМА-ЛЕШАЧИХА уходят к АЛЁНЕ-СНЕГУРОЧКЕ. Гостиная притемняется, а луч света выхватывает на переднем плане сцены вышедшего из-за кулис ПАПУ-ЛЕШАКА, который держит в руках несколько мисок с соленьями. ПАПА-ЛЕШАК ставит миски на землю, достаёт замок, чтобы запереть погреб, и замечает свет в банке.

ПАПА-ЛЕШАК. Что такое? Свет в бане! До Нового года – минуты, а кто-то мыться надумал!

ПАПА-ЛЕШАК уходит за кулисы. Раздаётся стук в дверь.

ГОЛОС ПАПЫ-ЛЕШАКА. Эй! Кто там? Новый год скоро!

ГОЛОС ДЕДУШКИ. Скорей бы... Устал ждать.

Появляются ПАПА-ЛЕШАК и ДЕДУШКА.

ПАПА-ЛЕШАК. Отец?! Ты?! Почему в бане?

ДЕДУШКА. Сюрприз готовим. На старости лет в артисты подался: Дедом Морозом буду. Ёлка скоро? Устал я ждать.

ПАПА-ЛЕШАК. Ты хоть поел? Не замёрз тут?

ДЕДУШКА. Нет. Жена у тебя заботливая: еды дала, дровишек в печку подкинула. Хорошо мне, только скучно. Внуков повидать хочу.

ПАПА-ЛЕШАК (*после некоторого раздумья, решительно*). Идём! Без Деда Мороза обойдутся! Живой дедушка лучше.

ДЕДУШКА. Нет уж... Ты иди... А я скоро... недолго уж... Уговор дороже денег. Наряд надену и приду. А ты – ступай, ждут, поди...

ПАПА-ЛЕШАК (*поднимая миски*). Набаловали мы детей... Настоящих дедушек на Морозов меняем.

ДЕДУШКА. Что уж... Как все уж... И у людей так...

ПАПА-ЛЕШАК (*с жаром*). Не должно так быть! Не должно! (*После паузы, тихо*.) Огурчик хочешь?

ДЕДУШКА. С укропчиком? Давай. (*Берёт из миски огурец*.) Я – скоро... Ступай, что уж там...

ПАПА-ЛЕШАК, оглядываясь с жалостью на ДЕДУШКУ, уходит. Вся сцена погружается в темноту. Звучит мягкая лирическая новогодняя музыка. Когда музыкальный этюд кончается, часы начинают бить одиннадцать ударов. На сцену подаётся освещение. В гостиной за праздничным столом собрались все, кроме ДЕДУШКИ. Уже налит мёд в маленькие деревянные кружечки из стоящего на столе бочонка с надписью «МЁД».

МАМА-ЛЕШАЧИХА. С Новым годом, милые мои, дорогие мои лешачата! И ты, Снегурочка, с Новым годом!

ВСЕ (*хором*). С Новым годом!

МИНЬКА (*невпопад*). Ёлочка, зажгись!

СНЕГУРОЧКА. Ты что, Минь? Рано! Ещё Дед Мороз не пришёл.

МИНЬКА. Уснул, наверное.

СНЕГУРОЧКА. А мы его сейчас позовем! (*Даёт знак, чтобы её все поддержали.*)

ВСЕ (*хором*). Де-душ-ка Мо-роз!.. При-ди к нам!..

БРУМКА (*после паузы*). Вы что, правда надеетесь, что он придёт? В городе Морозов не хватает!

СНЕГУРОЧКА. Так то – в городе. А здесь у вас всё может быть. (*Командует.*) Кричим ещё раз! Дружнее!

ВСЕ (*хором*). Де-душ-ка Мо-роз!.. При-ди к нам!.. (*Пауза.*)

БРУМКА (*насмешливо*). Топают уже... Ждите!

СНЕГУРОЧКА. До трёх раз! (*Жестом подаёт команду к призыву Деда Мороза.*)

ВСЕ (*хором*). Де-душ-ка Мо-роз!.. При-ди к нам!..

Все прислушиваются. И что же? Становится слышно далёкое завывание метели, а затем сквозь это завывание прорываются приглушённые шаги идущего по снежному насту Деда Мороза.

МИНЬКА. Идёт!.. Шагает!..

СНЕГУРОЧКА. А я что говорила! Тут... у вас... (*Не договаривает.*)

Раздаются три удара в двери.

МАМА-ЛЕШАЧИХА. Брума, открой.

БРУМКА (*боязливо*). Пусть Минька...

МИНЬКА открывает дверь. Входит ДЕДУШКА, наряженный Дедом Морозом.

ДЕД МОРОЗ. Вечер добрый, хозяева славные! Вечер добрый, ребятушки милые! Вечер добрый, Снегурушка-внученька! С Новым годом вас всех поздравляю я и желаю вам счастья-радости, и желаю вам много веселья, и желаю, чтоб сбылись желания!

БРУМКА. С Новым годом, Мороз Иванович!.. И правда пришёл!

ПАПА-ЛЕШАК. С Новым годом! Спасибо!

МАМА-ЛЕШАЧИХА. Да вы проходите. Мороз Иваныч! Садитесь! Будьте как дома. (*Усаживает ДЕДА МОРОЗА на стул.*) С Новым годом вас!

ДЕД МОРОЗ. Спасибо, хозяйюшка.

СНЕГУРОЧКА. Вот, Миня, Дед Мороз пришёл, теперь и ёлочку можно попросить. (*Даёт команду всем присутствующим.*) Ну-ка, дружно!

ВСЕ (*хором*). Ёлочка, зажгись!

ПАПА-ЛЕШАК. (*тихо*). Анды-шаланды-баланды...

На ёлке вспыхивают разноцветными огнями красивые гирлянды.

ДЕД МОРОЗ (*восхищённо*). О-го-го!.. Ну, красота!

МИНЬКА. Ничего особенного: обыкновенное колдовство. Папка наколдовал. *(С грустью.)* А мне колдовать нельзя... Не велено... А я бы не хуже смог.

СНЕГУРОЧКА. Подумаешь – колдовать запретили!.. А вот стихотворение прочитать сможешь? Новогоднее?

МИНЬКА. Пожалуйста...

СНЕГУРОЧКА *(останавливая МИНЬКУ).* Подожди, сначала объявить нужно. *(Объявляет.)* А теперь короткий, но праздничный концерт! Первым номером нашей программы будет выступление юного дарования Мини Лешака! Стихи! *(Обращается к МИНЬКЕ.)* Миня, прошу!

МАМА-ЛЕШАЧИХА *(подаёт МИНЬКЕ стул).* Миня, встань на стульчик!

МИНЬКА *(сердито шипит).* Ма-мма!..

МАМА-ЛЕШАЧИХА. Ну, Минечка... ну, пожалуйста...

МИНЬКА *(нехотя забравшись на стул).* Стихи о Новом годе! Автор неизвестен. *(Поясняет.)* Стихи написал совсем неизвестный автор. *(Начинает декламировать.)*

Снег на улице кружится,

Затеваает хоровод.

Снег не злится – веселится, –

Он встречает Новый год!

Дед Мороз спешит к ребятам,

Знает Дедушка Мороз:

Что за ёлка без подарков?

Без подарков – море слёз!

Он спешит, спешит к ребятам,

За плечом висит мешок...

Ну, а мы чего подарим?..

Песню!

Танец!

И – стишок!

Все аплодируют. МИНЬКА продолжает стоять на стуле.

БРУМКА *(тихо).* Минька, слезай!..

МИНЬКА отрицательно мотает головой.

СНЕГУРОЧКА. Тебе же похлопали?

МИНЬКА *(с горечью и обидой).* И это вся награда?!

МАМА-ЛЕШАЧИХА *(догадавшись).* Конфетку, конфетку дать забыли! *(Даёт МИНЬКЕ конфету.)*

МИНЬКА *(угрюмо).* Спасибо... *(Слезает со стула.)*

СНЕГУРОЧКА. А теперь – песня! Выступает вокально-инструментальный рок-дуэт «Лесные бестии»!

БРУМКА садится за пианино. ПАПА-ЛЕШАК выключает свет. Первые аккорды звучат в темноте. Затем тонкие лучи высвечивают лица АЛЁНЫ-СНЕГУРОЧ-

КИ и БРУМКИ. АЛЁНА и БРУМКА исполняют песню в современной манере. Поют серьёзно, но получается пародия. Режиссёр может подобрать материал для этого номера по своему усмотрению.

АЛЁНА (*резко*). Карл! Карл! Карл!

БРУМКА (*завывая*). О-о-о! О-о-о! О-о-о!

АЛЁНА (*мягче*). У Клары, у Клары, у Клары...

БРУМКА (*завывая*). О-о-о! О-о-о! О-о-о!

АЛЁНА. Украл... Украл... Украл...

БРУМКА. О-о-о! О-о-о! О-о-о!

АЛЁНА (*резко*). Кораллы! Кораллы! Кораллы!

БРУМКА. Украл... украл... украл...

АЛЁНА. Кораллы! У Клары! Украл!

БРУМКА. О-о-о! О-о-о! О-о-о!

АЛЁНА. Карл... Карл... Карл...

БРУМКА (*резко*). А Клара! У Карла! Украла!

АЛЁНА. Украла... У Карла... Украла...

БРУМКА. Украла! У Карла! Кларнет!

АЛЁНА и БРУМКА (*вместе*). О-о-о! О-о-о! О-о-о!

АЛЁНА (*мягко*). Бессовестный Карл...

БРУМКА (*резко*). Но не лучше, не лучше и Клара!

АЛЁНА. Не лучше... и Клара...

БРУМКА. Не лучше, не лучше, не лучше и Клара!

АЛЁНА и БРУМКА (*вместе*). О-о-о! О-о-о! О-о-о!

АЛЁНА. Но мы не такие...

БРУМКА. И вы не такие...

АЛЁНА. Как Карл...

БРУМКА. Как Клара!

АЛЁНА. Как Карл...

БРУМКА. Как Клара!

АЛЁНА и БРУМКА. О-о-о! О-о-о! О-о-о!

После того, как прозвучали последние аккорды, ПАПА-ЛЕШАК включил свет. Все аплодируют «рок-дуэту».

ДЕД МОРОЗ. Жалостливая песня... Всех жалко: и этого... Карла, и эту... Клару... Воровать нельзя, никто с такими дружить не будет.

БРУМКА. Вы, Мороз Иванович, прямо как дедушка наш Калина Потапыч: всех жалеете. (*МАМЕ-ЛЕШАЧИХЕ.*) Помнишь, как я у него, когда маленькая была, гостила? (*ДЕДУ МОРОЗУ.*) Так я от него только и слышала: «Не трогай кузявочку, пусть ползёт, жалко! Не кидай в зверушечку, плакать будет, жалко! Не ломай веточку, листочки обвянут, жалко!»...

ДЕД МОРОЗ. А разве не жалко? Дерево листочками дышит. (*БРУМКЕ.*) А ты деда Калину не помнишь, поди?

БРУМКА. Помню. Смешной старикан. Борода... как у вас, только зелёная. На дудочке ещё играл... Помню.

ДЕД МОРОЗ достаёт дудочку и выводит на ней красивую напевную мелодию. Затем, не говоря ни слова, прячет дудочку за пазуху.

БРУМКА (*радостно*). Точно!.. Как бабушка!.. И ручейки журчат, и деревья листочками шелестят, и птицы на зорьке солнцу песню поют! Ну, точно как бабушка!

МАМА-ЛЕШАЧИХА. Что-то ты, Мороз Иваныч, не туда поехал. У нас Новый год, а не вечер воспоминаний. Хоровод поводи, гостинцы вручи, а душу деткам беречь ни к чему.

ДЕД МОРОЗ (*виновато*). Прости, хозяйшкa.

СНЕГУРОЧКА. А теперь!.. (*Тянет паузу.*) Сюрприз!

БРУМКА. Минька уже бабахнул твой сюрприз, не слыхала разве?

СНЕГУРОЧКА. А у нас что – один сюрприз? Миня, давай!

Пока МИНЬКА готовится показывать фокусы, СНЕГУРОЧКА объявляет номер.

СНЕГУРОЧКА. Спешите видеть! Только сегодня и только здесь! Исполняется впервые! Маг и факир, лишённый чудодейственной силы, продемонстрирует уважаемой публике ловкость своих рук и небольшое мошенничество, которое уважаемая публика, конечно же, простит нашему маэстро. (*МИНЬКЕ.*) Вы готовы, маэстро?

МИНЬКА. Так точно: готов!

СНЕГУРОЧКА (*БРУМКЕ*). Оркестр, музыку!

БРУМКА начинает выбивать ладонями по крышке пианино дробь. Ей «помогает» магнитофонная запись циркового оркестра. Свет на сцене убирается, луч прожектора освещает одного МИНЬКУ. Пока звучит музыкальное сопровождение, МИНЬКА вынимает из шляпы, лежащей на столе, разноцветные ленты и платочки, связанные в единую цепь. Последним предметом, который достаёт МИНЬКА из шляпы, оказывается букет красивых искусственных цветов.

МИНЬКА. Оп-ля!..

Дробь обрывается, на сцену подаётся свет. МИНЬКА раскланивается.

МАМА-ЛЕШАЧИХА (*восторженно*). Кио!.. Настоящий Кио!

ПАПА-ЛЕШАК. Да, у нас, кажется, появился собственный Акопьян.

ДЕД МОРОЗ (*растерянно*). Ничего не понимаю... Заклинаний не шептал – а чудо содеял... Вот лешие пошли: родителей за пояс затыкают! Держи гостинец! (*Достаёт из мешка кулёк и вручает его МИНЬКЕ.*)

МИНЬКА. Спасибо. (*БРУМКЕ.*) Потом на всех поделим – без обиды.

СНЕГУРОЧКА. И снова – песня! (*Командует.*) Становимся все дружно в хоровод! Так... Миня, положи кулёчек, он не улетит. Так... держимся за руки... Пошли!

Хоровод послушно исполняет команду СНЕГУРОЧКИ и трогается с места.

СНЕГУРОЧКА *(поёт).*

*Возле ёлочки нарядной
Мы устроим хоровод.
Встретим праздник долгожданный,
Зимний праздник...*

ВСЕ *(подхватывают).*

...Новый год!

СНЕГУРОЧКА.

*Будем радостно смеяться,
Будем весело играть...*

ДЕД МОРОЗ.

*Возле ёлки новогодней
Станем прыгать и скакать!*

СНЕГУРОЧКА *(укоризненно поправляет).*

*Возле ёлки новогодней
Станем петь и танцевать!*

ВСЕ *(подхватывают).*

*Возле ёлки новогодней
Станем петь и танцевать!*

СНЕГУРОЧКА.

*Так кружись ещё быстрее,
Наш весёлый хоровод!
К нам явился долгожданный,
Зимний праздник...*

ВСЕ *(подхватывают).*

...Новый год!

Песня смолкает, и хоровод останавливается.

ДЕД МОРОЗ. С НОВЫМ ГОДОМ!

СНЕГУРОЧКА. С НОВЫМ СЧАСТЬЕМ!

Вдруг начинают доноситься удары кремлёвских курантов.

ПАПА-ЛЕШАК. С НОВЫМ ГОДОМ!

МАМА-ЛЕШАЧИХА. Что это?

ПАПА-ЛЕШАК. А это – мой сюрприз. Я сделал уловитель радиоволн собственной конструкции.

ДЕД МОРОЗ *(чуть-чуть с грустью).* Вот и пришёл на нашу землю Новый год... *(После небольшой паузы, весело.)* Пусть он принесёт вам радость и счастье!

БРУМКА. И тебе, Мороз Иванович. Будь счастлив!

ДЕД МОРОЗ. Постараюсь... Скучно одному... *(Отгоняя грусть.)* А ну, налетай, гостинцы разбирай! Мне ещё к другим ребятам на ёлку попасть нужно.

ДЕД МОРОЗ достаёт из мешка подарки: свёртки, перевязанные ленточками, коробки с играми. Раздаёт подарки всем присутствующим на сцене.

Ну, мои хорошие, до свидания!

БРУМКА. Спасибо, Мороз Иванович!

ПАПА-ЛЕШАК. Ты уж не забывай нас... приходи...

МАМА-ЛЕШАЧИХА. Да уж само собой, приходи!

МИНЬКА (*увлечённо роясь в кулёчке*). Приходи, бабушка!

ДЕД МОРОЗ (*уже собираясь выходить, замирает в дверях*). Как?.. Как?..

МИНЬКА (*растерявшись*). Приходи... (*Невпопад.*) Спасибо.

ДЕД МОРОЗ. А-а... Значит, слышалось... До свидания!

ДЕД МОРОЗ уходит.

АЛЁНА. И мне пора...

ПАПА-ЛЕШАК. Я тебя, Снегурочка, вмиг домой доставлю. Побудь ещё немного.

МАМА-ЛЕШАЧИХА. Мы обещанное всегда выполняем!

БРУМКА. А без Дедушки Мороза грустнее стало... Так он на нашего деда Калину похож!

МИНЬКА (*передразнивает*). «Похож»!.. Ещё бы не похож! Ведь это он и есть!

БРУМКА. Что-о?..

МИНЬКА. Дед Мороз и есть дедушка Калина. Прилетел к нам, а его нарядили.

МАМА-ЛЕШАЧИХА. Вот и делай вам сюрпризы!.. (*МИНЬКЕ.*) Подсмотрел? Подслушал?

МИНЬКА. Я нечаянно.

БРУМКА. Ты всё знал и молчал?! И тебе не совестно? Он теперь там... один... с приклеенной бородой... А мы – тут: в тепле, в уюте, с подарками... Эх ты!

МИНЬКА (*виновато*). Я чё... Я ничё... Я сам пожалел, что дедушку Дедом Морозом нарядили.

БРУМКА. Его вернуть нужно! Пап, мам, его вернуть нужно!

МАМА-ЛЕШАЧИХА. А мы разве против?! Сюрприз хотела... для вас же...

БРУМКА. Что это за сюрприз такой: родных дедушек за порог выставлять?! Бороться нужно с такими сюрпризами!

ПАПА-ЛЕШАК. Да-а... плохо мы со стариком поступили... (*Решительно.*) Сейчас вернём!

МИНЬКА. Я сам верну! Я капризничал, из-за меня всё случилось, я и верну! (*После небольшой паузы, вспомнив.*) Эх!.. Силы волшебной меня лишили!.. Как я теперь дедушку возвращать стану?

ПАПА-ЛЕШАК (*колеблясь*). Для доброго дела...

МАМА-ЛЕШАЧИХА. Верни ему силу волшебную... Минечка теперь баловаться не станет, Минечка теперь умным будет.

БРУМКА. Верни ему чародейство, пап. Какой-никакой – леший, ему без этого нельзя.

АЛЁНА. Только пусть пообещает лыжников не пугать! Мы лесу не враги, мы лес тоже любим.

МИНЬКА. Обещаю.

ПАПА-ЛЕШАК. Ну что же... Раз все просят... *(Начинает колдовать.)* Абрус-швабрус-кадабрус!

ВСЕ *(кроме МИНЬКИ).* Абрус-швабрус-кадабрус!

ПАПА-ЛЕШАК. Анды-шаланды-баланды!

ВСЕ *(кроме МИНЬКИ).* Анды-шаланды-баланды!

ПАПА-ЛЕШАК. Возвращаю ему силу чародейную...

ВСЕ *(кроме МИНЬКИ).* Возвращает ему силу чародейную!

МИНЬКА *(после паузы, взволнованно).* Спасибо... Я теперь больше никогда-никогда!.. Чтоб там в лягушку кого... или эскимо десять штук...

БРУМКА. Дедушку, дедушку возвращай!

МИНЬКА. Сейчас... не мешай... *(Начинает колдовать.)* Абрус... швабрус... кадабрус... Анды-шаланды-баланды! Абрус-швабрус-кадабрус!.. Анды-шаланды-баланды!.. Абрус-швабрус-кадабрус!..

И в тот момент, когда МИНЬКА в третий и в последний раз произнёс: «Абрус-швабрус-кадабрус!», на сцене погас свет и раздался ГОЛОС ДЕДУШКИ: «Что такое?.. Ничего не понимаю... Куда я лечу?.. Где я?.. Кто со мной шутки шутит?» Снова сцена освещена. В гостиной появился ДЕДУШКА, уже не в костюме Деда Мороза, а в своей привычной одежде.

ДЕДУШКА. Что такое? Никак с курса сбился? Домой летел, а к вам вернулся. Старею, видать...

МАМА-ЛЕШАЧИХА. Это вас Минечка вернул! Поколдовал и вернул! *(С упрёком.)* А вы, папа, так налегке и летаете: без тулупчика, без рукавичек...

ДЕДУШКА. А, пустяки... *(Радостно.)* Значит, меня внук вернул?! Минька?!

МИНЬКА. Я чё... Я ничё... Мы все вернули... И Брумка тоже.

БРУМКА. Я тебя, дедушка, сразу узнала, а ты меня с толку сбил... Оставайся, дед, с нами, а?

МИНЬКА. Остаься, дедушка? Я тебе фокусы покажу, даже делать их научу.

ПАПА-ЛЕШАК. Оставайся, отец. Что ты в Дальнем лесу всё один да один... Перебирайся к нам.

МАМА-ЛЕШАЧИХА. Внукам дед нужен. Сказки рассказывать, уму-разуму учить... Чтоб как у людей было, чтоб не хуже!

ДЕДУШКА. За приглашение – спасибо. Только кто останется мой лес сторожить? Поразъехались все, покинули родные места... А лесу глаз да глаз нужен, забота каждодневная... Вырастайте скорей, а я уж до тех пор как-нибудь потерплю.

АЛЁНА. Вы меня простите, дедушка, но такие речи я даже слушать не могу. Вы не смотрите, что у меня причёска такая, у меня тоже совесть есть. Разве люди лесу – враги? Мы что – хуже леших? Мы тоже лес отстоять можем. И мы – отстоим! Я вот что придумала: наше культпросветучилище над вашим Дальним лесом шефство возьмёт. А вы руководить будете. Хорошо?

ДЕДУШКА. Непривычно как-то... У нас такого ещё не случилось...

БРУМКА. Будем менять психологию!

ПАПА-ЛЕШАК. За старое держаться – проку мало.

МАМА-ЛЕШАЧИХА. Что ж, давайте попробуем! Всё в лесу веселее станет!

МИНЬКА. Уж я позабочусь!

ДЕДУШКА. Уговорили... Остаюсь! (*АЛЁНЕ.*) Ты уж, внучка-Снегурушка, не подведи. Раз я тебе доверился – слово своё сдержи.

АЛЁНА. Да я... Да если доверили... Если за Снегурочку приняли... Да я всё сделаю! Всех уговорю, всех на ноги подниму!

Раздаётся стук в дверь.

ПАПА-ЛЕШАК. Кто это?

Идёт открывать. Вскоре возвращается с бланком телеграммы в руках.

Сорока-белобока! Принесла телеграмму с экстренным сообщением!

МИНЬКА. Читай скорее!

ПАПА-ЛЕШАК (*читает.*) «Дорогие друзья! Сердечно поздравляем вас всех с Новым годом! От всей души поддерживаем ваше решение по охране Дальнего леса и Соснового бора! Желаем вам успехов на этом благородном поприще и всего самого наилучшего! Ваши друзья – Дед Мороз и Снегурочка».

МИНЬКА (*восхищённо.*) Дед Мороз и Снегурочка!.. Настоящие!.. Значит, они и вправду есть!

АЛЁНА. Вот чудо!..

БРУМКА. А лес наш – разве не чудо? А эта новогодняя ночь? А наша земля? Разве они – не чудо? А мы с вами? А весь мир?

МИНЬКА (*радостно делает открытие.*) Весь мир наполнен чудесами! Вот здорово! (*После паузы, сокрушённо.*) Эх... научиться бы видеть их... (*Радостно.*) Ведь тогда бы сказочные истории происходили бы с нами почти каждый день! А это не так уж плохо, ведь правда?

АЛЁНА (*поёт.*)

*Мир наполнен чудесами,
Мир наполнен красотой,
Но ведь дружба между нами
Скреплена не колдовством?*

МИНЬКА (*поёт.*)

*Просто мы решили сами
Подружиться навсегда,
Чтоб остался бор Сосновый,
Чтоб осталась красота!*

МАМА-ЛЕШАЧИХА.

*Год пройдёт, наступит новый,
Поглядишь – и тот исчез...
Что подарим добрым людям?
Что оставим добрым людям?*

ПАПА-ЛЕШАК.

Мы оставим бор Сосновый!

ДЕДУШКА.

Мы подарим Дальний лес!

ВСЕ (хором).

Мир наполнен чудесами,

Мир наполнен красотой,

Но ведь дружба между нами

Скреплена не колдовством?

Просто мы решили сами

Подружиться навсегда,

Чтоб остался бор Сосновый,

Чтоб осталась красота!

Чтоб остался бор Сосновый,

Чтоб осталась красота!

МИНЬКА. *Чтоб осталась – красота!*

Звучит музыка, и артисты выходят на поклоны. А сказка – кончилась.

Занавес.

Михаил
МУЛЛИН

ПРО МАЛЕНЬКУЮ ДЕВОЧКУ

(Сказка для детей и – ещё больше – для взрослых)

В одной замечательной счастливой семье родилась маленькая Девочка. Девочка сразу поняла, что семья счастливая и замечательная, потому что до её рождения в семье были Мама, Папа и Дедушка с Бабушкой. И все они очень обрадовались появлению у них крохотной Девочки, и все её сразу полюбили. И Девочка тоже сразу всех любила, то есть она тоже сразу стала счастливой.

– Здравствуй! – сказала восхищённая Мама, увидев только что появившуюся на свет дочку.

А Девочка так обрадовалась Маме, что в ответ даже не смогла сказать ни слова!

Но был у Девочки один секрет. Она, правда, не нарочно, его таила от всех других, а только потому, что не могла никому о секрете рассказать, оттого что поняла: она ещё не научилась говорить по-человечески.

А секрет этот состоял в том, что, когда Девочка родилась, она уже сразу всё-всё знала! Ну, вообще-то не совсем всё-всё... Она, например, не знала, как можно с другими людьми разговаривать. Не знала, что иногда бывают на свете недобрые люди, не знала ни одной буквы и что дважды два равно четырём. Зато она знала главное – то, что и взрослые-то не все знают, например, что, кроме земного мира, есть мир небесный, и ещё много-много другого самого важного.

Конечно, Девочка не знала, как работает водопроводный кран, для чего нужен телевизор, зато ей было известно, что обманывать никого нельзя, что нельзя обижать людей и зверей, что надо быстро расти, радовать свою семью и любить всех людей.

Откуда она это знала? Ей обо всём этом рассказывали Ангелы. Когда она спала, Ангелы прилетали к ней и сообщали не про моду, не про губную помаду, а о том, что каждому человеку необходимо знать в первую очередь. Поэтому Девочка росла умной и доброй. И даже когда Девочка сосала мамину грудь или с папиных рук рассматривала обои на стенах своего дома или деревья в саду,

Ангелы непременно прилетали к ней и объясняли, как сад прекрасен, а обои красивы.

Взрослые, конечно, Ангелов не видели, но Девочка сохраняла крепкие связи с их миром и даже разговаривала с Ангелами. Да, да, именно разговаривала – потому что прекрасно понимала ангельский язык, неслышимый для уха взрослого человека, а когда взрослым казалось, что она просто «гулит» умильно произносит «а-гу» или «ма-ма», на самом деле она как раз говорила о своих ощущениях Ангелам или спрашивала у них о чём-нибудь. И Ангелы, уж конечно, прекрасно понимали её!

Девочка хотела бы рассказать Маме, Папе и Дедушке с Бабушкой о том, что ей сообщали Ангелы, но не могла... Она просто пока ещё не знала человеческого языка.

Все члены семьи чуть ли не выстраивались в очередь, чтобы поддержать Девочку на руках, покачать её и... конечно же, поговорить с нею.

Да, они все разговаривали с Девочкой, и Девочка прекрасно их всех понимала! Ну, может быть, не совсем всё, но уж точно понимала ГЛАВНОЕ: что её любят, о ней заботятся.

Каждый из взрослых получал Девочку от других членов семьи как приз, как драгоценность – и очень гордился своим счастьем.

– Дайте мне поддержать на руках мою радость! – говорил Дедушка – и Девочка охотно шла к нему на руки.

– А позвольте-ка мне погулять с моей крошкой! – говорила Бабушка – и Девочка охотно размещалась в детской коляске.

– А чему это так радуется наша доченька?! – умиленно удивлялись счастливые Мама и Папа, когда спящая Девочка вдруг начинала улыбаться или двигать ножками и ручками.

– Не мешайте, – отвечала им умная Бабушка, – и удивляться нечему – это с нею Ангелы играют!

И Бабушка, конечно, была права.

Девочка с удовольствием ездила в своей маленькой, качающей пассажирку коляске сначала лёжа, а потом – сидя. Она смотрела во все глаза на мир – ведь в нём всё для неё было новым, рассматривала дома и кусты, птиц и кошек, цветы и деревья и внимательно выслушивала все комментарии к увиденному. Обо всём ей охотно рассказывали Бабушка с Дедушкой, Папа и Мама. От них она узнавала названия предметов на человеческом языке и пыталась повторить эти названия. Ничего, что сначала у неё получалось только «агу», «ма-ма», «лю-лю» и «ля-ля». Она-то уж точно знала, что всё называет правильно, только на своём, ей одной (да ещё и Ангелам) известном языке.

Девочка очень хотела рассказать взрослым о том мире, откуда она пришла в этот – земной. И очень жалела, что никто её рассказов не понимает. Она хотела сообщить, что все люди должны быть прекрасными душой, чистыми сердцем и телом. И ей казалось, что все-все люди таковы и есть, но она хотела им сказать, что они правы, что в том, открытом ей мире, который взрослые почему-то не видят, это считается правильным и обязательным. Девочке хотелось обрадовать этим сообщением близких, поддержать их.

Все в семье наперебой воспитывали Девочку, передавали ей свои знания. Она старалась всё это как можно скорее усвоить и прежде всего научилась ходить на ножках и пробовала говорить.

Но и Ангелы прилетали к ней по её первому же желанию. Однако чем больше она усваивала человеческую речь, тем меньше пользовалась ангельской...

Однажды она поделилась своими опасениями с одним из Ангелов.

– Ты права, Девочка, – подтвердил Ангел. – Пока человеческие знания будут вытеснять из твоей памяти знания горние.

– Но ведь я скоро смогу говорить по-человечески, – возразила она, – и я собиралась... я могла бы рассказать людям о том, что от них скрыто. Ведь эти знания полезнее, чем умение водить машину или пользоваться кофеваркой...

– Важнее, но горний мир вовсе не скрыт от них. Если ты расскажешь о нём, это будет расценено как чудо, как знамение. Нужно же, чтобы они приняли истину без всякого давления на них чудом – за счёт **собственных** усилий. Ведь мы им когда-то тоже обо всём небесном рассказывали, но они выросли – и забыли...

– А я, – уточнила Девочка, – я не забуду ваш язык? Не забуду то, что вы мне показали и о чём рассказали?

– Тебя обучают добрые взрослые. И чем больше они тебя воспитывают, чем больше образуют, тем меньше остаётся от того, что тебе сейчас известно...

– Но я не хочу! – возразила Девочка.

– Ты же любишь их? – спросил Ангел.

– Да! Очень! – искренне ответила Девочка.

– Вот и слушайся взрослых. Я не оставлю тебя никогда. Ты много узнаешь о земном мире и забудешь о небесном... Но не совсем. Повзрослев, ты будешь пытаться вспомнить о том, что знаешь сейчас. И если захочешь, то **сама** откроешь всё заново. Это – главная твоя задача. В этом – главный смысл твоей жизни. Для этого ты и родилась на этот свет.

Вскоре после этого старательная и послушная Девочка научилась говорить на человеческом языке. Но любящие взрослые попытки Девочки рассказать им о её великих знаниях принимали за детские фантазии – и она быстро забыла то, что знала при рождении: всё-всё-всё.

Чтобы вспомнить.

**Кселена
ЛИТВИНОВА**

ГДЕ ТЫ, ДОМОВОЙ?

ДОМОВОЙ И КОТ

Однажды летом Никитка с родителями уехал отдыхать в санаторий, а кота Юлия на это время отдал дедушке с бабушкой на дачу. Ну, правда, не везти же его с собой! А так двойная польза получается: дедушке и бабушке с котом веселее, и у кота – свой санаторий на даче: ешь себе сколько влезет да спи сколько хочешь – никто тебя не побеспокоит. Погулял Юлий по саду, понюхал цветы, пожевал какую-то травку, понаблюдал за птичками да и пошёл в дом – пора, мол, принимать лечебное питание. Он считал, что если еда вкусная, то она что ни на есть самая лечебная, вот как, например, куриное крылышко, или жареная рыбка, или кусочек варёной печёнки, или... Да мало ли ещё лечебной еды в холодильнике у бабушки! На этот раз Юлий «полечился» куриным паштетом. Добавки не предвещалось (хотя кот многозначительно подождал около опустевшей миски), поэтому он не спеша поднялся по деревянной лестнице на второй этаж дома и решил приступить ко второй приятной процедуре – сну.

Спать Юлий любил, чтобы в этом убедиться, достаточно посмотреть многочисленные фотографии кота, спящего в разных позах в разных местах в разное время суток...

На втором этаже дачи было тепло и тихо. Юлий осмотрелся: два окна, низенький журнальный столик, шкаф с книжками, узкий диван с кучей маленьких разноцветных подушечек, мягкое зелёное кресло... Кресло показалось коту наиболее уютным, и уже через минуту он там сладко спал, свернувшись в белый клубочек (Юлий ведь был белым котом).

-
- Кселена Литвинова (Елена Евгеньевна Литвинова) родилась в 1976 году в г. Нестерове. Окончила Саратовский государственный медицинский университет. Живёт и работает врачом в Саратове. Её стихи публиковались в журналах «Волга–XXI век», «Эрфольг», «Смена», «Литературный меридиан», «Зов» (Венгрия), «Венский литератор» (Австрия). В апреле 2013 года стала победителем литературного конкурса, организованного интернет-журналом «Эрфольг».

Спустя некоторое время раздались лёгкие шажочки на лестнице, а затем и в комнате второго этажа. Это Домовой решил отдохнуть после утренних домашних дел (бабушка и дедушка занимали комнату на первом этаже, и, значит, второй этаж был свободен). К его удивлению, любимое кресло, где он всегда спал, было уже занято... котом! Домовой осторожно потрогал спящий клубочек:

– Эй, это моё место, я здесь сплю!

Белый клубок приоткрыл один глаз и прошипел:

– Это я здесь сплю, не видишь, что ли?! И вообще, ты кто такой? Что-то ты не очень-то похож ни на бабушку, ни на дедушку!

– Я – Домовой, хозяйничаю здесь, за домом смотрю.

– Хозяйничаешь? – Кот открыл и второй глаз. – Ну, значит, и я тогда – домовый.

Домовой так удивился, что сразу не нашёлся, что ответить. Потом заволновался, вытасил из широкого рукава рубахи маленькое круглое зеркальце и поднёс его к усатой морде кота.

– Ты что говоришь, а? Какой ты домовый? Посмотри на себя: разве мы с тобой похожи?

– Конечно, похожи! – заявил Юлий. – Вон, у тебя на лице даже шерсть растёт, как и у меня.

– Это борода! – в отчаянии закричал Домовой.

– А, ну, значит, и у меня – борода. Так что ты можешь искать себе другое место, а здесь я сам как-нибудь похозяйничаю!

И кот снова сонно прикрыл глаза.

– Ну что ж, двум домовым на одной печке не усидеться! – печально вздохнул Домовой. – Видно, придётся мне уйти, вот только сначала я тебе должен свои дела передать.

– Какие ещё дела? – наострил уши кот.

– А вот такие: завтра рано утром, когда все ещё спят, встанешь да расставишь всё по своим местам, да протрёшь пыль с полок, да подметёшь полы в комнатах, да смажешь петли у двери, чтобы не скрипела. И так каждое утро! Но я думаю, что ты со всем этим легко справишься – ты ведь домовый...

Кот очень даже представил, что его ждёт, и это ему совсем не понравилось:

– Нет, нет, нет! Подожди, пошутил я! Понимаешь, люблю я пошутить! Какой из меня домовый? Я ведь кот! Да и работать мне нельзя, ведь я здесь, можно сказать, нахожусь на санаторном лечении. Так что оставайся здесь, а я тебе за это даже твоё любимое кресло уступлю!

Кот быстро перепрыгнул с кресла на стол, оттуда – на подоконник, а с подоконника – на диванчик с кучей цветных подушечек. Удобно устроившись на одной из них, он подумал: «Да уж, быть домовым – определённо не моё! У меня есть своя работа поважнее: быть домашним любимцем, с ней-то я замечательно справляюсь! А на диване, кстати, спать тоже очень даже приятно...» Юлий прикрыл глазки и замурылкал от удовольствия – приступил, можно сказать, к своим основным обязанностям.

Домовой прилёг в мягком зелёном кресле и подумал: «И куда бы я ушёл? Ведь такое уютное кресло только у бабушки с дедушкой есть!»

С тех пор Домовой и кот жили дружно, ведь делить им было нечего, и у каждого была своя любимая работа.

ЛЕШИЙ ГОТОВИТ

Ушла однажды утром Лешачиха в гости к родственникам в соседний лес. Остался Леший один в избушке и думает: «А что если мне самому попробовать грибной суп сварить? Вот Домовой умеет готовить, а может, и я умею, просто не знаю об этом!» Достал он с полочки кулинарную книгу «Секреты русской кухни» да нашёл подходящий рецепт. «Итак, вам понадобятся: кастрюля, вода, грибы, картофель, морковь, лук...» – по слогам прочитал Леший. Выбрал он самый вместительный горшок, мол, пусть супа будет побольше. Поставил его на стол, налил холодной воды из ручья, побросал туда целиком грибы из корзинки, картофель, морковь да лук из мешка. Стоит, с важным видом воду деревянной ложкой помешивает. «Так, что там ещё надо добавить? – заглянул он в книгу. – Ага, пряности! А что это ещё такое? Думаю, шишка еловая – вполне даже пряность – ах, как она пахнет!» И Леший бросил в суп штук пять еловых шишек. «Положите лавровый лист...» – прочитал он дальше и задумался: – Не знаю я никакого лаврового листа, видно, в книжке ошибка... наверное, положите кленовый лист?!» Леший вышел из избушки, сорвал несколько пожелтевших листьев клёна и вернулся на кухню. «Так, готово! Ещё надо «посоливать по вкусу». На мой вкус, чем соли больше, тем вкуснее! – пробормотал он, высыпая в горшок полбанки белой специи. – Осталось теперь поставить суп на огонь и варить тридцать минут».

Леший засунул горшок в печь, сел за стол, а напротив себя огромный будильник поставил и приготовился ждать. Тихо так в избушке, стрелки часов двигаются медленно-медленно, глаза Лешего сами собой закрываются. Он даже не заметил, как уснул.

Вскоре вернулась домой Лешачиха. Смотрит, Леший спит, а в печке что-то варится. Вытащила она горшок из печи, зачерпнула ложкой бульон, попробовала и поморщилась: суп солёный да ещё со вкусом еловых шишек. Вылила она его за избушкой, а в горшок снова налила воду, положила нарезанные грибы да овощи, посолила, добавила пряности и поставила в печь варить.

Проснулся Леший, посмотрел на будильник да и говорит жене:

– Сегодня я тебя сам обедом попотчую! Доставай-ка суп из печи!

Лешачиха ловко вытащила горшок из печки, разлила половником супчик по тарелкам. Леший ест да хвалится:

– Вот, мой суп вкуснее да наваристей твоего получился!

– Верно-верно, ты у меня теперь настоящий повар! – хитро улыбнулась Лешачиха и погладила Лешего по растрёпанным волосам.

Поздним вечером лесной хозяин сидел на крыльчке своей избушки, смотрел на кружащиеся в воздухе листья и думал: «Готовить не так уж и трудно. Надо будет завтра попробовать кашу сварить, суп у меня ведь хорошо вышел! Чудно только: бросал-то я в горшок грибы и овощи целиком, а в тарелке плавали их кусочки. Наверное,

это и есть один из секретов русской кухни: не зря же кулинарная книга так и называется...»

ЗАЯЦ-ВОЯКА

Заяц Коська бежал так быстро, что его лапки едва успевали касаться заснеженной лесной тропинки, петляющей вдоль деревьев. Сердце стучало где-то в голове, подобно огромному будильнику. «Быстрее, быстрее!.. Только бы успеть добежать до Домового!» – думал он, боясь оглянуться назад: по следам Коськи неслась лиса... Деревья, кусты, дорога, заборы, дачные домики быстро мелькали перед глазами косоного. Вот наконец и он – знакомый двухэтажный дом из белого кирпича. Коська быстро прошмыгнул под зелёными металлическими воротами, в один прыжок оказался у входной двери и изо всех сил забарабанил в неё.

– Домово-ой, откро-ой! Скорее-эй! – заверещал он.

Из-за двери выглянула растрёпанная голова хозяина.

– Косой, ты чего это расшумелся?

Чуть не сбив с ног Домового, заяц ворвался в дом.

– Закрывай дверь! – в панике выкрикнул он.

Домовой пожал плечами и задвинул дверную щеколду. Коська между тем метался по комнатам и задёргивал шторы. Занавесив все окна, он шмыгнул под кровать и затаился. Домовой вошёл в комнату.

– Эй, Домовой, тс-с! – раздался откуда-то снизу шёпот Коськи.

Хозяин дома наклонился и заглянул под кровать.

– Что?

– Если придёт сюда эта рыжая... лиса, – еле выдавил из себя косой, – то ты дверь не открывай!

– Лиса? Так это ты её так испугался? Эх, ты, заяц-бояка!

– Как же мне её не бояться, если она меня съест хочет!

– Съесть? – нахмурил брови Домовой. – Ишь, что удумала! Вот я ей сейчас задам трёпку!

Он огляделся по сторонам и, вооружившись веником, вышел на улицу. Коська изо всех сил прислушивался в надежде понять, что творится во дворе, но так ничего и не услышал. «А что если лиса съест Домового? Что там веник против неё?!» – вдруг пронеслась мысль в голове косоного, и он тут же принялся спорить сам с собой: «Да нет, не может она его съесть!.. А что если может?.. Почему же тогда Домовой всё не возвращается?.. А что если он не возвращается, потому что его уже лиса съела?..» От этой мысли Коська похолодел от ужаса...

Спустя мгновение входная дверь распахнулась, и из дома на улицу выскочил заяц.

– А-а-а-а! – зажмурив глаза, страшно кричал он и воинственно размахивал маленькой чугунной сковородкой. – А ну, лиса, не трогай Домового, а не то я из тебя котлет наделаю!

Домовой, ходящий вдоль забора, выронил веник от удивления. Коська открыл глаза и увидел приятеля. Подскочив к Домовому, он принялся его оглядывать со всех сторон.

– Ура, ты живой! Ну, где лиса тебя укусила, а?
– Да никто меня не кусал! – удивился Домовой.
– Так, значит, она тебя напугала? Где эта разбойница?
– Косой, ты чего? Никто меня не пугал, я вообще не видел никакой лисы! Нет её здесь!
– Так уж и нет! – не поверил косой. – Наверное, она просто где-нибудь спряталась: лиса – ведь она такая хитрющая!
– Ну, пойдём тогда поищем её! – предложил Домовой.
– Пойдём, пойдём! – подхватил косой, сжимая в лапке сковородку.
Друзья обошли вокруг дома, заглянули под крыльцо, посмотрели за каждым кустиком – лисы нигде не было.
– Вот, Коська, видишь: никого здесь нет! Идём-ка лучше я тебя чаем угощу!
И друзья направились к дому. Сидя за столом и с удовольствием прихлёбывая чай из фарфоровой чашки, Домовой заметил:
– А знаешь, Коська, ты всё-таки молодец! Бросился мне на помощь, лисы не побоялся! Ты у нас, оказывается, не заяц-бояка, а самый настоящий заяц-войка!
До самого вечера гостил Коська у Домового, а как собрался уходить, так выпросил у приятеля ту самую сковородку, с которой выбежал на выручку к Домовому. «Сковородка, – говорит, – мне храбрости придаёт и лис отпугивает!»
Так это или нет, не знаю, но Коська до дома добрался спокойно: ни одна лиса ему так и не встретилась...

ЛЫЖНАЯ ПРОГУЛКА

Весь день заяц Коська развлекался тем, что бегал по зимнему лесу и дёргал за заснеженные ветви деревьев. «Шу-ух!» – только и успевал сказать падающий большими мягкими кусками снег. Косой прижимал длинные уши к спине и громко смеялся своей выдумке.
– Так-так-так! И что ты тут делаешь? Зачем сбрасываешь снег с деревьев? – спросил за его спиной чей-то строгий голос.
– А, Леший, это ты! Привет! – обернувшись, весело прокричал Коська. – Да так... Шалю просто: делать-то мне нечего!
– Вот тоже нашёл себе занятие! Я тут слежу, чтобы все деревья были укрыты, а он озорничает! Ты разве не знаешь, что без снега деревья зимой будут мёрзнуть?!
– Правда? Вот не знал! Ладно, не буду больше, прости! – огорчился заяц.
Он виновато взглянул на Лешего и вдруг заметил, что приятель опирается на две какие-то палки и, что ещё более удивительно, – к его ногам привязаны длинные дощечки.
– Ой, а что это у тебя на ногах? – с любопытством спросил он.
– Это лыжи, я их сам сделал! – с гордостью заявил Леший. – В лесу снега нынче много – попробуй-ка без них походить по этим сугробам весь день! Раз шагнёшь – по колено в снег провалишься. А

на лыжах я за несколько часов весь лес успеваю объехать да всё проверить! Во как быстро!

– Так уж и быстро?.. – не поверил заяц. – Да я всё равно тебя и без этих самых лыж обгону!

– А давай проверим?! – предложил Леший.

– А давай! – согласился косой.

Приятели выбрали для забега самую широкую лесную тропинку.

– Так, косой, бежим до конца тропы, кто раньше прибежит – тот и выиграл! Ну, на старт! Внимание! Марш! – скомандовал Леший, и друзья помчались наперегонки: Леший – на лыжах, а заяц – так, на своих собственных лапах.

Дорожка оказалась длинной. В начале пути Коська вырвался вперёд, Леший только и видел, как быстро мелькали заячьи лапки. Но чем дальше уводила их тропинка в лес, тем медленнее бежал косой. Наконец на повороте Леший его обогнал. Заяц резко остановился и без сил упал в ближайший сугроб.

– Сто-о-ой! – протяжно крикнул он, вытягивая вверх лапу. – Хватит, остановись! Леший подъехал к копошащемуся в снегу приятелю.

– Что, сдаёшься? Вот так-то!

– Это просто у меня лапу свело, – соврал Коська, – а не то я бы тебя легко обогнал!

– Ладно-ладно! Тогда, может, продолжим наш забег? – улыбнулся Леший.

– Не-э-э! Что-то больше не хочется! – ответил заяц и, помолчав немного, добавил: – А ты не мог бы меня научить кататься на лыжах?

– Хм, могу, конечно.

Леший развязал тесёмки, которыми крепились его валенки к лыжам.

– Ну, вставай сюда.

Коська с опаской встал на странные дощечки, и приятель быстро привязал к ним его лапы.

– Вот так! А теперь бери лыжные палки, – продолжил Леший, – толкайся ими, а на дощечках – скользи!

Коська сделал несколько неуверенных шагов вперёд.

– Да не иди, а скользи! – повторил Леший. – Поочерёдно на одной и на другой лыже. И расслабься, а то у тебя лапы словно деревянные.

Эх, и тяжело было кататься в первый раз! Лыжные палки не слушались, а сами лыжи так и норовили разъехаться в разные стороны.

– Ничего-ничего! – подбадривал друга Леший. – Главное – не останавливайся, катись себе потихоньку, так и научишься.

И действительно: через полчаса стараний у Коськи совсем даже неплохо стало получаться.

– Ура! Смотри, Леший, я теперь тоже умею на лыжах кататься! – принялся он хвастаться. – Пойдём теперь, посмотришь, как я с горки быстро съеду!

– Ой, Коська, погоди! Рано тебе ещё с горы-то! – заволновался приятель.

Но куда там! Разве косога переубедишь! Широко расставляя лыжи, заяц довольно шустро приближался к снежной горке. Хмурясь

и недовольно покачивая головой, Леший поспешил за своим ушастым приятелем.

– Я качу-у-усь! – вскоре раздался крик Коськи над горкой.

Растопырив лыжные палки в разные стороны, он уже летел вниз. Сначала заяц радовался: вот, мол, какой я смелый да ловкий! Но, когда снег под лапами замелькал с огромной скоростью, косой не на шутку испугался.

– Ле-э-ши-и-й! А-а-а! Спаси-и-и! Как останови-и-иться? – заверещал он что было мочи.

Чтобы замедлить скольжение, косой попытался воткнуть лыжные палки в снег. Это не помогло. Палки остались где-то далеко позади, лыжи наехали друг на друга, и Коська, потеряв равновесие, кубарем скатился вниз...

Косой выбрался из сугроба. Лапы слегка дрожали. «Так, и где же лыжи?» – оглядываясь по сторонам, подумал он. Одну дощечку косой нашёл быстро, а вот вторую он заметил не сразу. Один её кусок торчал в снегу в метрах трёх от него, а другой – запутался в ветках какого-то одинокого кустика.

– Леший, извини меня, я сломал твои лыжи! – печально наморщив нос, сказал заяц подоспевшему приятелю.

– Что уж там! Не страшно! Главное – ты, Коська, цел! – только и выдохнул встревоженный Леший. – А лыжи мы с тобой новые смастерим, ты ведь мне будешь помогать?

– Конечно, – важно сказал Коська, – я всё умею делать!

– Да уж, – улыбнулся Леший, – ты всё умеешь: и лыжи мастерить, и ломать их...

Два дня в избушке Лешего кипела работа. Там что-то пилили, строгали, красили, покрывали лаком... Коська старался вовсю наравне с Лешим. И к вечеру второго дня лыжи были готовы. Да не одна пара, а целых три! Одни лыжи – Лешему, другие – Коське, а третья пара – так, на всякий случай, мало ли что ещё может случиться на горке.

МАСЛЕНИЦА У ДОМОВОГО

– Завтра начинается Масленица, – сказал как-то Домовой зайцу Коське, – приходи утром, будем с тобой вместе блины печь.

– Какие-такие блины? – удивился косой.

– Вкусные! – улыбнулся приятель. – Вот завтра их напечём, ты и попробуешь.

Коська еле дождался следующего утра: так хотелось узнать, про какие блины говорил Домовой, а ещё больше хотелось их попробовать... Только рассвело, он прискакал к знакомому дому из белого кирпича.

– Ну, входи, косой! – сказал Домовой, открывая ему дверь.

Друзья направились в маленькую кухню. На столе стояла кастрюлька с какой-то белой жидкостью.

– Это я уже тесто для блинов приготовил, – пояснил Домовой.

Он помешал в кастрюльке деревянной ложкой и продолжил:

– Правда, что-то оно очень жидким получилось. Достань-ка, Коська, муку, она вон там, в банке на нижней полке стоит.

Заяц полез в буфет. На полочках стояло в ряд несколько одинаковых металлических банок, закрытых крышками. «Интересно, где же здесь мука?» – подумал Коська и принялся наугад открывать баночки.

– Эй, косой, ты чего так долго ищешь? – удивился Домовой. – Там все банки подписаны, ищи ту, где написано: «Мука».

– Что же ты мне раньше об этом не сказал? – притворился, что обиделся, косой. – Я бы эту муку враз нашёл!

«Если бы ещё читать уметь!» – подумал он про себя, но сделал вид, что читает надписи. К счастью, в следующей банке оказалась мука.

– Нашёл! – обрадованно крикнул заяц, засовывая в неё нос. – Ф-ф-ф-ф!

Мука белым облачком поднялась над головой Коськи.

– Так давай сюда скорее банку, – засуетился Домовой, – а то от муки после твоих поисков ничего не останется!

Он высыпал несколько ложек муки в кастрюльку.

– Всё, косой, иди мой лапы и надевай фартук: будешь помощником повара, то есть моим помощником.

– А обязательно мыть лапы? – поморщился заяц. – Они, вроде как, чистые.

– Обязательно, – строго сказал Домовой, – иначе к блинам я тебя не подпущу!

Спусти пару минут Коська с чистыми лапами и в фартуке уже наблюдал, как на горячей сковороде шипит масло. Домовой зачерпнул маленьким половником тесто и вылил его на сковородку. Косой с удивлением смотрел, как на белой поверхности блина вздувались и лопались пузырьки и как на их месте образовывались крохотные дырочки.

– А теперь, Коська, самое интересное! – сказал Домовой, снимая сковороду с плиты. – Оп!

Он резко потрянул сковородку, блин сорвался со своего места, перевернулся в воздухе и упал обратно румяной стороной вверх.

– Вот это да! – восхитился Коська.

Домовой лукаво улыбнулся в бороду.

Надо сказать, у Домового очень хорошо получалось печь блины. Раз – и он ловко снял лопаточкой готовый блин со сковородки. Два – и вот уже второй блин подрумянился на один бок! Три – и уже с пяток блинчиков дымятся на тарелке!

– Ну всё, теперь моя очередь печь! Я себе сам блины напеку! – заявил косой, отодвигая приятеля в сторону. – Можешь идти отдыхать, я здесь как-нибудь управлюсь.

Домовой ушёл в соседнюю комнату, а заяц остался хозяйничать на кухне.

– Так, берём половник, выливаем тесто на сковородку и ждём – всё просто!.. – пробубнил он сам себе под нос. – А теперь – мой коронный номер! Оп!

Коська снял сковородку с плиты и изо всех сил потрянул её. Блин подлетел к потолку и повис на люстре.

– Эй, Домовой, неси палку – блин снимать! – закричал косой.

– Зачем палку-то? – не понял приятель, отзываясь из другой комнаты. – Там, на столе, лопаточка лежит, ей и снимай блины.

Коська взял лопаточку для блинов и попробовал дотянуться до люстры. Слишком высоко! Косой подпрыгнул – опять неудача! «Нет, так не достать». Он залез на табурет и попытался сбить блин лопаточкой, но, к несчастью, задел люстру. Люстра зашаталась, Коська не удержал равновесие и с грохотом свалился с табурета. Рядом с ним упал блин. Услышав шум, на кухню заглянул Домовой.

– Что здесь происходит-то? – удивился он, глядя на сидящего на полу зайца. – Ты же, вроде как, блины печёшь?

– Ну да, пеку! Вот, видишь?

И косой, подняв с пола какой-то комок, протянул его Домовому.

– Что это? – удивился он.

– Блин...

– Ах, понятно, – улыбнулся Домовой, – я в первый раз тоже такой блин испёк. Но не расстраивайся: следующий должен лучше получиться. Идём к плите, я тебе помогу!

Вскоре на сковороде снова зашипело масло, запузырилось тесто.

– Ты, Коська, пока не научился, переворачивай блины лопаточкой, так проще...

Домовой стоял рядом с зайцем и подсказывал ему, как надо правильно выливать тесто на сковородку, как и когда снимать блины, чтобы они получались румяными да аппетитными. Так косой и научился блины печь! Он даже придумал «рисовать» тестом на сковороде. Ляпнув одну большую кляксу и рядом с ней две другие, поменьше, косой радостно заверещал:

– Смотри, Домовой, это же я! Вот – голова, а это – два уха.

– И правда похож! – засмеялся приятель.

Следующий блин Коськи был похож на Домового со сковородкой в руке. Потом появился блин в форме кота Юлия, Лешего с длинным носом.

– А это – ёж Бабайка!

– Какой же это Бабайка? – удивился Домовой. – Этот блин больше похож на валенок!

– Ну да, валенок! А Бабайка в нём! Он же зазимовал в твоём валенке, – пояснил Коська.

За столом, покрытым новой цветастой скатертью, сидели Домовой и Коська. Перед ними стояли тарелка с огромной стопкой золотистых блинов, стеклянные вазочки с мёдом и малиновым вареньем и чашки с травяным чаем.

– Ох, и вкусные всё-таки блины! – намазывая блин мёдом и отправляя его в рот, проговорил косой.

– Конечно, вкусные! – засмеялся Домовой. – Когда печёшь блины с удовольствием, тогда и есть их – одно удовольствие!

Вечером Коська засобирался домой.

– Эх, жалко, что блинов уже не осталось! – с сожалением проговорил он.

– Ничего, ведь Масленица только началась, всю неделю будем с тобой блины печь! – успокоил его Домовой.

ГДЕ ТЫ, ДОМОВОЙ?

Морозным февральским днём Никитка с бабушкой вышли во двор. Мальчик был в длинной, до пят, чёрной цигейковой шубе, к которой он бережно прижимал кота Юлия. На мордочке белого хвостатого существа было написано явное недовольство. Никитка наклонился, выпуская кота из рук, тот неуклюже запрыгал, проваливаясь в рыхлый снег. Он страдал: ему совсем не хотелось гулять. А ведь как было хорошо лежать на мягком диване, уютно свернувшись в клубочек! Выскочив на протоптанную в снегу тропинку, Юлий промчался к закрытой входной двери и жалобно мяукнул.

– Ты что? Мы ведь только вышли на улицу! – отозвался Никитка.

– Мяу! – не согласился кот.

– Бабуль, он что, замёрз? – удивился мальчик.

– Что же, может, и замёрз, – улыбнулась бабушка, – видно, ещё не сменил своё осеннее пальтишко на зимнюю шубку. Ты ведь его впервые вынес на улицу...

Дома кот взобрался на тёплую батарею, обнял её и блаженно прикрыл глаза.

«Какая всё-таки противная вещь – снег, – подумал он, – мокрый, холодный... Брр! То ли дело – батарея!»

– Бабуль, – глядя на кота, спросил Никитка, – а как зимуют на даче птички, там же сейчас холодно и кушать нечего?

– Не так уж и нечего: дедушка повесил кормушку на старую яблоньку и зимой подсыпает туда семечек, чтобы пташкам веселее было. Хочешь, мы завтра на дачу все вместе поедем?

– Ура! Хочу, хочу! – запрыгал от радости малыш. – Ой, бабуль, а ещё я там с Домовым познакомлюсь!..

Утром по заснеженной дорожке к даче шли трое: дедушка, бабушка и мальчик. Дедушка нёс маленький холщовый мешочек. За ним летела весёлая стайка синичек. Пташки обгоняли друг друга и о чём-то радостно переговаривались.

– Деда, – оглядываясь на синиц, удивился Никитка, – что это они за тобой летят?

– Знают уже, шалуны, что я им гостинец привёз, вот и летят!

Птички провожали их до самой кормушки. Дедушка насыпал туда семечек, и развесёлый птичий пир начался!

Встревоженный шумом за окном, Домовой выглянул из окошка второго этажа дачи и пришёл в ужас. «Ай-яй-яй! – забормотал он. – Как же я просмотрел-то? Когда же бабушка с дедушкой приехали? И Никитка с ними! Бежать скорее надо: нельзя, чтобы они меня заметили! Куда же мне спрятаться-то?» Домовой заметался по комнатке. Залезть под диванчик – не получится: места мало, за занавеску – из-под неё ноги будут выглядывать... Загромыхав по лесенке, он спустился на первый этаж. Проскользнув на кухню, Домовой приподнял в одном месте две половицы и быстро юркнул вниз в образовавшийся проём.

В подполе оказалось очень темно. Глаза Домового уже стали привыкать к темноте, и он наконец-то разглядел свою старую знако-

мую – мышь. Ну да, ту самую, которая таскала из буфета его сладкие сухарики.

– Ты что здесь делаешь? – спросила мышь, подозрительно поглядывая на гостя. – Уж не за моими ли припасами пришёл?

– Да нет, что ты! – успокоил он хвостатую хозяйку. – Прячусь я здесь от Никитки.

– Но почему? – удивилась мышь.

– Нельзя, чтобы меня люди видели! Не положено это, вот!

– Да? Тогда садись сюда! – сказала мышка. – Сухарики будешь?

– Те самые, из буфета? – улыбнулся Домовой. – Ну, давай погрызём их вместе. Глядишь, и время быстрее пролетит.

Домовой уселся на кучу каких-то старых тряпок и взял сухарик, любезно предложенный мышкой...

Никитка долго смотрел на шустрых птиц у кормушки, а потом направился в дом. Он поднялся на второй этаж по узкой деревянной лесенке и позвал:

– Эй, Домовой, ты здесь?

Никто не отозвался. Домового не было ни в зелёном кресле, ни на диванчике с кучей пёстрых подушек, ни за столом... Никитка заглянул даже под стол и книжный шкаф, но и там никого не оказалось. Расстроенный, он спустился на кухню, где бабушка уже ставила старый чайник на плиту.

– Ну, что такое! Что случилось? – спросила она внука, когда тот горестно уткнулся ей лицом в цветной передник.

– Домового нигде нет, я всё обыскал! У-у-у-у! – заревел он.

– Конечно, он же ото всех прячется! А сам сейчас сидит где-нибудь да на нас поглядывает.

Мальчик оторвал от передника мокрое от слёз лицо и внимательно огляделся по сторонам.

– Вот прислушайся: слышишь кто-то под полом скребётся, – продолжила бабушка, – ты думаешь, что это мышка, а может, на самом деле это Домовой лапти плетёт или ещё что-нибудь полезное делает...

Домовой, который сидел как раз в подполе кухни и грыз сухарик, после таких слов бабушки от удивления выронил угощение из рук и насторожился. «Наверное, ненадёжно я спрятался, надо было затаиться в коробке под вешалкой!» – подумал он.

Никитка улыбнулся.

– Ой, правда, бабуль?

– Ну конечно! – уверенно сказала бабушка. – Так что не ищи его, не беспокой, поблагодари лучше за работу по дому, гостинец ему оставь: стакан молока да печенье. Он это любит! А захочет, так он сам тебе покажется...

Вечером городские гости собрались уезжать домой. На кухонном столе Никитка с бабушкой оставили угощение для Домового. Уже отойдя на приличное расстояние от дачи, мальчик обернулся. У окна на кухне стоял маленький человечек с растрёпанными волосами и бородой и улыбался ему. Никитка улыбнулся ему в ответ: он понял, что гостинец пришёлся Домовому по душе.

**Алиса
БОБКОВА**

МНЕ НЕ НРАВИТСЯ БОЛЕТЬ

Я БОЛЕЮ

Я болею... Это грустно:
Заставляют есть капусту.
А таблетки аспирина
Все противней керосина.

Мне не нравится болеть
И с тоской в окно смотреть,
Где другие, между прочим,
Снегу радуются очень.

Эх, здоровье, где ж ты бродишь
И зачем меня подводишь?
Как тебя мне убедить
От меня не уходить?!

ПУТЕШЕСТВУЮ ПО СВЕТУ

Я ехала в трамвае,
Глаза чуть прикрывая,
Представила, что еду
На поезде по свету.

И мой маршрут далёк:
Мчусь во Владивосток!
Я так мечтала очень ловко,
Что пропустила остановку.

-
- Алиса Бобкова – ученица 6 «А» класса МОУ «СОШ № 5» г. Саратова, участница VI регионального фестиваля-конкурса исследовательских работ и творческих проектов обучающихся «Свой путь к открытиям».

ПРО МОЁ ИМЯ

«Имя «Алиса» откуда взялось?» –
Я маме своей задавала вопрос.
«Всё просто, – пожала плечами она, –
Я в сказку когда-то была влюблена!»

И мне рассказала, что сказку любила
Про девочку в книжке, что мне подарила,
И дочку свою в честь неё назвала,
Ведь там героиня умна и мила!

И тут же добавила мама устало,
Чтоб я не зазналась: «Но этого мало –
Носить чьё-то имя и этим гордиться...»
Чтоб имя звучало, должна я трудиться!

ЭХ, БЛИНЧИК...

Все в семье удивлены:
Начала я печь блины.

Всё так просто и знакомо,
Врут, что первый блинчик комом...

Дым на кухне – дверь не сыщешь,
Блинчик мой не ком – комище!

МАЗУРКА КАПЕЛИ

Сосульки растаять ещё не успели,
А мы уже слышим мазурку капли:
«Кап-кап-кап,
Соль, фа, ми, ре...»
Мы танцуем во дворе!

«Кап-кап-кап,
Соль, фа, ре, ми...»
Ты попробуй повтори!

Перескакиваю лужи
И пляшу ничуть не хуже!

Я ВЗРОСЛЕЮ

МОЗАИКА

Дарья УВАРОВА
(МОУ «Лицей № 50»
Ленинского района г. Саратова)

ПОДРУГА – БЕЛАЯ ВОРОНА

Веснушки прыгают как птички
На щёчках девочки-весны.
Мелькают лучики-косички
Средь тёмно-русой ребятни.

Подруга – белая ворона,
Поскольку рыжей головой
Сияет ярче, чем короной,
И кажется сама весной.

Глядят на девочку с упрёком:
«Ты непохожая на нас!»
И остужают ненароком
Живую зелень тёплых глаз.

А то и предлагают строго:
«Покрась свою цветную медь!»
Но, видно, белые не могут
Подделываться и темнеть.

Пока не видно посторонним:
Пусть не похожа и скромна,
Она – не белая ворона,
А просто золото она!

Дмитрий КАЛИНИН
(МОУ «Лицей № 50»,
Ленинского района г. Саратова)

Я ВЗРОСЛЕЮ

Детство. Беззаботные каникулы.
Солнечные зайчики в окне.
Милые и добрые родители
Подарили будущее мне.

Против зла с героями мультяшными
Из народных сказок и былин
Совершаю подвиги бесстрашные,
Как Илья – могучий исполин.
Я взрослою. Зло уже не книжное.
Но меня ромашковый простор,
Словно небо, что к земле приближено,
Увлекает больше, чем раздор.
Кем я стану? Может быть, спасателем.
Вспомните, как Принц Экзюпери
Был ответственным и очень обязательным,
Наводил порядок изнутри.

Яна ХРЕНОВА
(МОУ «Лицей № 50»
Ленинского района г. Саратова)

ВЕТЕР

Я – ветер. Могу быть тёплым и спокойным, с тихим трепетом обвевать лицо и легонько играть волосами. Но я могу быть буйным, диким, свирепым и беспощадным. Могу вырывать с корнями деревья из земли, могу рушить дома и творить ураганы. Всё зависит от моего настроения.

СТАРЫЙ ДОМ

Уже столько лет стою без дела. Нет бы кто навестил... Хотя бы мышь, хотя бы муха. Да нет же, оставляют меня гнить в одиночестве, пока совсем не развалюсь. Будто не понимают, что именно я нуждаюсь в их общении. Пытаюсь привлечь внимание скрипом, так все, наоборот, только отдаляются. А так хочется оставаться живым!

ЦВЕТОЧНАЯ ВАЗА

Сегодня хозяйка с дачи привезла цветы. Мои любимые – нарциссы. Какая бы я была ваза, если бы не любила цветы? Да никакая. Хотя я цветы всё же не люблю, кроме тех, что именуются нарциссами. Что же я тогда? Ваза, которая не любит цветы? А такие бывают? Стоп, что это я? Возможно, это потому, что, кроме нарциссов, я и не видела других цветов.

**Андрей
МИХАЙЛОВ**

В ПРИСТАННОМ НА ВОЛГЕ

ФРАГМЕНТ ИЗ КНИГИ «ПОРТРЕТ РОДА НА ФОНЕ ВРЕМЕНИ. АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАПИСИ»

На дачах выше села Пристанное жили те, кого раньше называли профессурой. Николай Васильевич Герасимов был известным хирургом, доцентом Саратовского медицинского института. Врач-педиатр Вера Васильевна Нагорбина, жена его сына Андрея (дяди Андрюши), в 1961 году пригласила жить на даче вместе с её дочкой и моей сверстницей Милочкой Коку (подругу её матери и её крёстную) и меня с бабушкой (наши семьи были знакомы, а Вера и её сестра Лида были в приятельских отношениях с моей мамой). Привозил нас на дачу в начале июня и увозил в конце августа в Саратов на своей «Победе» дядя Андрюша. Мне страшно нравилось не только ездить, но даже и просто сидеть в его машине, что он обычно позволял.

Когда в июне 1961 года мы впервые приехали на дачу, участок в 10 соток показался мне огромным, потому что сам я был мал. На высоком волжском берегу плотники и маляры заканчивали отделывать одноэтажный деревянный «финский домик» с двумя спальнями, залом, кухней, подсобкой и просторной Г-образной застеклённой верандой с видом на Волгу. Чудно пахло свежей стружкой и натуральной олифой.

-
- Андрей Станиславович Михайлов родился в Саратове в 1953 году в семье инженеров-строителей. Окончил строительный факультет Саратовского политехнического института. Работал в крупных проектных организациях и на радиоприборном заводе. Более десяти лет отдал охране окружающей природной среды, сначала в институте «Гипропромсельстрой», а затем в Саратовском городском комитете экологии и в городской администрации. Публиковался в журнале «Волга—XXI век».

Самое главное впечатление, конечно же, Волга! Наряду с пассажирскими судами послевоенной постройки (они сходили с верфей в ГДР, Венгрии, Чехословакии) плавало едва ли не большее число старых пароходов. Из новых судов только флагман волжского пароходства – дизель-электроход «Ленин» и однотипный «Советский Союз» были советского производства. У скорых на трубе была широкая голубая полоса, у почтово-пассажирских рисовались две тонкие голубые, у товарно-пассажирских (но на них были и каюты) – широкая красная. Среди старых пароходов колёсные преобладали. У меня и сейчас в глазах стоит всё ускоряющееся вращение здоровенных колёс отходящего от дебаркадера судна, слышится шлёпание колёсных лопаток по воде. Длинные и широкие в центральной части буксиры тянули за собой баржи. Более новых моделей, толкающих их сзади (называли их в просторечии «толкачи»), было ещё мало.

*С бабушкой на даче
в Пристанном.
Фотограф С.В. Михайлов.
1962 год*

Колёсный товарно-пассажирский пароход

Всё время шли вниз на буксирной тяге огромные плоты. По бокам их ход выправляли маленькие судёнышки. По ночам на плотках зажигались габаритные огни. А сколько сновало лодок, сейчас даже трудно представить! У деревянных и вместительных, называемых «гулянками», стояли трёх- и шестисильные моторы. В разделяющем село Пристанное и дачи заливе колыхалась вдоль берегов пропасть хорошо просмолённых рыбацких вёсельных лодок. С дебаркадера ловили мелкую рыбёшку «пауками», которые представляли из себя мелкоячеистые сетки на загнутом вверх проволочном каркасе и опускались на тросе вращением катушки, закреплённой на деревянной жерди.

У Герасимовых была металлическая лодка на подводных крыльях, поплавать на которой иногда брали и меня с Милочкой. В одно из воскресений друзья Герасимовых пригласили их и моих родителей вместе со мной покататься на здоровенной лодке-гулянке. Когда отплыли по фарватеру несколько километров вверх по Волге, вдруг поднялся сильный ветер, вмиг лодку стало кидать на высоких крутых волнах. С большим трудом удалось нам добраться до берега. А в это же время мимо величаво проплывал огромный дизель-электроход «Советский Союз».

Сосед, отставной полковник Яков Иванович, взял меня летом 1963 года на рыбалку. Выплыли мы на коренную Волгу и встали на якорь довольно далеко от берега. А у него были не бамбуковые удочки, а недавно появившиеся спиннинги. Я, не умеючи, при закидывании намотал такую «бороду», что на распутывание её пришлось потратить более получаса дорогого времени, когда шёл самый клёв. Больше меня на рыбалку Яков Иванович, при всей его доброте, не звал.

Художник Владимир Иванович Овчинников.
«Улица в Пристанном под Саратовом».
1966 год

***

Хочу рассказать немного о Герасимовых. Андрей Николаевич был человеком острого ума и широкой эрудиции, с блистательным чувством юмора. Впервые от него я услышал здравые суждения о Соединённых Штатах Америки, столь сильно отличавшиеся от официальной пропаганды. Ничего, что мне было мало лет, меня многое интересовало. Часто вспоминаю его слова: «Почему восхождение на Эверест – удовольствие,

а изготовление бумажных цветов – тяжкий труд? Потому что первое делается по желанию, а второе – по необходимости». Однажды он начал декламировать мне солёные сатирические стишки про русских писателей, на что немедленно среагировала тётя Вера: «Андрюша, не развращай ребёнка!»

Андрей Николаевич работал хирургом в Областной клинике глазных болезней на Вольской, писал кандидатскую диссертацию. Порой по воскресеньям накануне назначенной операции отказывался помогать отцу в физической работе, говоря: «Это тебе не животы резать».

Вот что говорится о Николае Васильевиче Герасимове в «Календаре знаменательных и памятных дат Саратовской области»: *«Родился в селе Злобовка Саратовской губернии. Окончив реальное училище, в 1917 году поступил на медицинский факультет Саратовского университета, после окончания которого в 1924 году стал работать в клинике госпитальной хирургии. Ученик и последователь крупного хирурга С.И. Спасокукоцкого, в 1930-х гг. много публиковался в отечественных и зарубежных журналах. В 1939 году мобилизован в Красную Армию. В финскую кампанию работал начальником лечебно-эвакуационного отдела эвакуационного пункта. В 1940 году защитил кандидатскую диссертацию. В годы Великой Отечественной войны находился в войсках Первого и Второго Белорусских фронтов. Подполковник медицинской службы, он выполнял сложнейшие операции, спасая раненым руки и ноги от ампутации. Боевой путь Николая Васильевича пролёг через Брянск, Гомель, Брест и закончился в Праге.*

В сентябре 1945 года он вернулся в клинику госпитальной хирургии. В 1956–1967 гг. – заведующий кафедрой общей хирургии Саратовского мединститута. Награждён орденами Ленина, Трудового Красного Знамени, Красной Звезды и медалями. В 1967 году Н.В. Герасимову было присвоено звание Почётного гражданина города Саратова. В постановлении Саратовского горисполкома его имя стоит рядом с именами Юрия Гагарина и Константина Федина».

Николай Васильевич никогда не важничал, не выставлял себя медицинским светилом. Со всеми был прост и дружелюбен в общении. Под своё жильё на даче приспособил просторную кладовку с небольшим окном у потолка. Энергичный, подвижный, он то копал силосную яму, то пропалывал грядки, то ремонтировал забор. Занят делом был всегда.

*Мама с Н.В. Герасимовым
у кинотеатра «Победа».
Фотограф С.В. Михайлов,
31 декабря 1956 года*

Рассказывал, как в молодости играл за одну из футбольных команд Саратова. Называлась она «Сокол», то есть так же, как и команда, выступавшая через десятилетия в Первенстве страны, но связи между ними не было.

Я вспоминаю Николая Васильевича чаще всего в «дачном виде»: в семейных чёрных трусах и в выдавшей виды соломенной шляпе. Да, именно так. Ходить прилюдно в трусах в начале 60-х ещё не считалось неприличным. Однажды он исполнил на веранде фантастический танец индейца из племени «тумба-юмба», отбиваясь от особо злобной осы, которой всё же удалось его ужалить в самую макушку. Мы с Милочкой катались по полу от смеха.

В один из дней Николай Васильевич взял внучку и меня на берег, и мы пошли узкой полосой в направлении Усть-Курдюма. Когда он вошёл в воду искупаться, мы, не сговариваясь, опрометью полезли вверх по крутому склону. Кончилось это плачевно. Забравшись довольно высоко и не удержавшись, мы покатались вниз. Безуспешно хватаясь за вырвавшиеся с корнем пучки травы, я угодил наконец в небольшую кучку песка у подножия. Чуть ли не на меня слетела и Милочка. Это был один из редчайших случаев, когда я видел Николая Васильевича не на шутку разгневанным, он сильно за нас перепугался. К счастью, отделались мы одними шишками и ссадинами.

*С сеттером Норкой на крыльце дачи,
1963–1964 год.*

Фотограф С. В. Михайлов

Заядлый охотник, Николай Васильевич баловал нас дичью. Привозил и бекасов, и вальдшнепов, и перепелов, и диких гусей и уток. Немало радости доставляла нам с Милочкой жившая на даче его охотничья собака – сеттер Норка.

Николай Васильевич позволял мне держать в руках и откидывать приклад у двух старинных французских коллекционных ружей XIX века с гравированными серебряными накладками и тульского заказного ружья. Представьте себе только, какое это немыслимое счастье для мальчишки! Позже он привёз на дачу фотоаппарат с обладающим 20-кратным увеличением объективом. Можно было разглядеть даже листья на деревьях на другом берегу. Но интереснее всего было рассматривать разнообразные суда. Глядя в бинокль, я читал название судов, видел, как с капитанского мостика при их встрече

делали отмашку белыми флагами, сообщая таким образом, по какому борту будут расходиться. Часто и бинокля не требовалось, зрение у меня было превосходным.

Столько лет прошло, а добрые чувства и радость от знакомства с этим человеком не погасли.

***

Герасимовы помогали нам с продуктами. За хлебom, мясом, маслом бабушка ходила в село, молоком и творогом колхозники торговали вразнос. Рыбу покупали у дебаркадера прямо с рыбачьих лодок из садков, кое-что привозили мои родители. Овощи, фрукты, ягоды брали большей частью с сада и огорода, забота о которых ложилась также на бабушку и Коку. Они же вместе с тётёй Верой готовили, когда приезжали в гости к хозяевам друзья-приятели.

В те годы старый пляж на острове после заполнения Волгоградского водохранилища почти полностью ушёл под воду, а новый ещё не был намыт, и небольшой песчаный пляж у дач в Пристанном стал одним из любимых мест отдыха саратовцев. Именно у дач и поставили маленький дебаркадер, а собственно из села можно было добраться до Саратова также и на автобусе. В рабочие дни теплоходики швартовались три-четыре раза в день, а в воскресенье – значительно чаще. Мама с папой приезжали почти каждый выходной. Я высматривал их в бинокль в сходящей по мосткам толпе и, увидев, опростетью бросался встречать по спускавшейся к берегу грунтовой дороге.

До сих пор хорошо помню, где что росло. Мне нравился запах малинника, здорово было сидеть под вишнями, выгрызать горошинки из пахнущего зеленой свежестью стручка, искать среди шершавых широких листьев огурцы, вдыхать аромат помидорных кустов, наслаждаться сладостью поспевшей клубники, наблюдать вызревание кистей винограда. Вместе со взрослыми я и Милочка сажали, пололи, окучивали, обрезали, поливали, собирали.

Главными цветами тогда считались георгины. Они росли по сторонам спускающейся с веранды в сад лестницы. В моду входила мальва с её длинными стеблями и крупными цветами. Сажали её большей частью вдоль границ участков. Васильки, ромашки, другие полевые цветы считались сорняками. С большим азартом я охотился за бабочками и стрекозами. Как-то решил поймать стрекозу за хвост, а она, выгнувшись, преобольно укусила. Однажды дядя Андрюша показал мне диковинное насекомое – богомола. Насмотревшись, я его с детской бездумной жестокостью задавил, за что был немедленно пристыжён.

Николай Васильевич был в хороших отношениях с семейством знаменитых саратовских врачей Захаровых, огромная двухэтажная дача которых стояла в нижнем ряду близко к Волге. Мы с Милочкой были приглашены на день рождения их дочери Наташи, которая была немного старше нас. В обширном зале накрыли длинный стол, по центру которого «восседал» ананас. В то время эти заморские диковинки мы знали только по книгам да журналу «Вокруг света». Ну а после угощения ребятню ждало главное развлечение: поперёк веранды протянули шнур

с подвешенными на верёвочках подарками. По жребию друг за другом, после завязывания глаз повязкой и раскручивания, с большими ножницами в руках мы пытались счастья. Я заранее нацелился на самый объёмистый свёрток и – вот удача – срезал его! Нет, то не был игрушечный автомобиль – в руках у меня оказалась здоровенная морковь. Даже трудно представить степень моего разочарования!

По овражной стороне ведущей к Волге дороги и дальше от берега находились три дачи – огромная и полузаброшенная «полковничья», как называли её по воинскому званию владельца, окружённая высокими старыми акациями и производившая мрачное впечатление. С её хозяином почти никто знаком не был, да он и появлялся едва ли не с частотой солнечного затмения. За ней тянулось простецкое одноэтажное здание, принадлежавшее Саратовскому отделению Союза художников, которые приезжали на этюды. Один из них, имя которого никак не вспомню, написал меня. Я позировал на берегу с надетым наисокок надувным кругом. Другой, куда более известный в те годы, Новосельцев, написал этюд – портрет Милочки.

В третьей даче жил священник, почти постоянно носивший рясу. Мы с Милочкой, дурачась, как-то раз закричали ему, когда он шёл на Волгу купаться: «Гром гремит, земля трясётся, поп на курице несётся». Был самый разгар хрущёвских гонений на церковь, в газетах и журналах печатались карикатуры на священнослужителей.

Если же говорить о грозах настоящих, то это казалось концом света. Подобного грохота в городе не бывало никогда. Бабушка очень боялась ударов молний и не выходила в это время во двор. В хоро-

шую же погоду она отправлялась со мной и Милочкой на пляж. Мне жутко нравилось нырять, что её просто изводило. Долго я не мог научиться плавать. Помог дядя Андрюша. На лодке он вывез меня на глубину неподалёку от пляжа и велел плыть к берегу, что я и сделал. С этого дня надувной круг мне уже не требовался.

А с Коккой мы ходили гулять на высокий склон с вековым дубом, что рос несколько севернее дачного посёлка. Оттуда открывался замечательный вид на Волгу и заводи левобережья.

Воспоминания о Пристанном окрашены и печалью. Только два лета из четырёх прошли вместе с Милочкой. Она умерла от белокровия.

*С Милочкой на даче в Пристанном.
Фотограф С. В. Михайлов. 1962 год*

**Александр
ДЕМЧЕНКО**

В КАМНЕ И КИСТЬЮ

«Каменную» историю Саратова, которая запечатлена в памятниках архитектуры (о ней шла речь в очерке, опубликованном в номере 7–8 2016 журнала «Волга–XXI век»), дополняет монументальная скульптура, украшающая улицы, площади и набережную города.

Начало ей было положено сравнительно недавно. По постановлению Саратовской городской думы в самом начале XX века провели конкурс с целью увековечения памяти Александра II как *«Великого Преобразователя России»* (из текста постановления). Из одиннадцати предложенных проектов комиссия отобрала два и приняла решение: из проекта М. Чижова взять модель статуи императора, а из проекта С. Волнухина – пьедестал в виде четырёхгранной пирамиды с четырьмя фигурами, символизирующими основные деяния Александра II. Торжественное открытие памятника состоялось в 1911 году в дни празднования 50-летия со времени

обнародования указа об освобождении крестьян от крепостной зависимости.

Грандиозный монумент был установлен перед главным входом в «Липки» (там, где теперь стоит памятник Чернышевскому) и разобран в 1918 году. Игно-

Саратов. Памятник Императору Александру II.

-
- Александр Иванович Демченко – профессор Саратовской государственной консерватории имени Л.В. Собинова, профессор Саратовского государственного университета, Саратовского государственного социально-экономического университета, Оренбургского государственного университета искусств имени Леопольда и Мстислава Ростроповичей. Член Союза композиторов РФ, Союза журналистов РФ. Заслуженный деятель искусств РФ. Заслуженный деятель науки и образования. Лауреат Всероссийского конкурса на лучшее учебно-методическое пособие. Обладатель Золотой медали В.И. Вернадского за успехи в развитии отечественной науки и Почётного звания «Основатель научной школы». Почётный гражданин города Саратова.

рируя художественные достоинства мемориала и то, что им был увековечен царь-освободитель, победивший класс считал для себя неприемлемым возведение монумента царю. Между прочим, в «колыбели Революции», коей был Петроград, в это же время оставили в неприкосновенности не только знаменитые памятники Петру Великому и Екатерине Великой, но и монумент Николаю I, задушившему движение декабристов.

В саратовском памятнике уничтожения избежала одна из скульптурных групп, находившихся на пьедестале. Она олицетворяла проведённую императором реформу народного образования и после долгих мытарств была установлена в 1996 году в сквере у министерства образования Саратовской области. Теперь её именуют **памятником Первой учительнице**, поскольку скульптурная группа действительно представляет собой трогательную сценку: прилежная ученица, занятая чтением, и бережно склонившаяся к ней наставница. Это первый и пока что единственный в России памятник учителям.

Композиционная идея монумента Александру II почти столетием позже была использована в **памятнике П. А. Столыпину** (2002 год, скульптор В. Клыков). И, надо признать, использована не только плодотворно, но и, пожалуй, даже более впечатляюще. По четырём углам пьедестала автор расположил фигуры пахаря с плугом, кузнеца с молотом, воина в доспехах и священника с крестом, то есть тех, на ком, как говорится, земля держится. В них обобщены черты национальных типажей и безупречна стилизация старинных одежд и предметных атрибутов их занятий.

В центре, поднятая на высокий постамент, расположена отлитая в бронзе могучая фигура Столыпина высотой 3,5 метра, в парадной губернаторской одежде, при всех орденах. В осанке и позе – твёрдость, уверенность, что соответствует выбитому на пьедестале его знаменитому изречению: *«Нам нужна великая Россия»*. Параллель с Александром II правомерна: то были на разных этапах российской истории два крупнейших государственных деятеля, два реформатора. И, прежде чем стать самым выдающимся премьер-министром, Пётр Аркадьевич за три года своего губернаторства много сделал для процветания нашего края. Поэтому по праву первый в России памятник Столыпину установлен именно в Саратове.

Пётр Столыпин всеми силами стремился уберечь страну от революционных потрясений. Но верх одержали его противники, и России суждено было пережить полосу радикальных преобразований коммунистического толка. Летописью этого катастрофического периода стали многие монументы тех времён.

Наиболее ранний из них – **памятник «Борцам революции 1905 года»** (1925 год, скульптор Б. Королёв).

Он был призван напомнить о всей серьёзности политических событий 1905 года на саратовской земле, когда здесь возникли Советы рабочих депутатов, и на одном из митингов в поддержку Декабрьского восстания в Москве по приказу Столыпина войска открыли огонь (были убиты 8 человек и тяжело ранены 24). Однако сам памятник скорее является данью времени его создания, когда громогласно провозглашалась диктатура победившего пролетариата. Его олицетворяет мощная полуобнажённая фигура рабочего с молотом в руке (высота 4,4 метра). Спокойная поза, плечи и грудь – в широком развороте, взгляд устремлён вдаль – всё в этом вдохновенном образе говорит о поистине святой вере в будущее, ради которого было пролито столько крови. Впечатляет и огромный ступенчатый постамент (высота 7,5 метра), выполненный в конструктивистской манере. Все его гранитные плоскости заполнены надписями и рельефами, посвящёнными различным этапам революционного движения.

Большим достоинством памятника **«Борцам социалистической революции 1917 года»** (1957 год, скульптор А. Перфильев) является динамично разработанный сюжет социальных схваток: трёхфигурная

композиция (рабочий, солдат и матрос), увенчанная развевающимся знаменем, исполнена неподдельного героико-драматического пафоса. Десятилетие спустя перед монументом был зажжён Вечный огонь.

Последовавшая за Октябрьской революцией Гражданская война своё лучшее отображение нашла в **памятнике Чапаеву** (тот же 1957 год, скульптор П. Баландин), установленном на родине легендарного комдива, в городе Пугачёве. В призывной позе народного полководца, высоко поднявшего руку с шашкой и слившегося с богатырской статью вздыбленного коня, с исключительной силой передана энергия дерзновенного порыва, отваги и самоотверженности. И можно только диву даваться, что столь вдохновенное создание установле-

но на примитивнейшем кубе, сложенном из грубого кирпича.

Великая Отечественная война как следующее важнейшее событие нашей истории XX века самым достойным образом отмечена **мемориальным комплексом «Журавли»** (1980–1982 гг., архитектор Ю. Менякин). Это именно комплекс, слагаемые которого расположены по единой восходящей линии: входная площадь, мемориальный камень с Вечным огнём, аллея Славы, фонтан Памяти, парадная военная лестница, обзорная площадка, в центре которой установлена мемориальная стела. Лестница, ведущая к стеле, состоит из пяти

маршей – это пять лет войны, с указанием года и названием городов, в обороне или освобождении которых принимали участие саратовцы: от Бреста, Смоленска, Одессы и других городов в 1941-м до Варшавы, Праги, Берлина и других городов в 1945-м. Стелу образуют три пилон высотой 40 метров с золотыми звёздами по центру и клином двенадцати серебристых журавлей, символизирующих души погибших солдат. Образ птичьей стаи навеян песней «Журавли» на стихи Р. Гамзатова.

*Мне кажется порою, что солдаты,
С кровавых не пришедшие полей,
Не в землю нашу полегли когда-то,
А превратились в белых журавлей...*

Силуэты летящих птиц и стела в целом решены в строгой символической манере. Эта взмывающая ввысь громада находится на самой высокой точке Соколовой горы, природный рельеф которой дополнительно поднят сооружением рукотворного холма в виде усечённого конуса. Кроме того, в состав мемориального комплекса входят скульптурные композиции «Молчащий колокол» и памятник малолетним узникам фашизма, а на аллее Славы установлены плиты с высеченными на них именами саратовцев – Героев Советского Союза и кавалеров ордена Славы, а также бюсты дважды Героев Советского Союза.

Масштабность пространственного решения мемориала усилена тем, что рядом с ним на территории парка Победы разместились два больших корпуса Музея боевой славы и на открытом воздухе – уникальная экспозиция военной техники. А поодаль расположилась Национальная деревня, где представлены жилища различных народов, живущих в Саратовской области, с презентацией характерных для их уклада усадеб, домов, замков, юрт.

В том же парке Победы на Соколовой горе установлен **памятник «Землякам, погибшим в локальных войнах»** (2009 год, скульптор А. Садовский, архитектор А. Зайцев), в память о военных конфликтах в Афганистане, Чечне и других «горячих точках». Молодой полубогажённый боец с автоматом в одной руке и с тюльпаном в другой подан в сурово-скорбном наклоне головы и всей фигуры, за ним взметнулось взвихренное пламя бедствий, и надпись на постаменте: *«Прошедшим огонь войны»*. Столь остроэкспрессивную, болевую трактовку дополняет окружающая скульптуру монументальная

архитектурная конструкция с выгравированными именами 318 саратовцев, не вернувшихся домой из различных регионов планеты после 1945 года.

Подобно тому, как в саратовском зодчестве последнего времени в предыдущем очерке была отмечена в качестве приоритетной линия, связанная с утверждением классических принципов, так и в монументальной

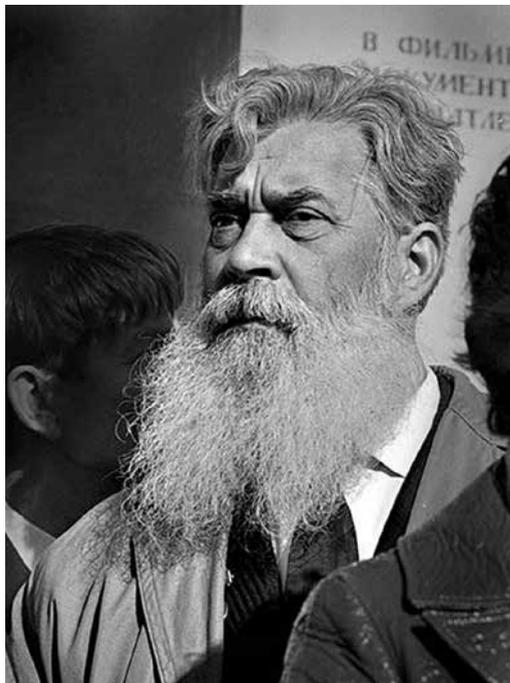

ментальной скульптуре наиболее плодотворными оказываются работы, ориентированные на творческое преломление устойчивых художественных традиций. Далёкое предвосхищение этой тенденции можно отметить в **бюсте П. Н. Яблочкова** (1969 год, скульптор К. Суминов) у колледжа радиоэлектроники, носящего его имя. Выдающийся изобретатель, подаривший миру дуговую лампу, предстаёт здесь как типичный русский интеллигент второй половины XIX века.

Другой бюст – **губернатора А. Д. Панчулидзева** (2000 год, скульптор В. Степанов). Его облик наделён благородством и одухотворённостью. Но это представитель иного времени, причём пушкинской эпохи (губернаторствовал с 1808 по 1826 год), – отсюда соответствующий костюм и близость к привычному для нас романтическому образу великого поэта. Панчулидзева ревностно заботился о благоустройстве Саратова, в том числе при нём заложен Городской парк, где была и его усадьба. Здесь же теперь находится его бюст – как первого из известных саратовских губернаторов.

К безусловной классике наших дней следует с полным основанием отнести рассмотренный выше памятник Столыпину и **памятник Кириллу и Мефодию** (2009 год, А. Рожников), правомерно нашедший себе место у главного входа в новый корпус университета. Величавые фигуры седобородых старцев в широких ниспадающих одеяниях, подчеркнута серьёзные, типично русские лики, обрамлённые нимбами, в руках одного – раскрытое Евангелие, у другого – свиток с круп-

ными письменами, а за ними – большой крест. Всё в атрибутике этого бронзового изваяния находится в русле устоявшихся представлений о славянских просветителях и – шире – о подвижниках православной веры вообще.

Отдельную большую страницу в монументальную пластику Саратова вписал *Александр Павлович Кибальников* (1912–1987 гг.). Пятнадцатилетним подростком приехал он из деревни Орехово и работал в Саратове на заводе. Затем учился в Художественно-промышленном техникуме (так именовали тогда Саратовское художественное училище) и после его окончания был художником-декоратором в театре. Во время Великой Отечественной

войны – активный участник саратовских «Окон ТАСС». Саратов считал своим родным городом.

Ваянием Кибальников увлёкся ещё в техникуме, где он учился на живописном отделении, и вскоре скульптура стала определяющим интересом его жизни. К 1950-м годам он вырос в крупнейшего отечественного монументалиста со своим ярко выраженным творческим почерком. Его работы отличают стремление к крупным художественным обобщениям, мужественная сила и цельность образов, выразительность психологических характеристик, острота пластического решения. Таковы его прославленные памятники В. В. Маяковскому (1958 год, Ленинская премия 1959 года) и П. М. Третьякову (1962 год, установлен перед Третьяковской галереей в 1980-м) в Москве, С. А. Есенину (1975 год) в Рязани. Характерное для него тяготение к драматической героике и суровой мощи получило своё кульминационное выражение в изваяниях мемориального ансамбля «Защитникам Брестской крепости» (1970–1971 гг.).

Для Саратова Кибальников выполнил четыре большие работы – это памятники А. Н. Радищеву, Н. Г. Чернышевскому, К. А. Федину и В. И. Ленину. Что касается последнего из них, необходимо заметить следующее: скульптор неоднократно обращался к образу вождя, и его памятники, находящиеся в разных городах, весьма различаются между собой. Саратовский памятник (1970 год) выделяется среди них чрезвычайной укрупнённостью (9-метровый бронзовый образ-глыба), а также характерностью указующего жеста.

Стоит сказать об одной особенности творческого процесса этого выдающегося скульптора: выходя на избираемый для ваяния образ, он

глубоко вживался в него и неоднократно возвращался к нему в целом ряде работ разного плана и жанра. Так, образ знаменитого земляка Николая Гавриловича Чернышевского стал занимать его воображение едва ли не с середины 1930-х годов, и известность к нему как скульптору пришла в 1939-м, когда он принял участие во Всесоюзном конкурсе на проект памятника Чернышевскому. В 1944 году Кибальников вылепил небольшую гипсовую фигуру Чернышевского, в 1946-м сделал скульптурный портрет, а в 1948-м – бронзовую статую.

Всё это были яркие, выразительные работы, каждая из них имеет самостоятельную художественную ценность. Результаты творческих исканий скульптора воплотились в проекте памятника Чернышевскому (1940–1948 гг.), за который он был удостоен в 1949 году Сталинской премии. Установили его в 1953 году, и с тех пор фигура мыслителя стала одним из визуальных символов Саратова.

В аналогичном ракурсе Кибальников создавал и памятник А. Н. Радищеву – как неординарно мыслящей, глубоко одухотворённой личности. Созданию предшествовала длительная предыстория. В 1918 году перед зданием Художественного музея его имени водрузили скульптурную композицию под названием «Свобода» (скульптор П. Дундук): рвущая цепи фигура на фоне каменной застенка, по всей видимости, должна была символизировать самого Радищева. Сделанная из недоброкачественного бетона, скульптура вскоре разрушилась. С 1936 года на её месте стояла декоративная ваза, что имело своей целью подчеркнуть причастность здания к высокому искусству.

В 1951 году появилось первое скульптурное изображение Радищева. Опять-таки выполненное из недолговечного материала, оно было демонтировано и в 1956 году заменено изваянием работы Кибальникова. Но поскольку оно было изготовлено из гипса, его приходилось закрывать в зимнее время, поэтому в 1971-м решили установить другую скульптуру. Однако по художественной ценности она весьма уступала творению Кибальникова, и в 1975 году был изготовлен и установлен гранитный аналог гипсового изваяния, который мы видим перед входом в Радищевский музей по сей день.

***

Переходя к тому разделу пластических искусств, который представлен живописью и графикой, констатирую, что на протяжении почти всего XIX века фигуры художников были сугубо эпизодическими: Ж.-Б. Савен, по происхождению француз (портреты и акварели), акварелистка М. Жукова, А. Годин (был первым учителем М. Врубеля) и Ф. Васильев (первый наставник В. Борисова-Мусатова), портретисты и церковные живописцы А. Игорев и Н. Россов. В основном за пределами Саратова работали его уроженцы, которые были по-настоящему известными художниками, – В. Журавлёв и А. Харламов.

Высокому расцвету саратовской живописи предшествовала творческая деятельность приехавшего из Италии Г. Баракки и выпускника Петербургской Академии художеств В. Коновалова. Они оказали решающее воздействие на местную художественную школу, основными представителями которой стали В. Борисов-Мусатов, П. Кузнецов, П. Уткин, А. Савинов, К. Петров-Водкин (уроженец Хвалынского), а также скульптор А. Матвеев.

С 1897 года начинается отсчёт своей истории Саратовское художественное училище имени А. П. Боголюбова, что определило последующую отлаженность в воспитании художественных кадров. Оно открылось как Боголюбовская рисовальная школа, которая поначалу разместились в здании Художественного музея, уникальная коллекция которого являлась для учеников лучшим подспорьем в овладении профессиональными навыками. В 1918 году школа была реорганизована в Свободные художественные мастерские, в 1919-м – в Высшие государственные художественно-технические мастерские. Затем на этой базе в 1920 году открылся Художественно-практический институт, а в 1923-м – Художественно-промышленный техникум. Наконец, с 1937 года – это Художественное училище.

Среди выпускников училища значатся такие выдающиеся мастера, как П. Кузнецов и А. Матвеев, народные художники СССР Н. Жуков и А. Кибальников, народные художники России Б. Неменский, И. Севастьянов, Н. Суворов, Л. Головницкий, А. Учаев и многие другие.

Вернёмся в «звёздные» для Саратова годы, чтобы напомнить о тех, кто возглавил плеяду замечательных мастеров изобразительного искусства и был в авангарде так называемой эпохи «культурного взрыва», как обозначают иногда высокие художественные свершения конца XIX и начала XX столетия. Разумеется, это только что названные Борисов-Мусатов, Кузнецов и Петров-Водкин.

***

Виктор Эллиидифорович Борисов-Мусатов (1870–1905 гг.) родился в Саратове, учился в Реальном училище, но оставил его, чтобы серьёзно заняться живописью. Позднее, совершенствуясь вначале в Москве, а затем в Петербурге, лето проводил в Саратове, много работая на пленэре. После трёхлетнего пребывания в Париже до конца жизни находился в родном городе. Писал он в основном с натуры в окрестностях Саратова. Расцвет творчества приходится на последнее пятилетие жизни, с 1901 года. Двойная фамилия сложилась ввиду восхищения художника незаурядной личностью деда – Бориса Александровича Мусатова, имя которого он присоединил к родовой фамилии. Это был первый из плеяды крупных живописцев, появившихся в Саратове с конца XIX века. В нашем городе открыт Музей-усадьба В. Э. Борисова-Мусатова.

Основная часть его творчества была связана с завершающим этапом эволюции классического искусства, что нашло метафорическое выражение в широкой разработке мотивов осени и заката. Целый ряд его полотен носит соответствующие заголовки: «Осенний мотив» (дважды – в картинах 1899 и 1901 гг.), «Осенний вечер» и «Прогулка на закате», «Отблеск заката», «На закате» и т. д. Мир его живописи – это прежде всего мир безвозвратно уходящего дворянского прошлого. Обитатели староусадебных домов и парков у него главным образом молодые женщины в пышных старинных платьях с кринолинами и с веером в руках.

С точки зрения определяющей роли женских персонажей для картин Борисова-Мусатова очень показателен «Автопортрет с сестрой» (1898 год), где художник сдвигает своё изображение в сторону, вынося часть фигуры вообще за пределы полотна. Всё внимание сосредоточено на сестре, в которой он видел нечто очень типичное для того времени, и потому она служила излюбленной моделью многих его работ.

В облике мусатовских героинь почти всегда сквозит что-то элегическое, на них часто лежит печать меланхолии. Глубокая задумчивость, тень усталости и озабоченности на лице, истома поникшей головы, бессильно упавшие руки – эта грусть-печаль, статичность, анемия особенно ощутимы на фоне цветущей природы, подаваемой с ярко декоративной красочностью («Водоём», 1902 год).

В. Э. Борисов-Мусатов. «Водоём»

Возникает заведомое несоответствие: девушки как главные персонажи картин Борисова-Мусатова должны бы, по идее, наполнять полотна мотивами молодости, радости,

в реальности передают ощущение стынувшей жизни, её исчерпанности, – таков завуалированный, но сильный внутренний диссонанс многих полотен художника.

Изображаемое в них существование «дворянских гнёзд» всё более тонет в дымке воспоминаний о былом, как бы погружается в сон, становится зыбким и призрачным. Да и обитатели опустевших усадеб превращаются в подобию призраков. Именно так и называется одна из картин – «Призраки» (1903 год), где видение дворцовой постройки расплывается, дерево с остатками блёклой листвы – почти фантом, одна из двух человеческих фигур действительно призрачна, а другая почти исчезла, срезанная краем полотна. И остаётся пропеть панихиду уходящей жизни, что и происходит в картине с симптоматичным названием «Реквием» (1905 год).

Наряду с осенне-закатными мотивами в творчестве Борисова-Мусатова неустанно утверждалась мысль о том, что с уходом дворянского мира жизнь, конечно же, не закончится, увядание – вещь преходящая, а всеобщее бытие вечно и бесконечно. Эту мысль он раскрывал через образы цветущей природы, часто исключая человека как глennое существо. Важнейшим объектом изображения становится буйство весеннего цветения: «Весна» (1901 год), «Весенняя сказка» (1905 год). Весеннему цветению может уподобляться даже осенний пейзаж, своим золотом красок напоминая о пушкинском восхищении этим временем года («Осенняя песнь», 1905 год). Непостижимое и радостное чудо жизни приобретало ликующий характер в пейзажах и натюрмортах с цветами: «Окно» (1886 год), «Маки в саду» и «Цветы» (обе – 1894 год), «Розы и серёжки» (1901 год), «Венок васильков» (1905 год).

Творческое наследие Борисова-Мусатова совершенно определённо соотносится с культурой Серебряного века. В частности, он активно и сознательно развивал свойственное этой культуре стремление сблизить живопись с музыкой. Его полотна пестрят соответствующими заголовками: «Летняя мелодия», «Осенний мотив», «Мотив без слов», «Романс» и т. п. Как и у ряда других мастеров изобразительного искусства того времени, мы находим у Виктора Эльпидифоровича претворение на русской художественной почве принципов импрессионизма. Делал он это очень по-своему, добиваясь неуловимо-расплывчатой зыбкости тона и часто прибегая к пастели, нежным размытым тающих красок («Куст сирени», 1905 год).

Особая грань мусатовского своеобразия – в характерной для него поэтике провинциальной жизни, исключаяющей столичный лоск и претензии на аристократизм. Отсюда на его картинах довольно невзрачные усадебные постройки, лишённые архитектурных красот, и простоватые лица барышень, одетых по давно ушедшей моде прошлых лет.

***

Павел Варфоломеевич Кузнецов (1878–1968 гг.) родился в Саратове и получил здесь профессиональное образование как живописец. Главное открытие для мира искусства сделал в Саратовском Заволжье, разрабатывая свой так называемый «Киргизский цикл». В Саратове открыт Дом-музей Павла Кузнецова. После В. Борисова-Мусато-

ва он был следующей по счёту выдающейся фигурой эпохи «культурного взрыва» в искусстве нашего города. Один из трёх крупнейших художников-волжан, оказавшихся ровесниками: в том же 1878 году родились К. Петров-Водкин в Хвалынске и Б. Кустодиев в Астрахани.

На этапе раннего творчества Павел Кузнецов испытал сильное влияние В. Борисова-Мусатова. Однако влияние это касалось в основном той стороны наследия старшего современника, которая вела к символистским прозрениям. И если у Борисова-Мусатова подобное было только на уровне предвосхищения данной тенденции, то у Кузнецова она получила, пожалуй, своё предельное выражение для русского искусства. В чём-то он шёл и по пути позднего Клода Моне, с характерным для его работ растворением конкретных земных объектов в призрачно-аморфной пелене.

Обращаясь к мотивам сна, мистического видения, загадочных ритуалов и к таинству ирреально-запредельного, Кузнецов доводил зыбкость и размытость очертаний предметной среды до их полной дематериализации, всемерно создавая при этом мерцающей сине-голубой колорит полуночи. Пик символистских исканий, с выходом к неким фантомам трансцендентного, приходится на середину 1900-х годов («Голубой фонтан» и «Утро» – обе работы 1905 года, «Рождение» – 1906-го).

На рубеже 1910-х годов в творчестве Кузнецова происходит резкий разворот в прямо противоположном направлении. На смену изыску туманных измышлений эстетствующей фантазии приходят примитивизм чётко обведённого линейного контура, демонстративно плоскостного изображения, опрощённость и огрублённость в обрисовке предметов, лиц, фигур в их подчёркнуто «вещной» осязаемости и материальности.

Воссоздаваемые в этой манере жанрово-пейзажные сюжеты художник черпал в жизни Востока, который простирался для него от Крыма («Весна в Крыму», «Дорога в Алупку») через Кавказ и Среднюю Азию («Натюрморт с сюзане», «Бухарский натюрморт», «Женщина в Бухаре», «Сбор плодов. Азиатский базар») и до дальневосточных земель («В храме буддистов», «Натюрморт с японской

П.В. Кузнецов. «Сбор плодов. Азиатский базар»

гравюрой»). Но главной для себя территорией Кузнецов определил наше Заволжье, где тогда ещё встречались степные кочевья тех, кого условно именовали киргизами. В наблюдениях за их жизнью родилась знаменитая «киргизская серия», составившая самую сильную и оригинальную часть художественного наследия Кузнецова.

Интерес к экзотике «киргизского» Востока, давший столь потрясающий результат, таил в себе стремление сойти с орбиты «цивилизованного существования», в своих многовековых наслоениях давно потерявшего связь с первоосновами естества, и в художественных образах напомнить современникам об этих первоосновах на примерах из жизни кочевников. А с точки зрения искусства за этим стояло желание преодолеть накопившуюся инерцию классических традиций, следование которым к началу XX века уже сковывало художественную мысль. И то первоуродное, что несколько ранее Поль Гоген искал на островах Полинезии, Павел Кузнецов нашёл гораздо ближе – в степях Заволжья.

И подобно Гогену «таитянского цикла», но очень по-своему и, пожалуй, даже в большей степени примитивизм Кузнецова отличался ярко выраженной поэтической нотой. За якобы «неумелостью» письма с нарочитой деформацией в воспроизведении предметной среды и схематической обрисовкой людей и животных таилось любовное отношение к жизни степных кочевий, что очевидно и в красочном декоративизме цвета (Кузнецов часто работал темперой), и в воздушной ауре высветленных нежно-голубых тонов, и в своеобразном изяществе очертаний женских лиц и фигур.

Совершенно уникально заявил о себе поэтический примитивизм Кузнецова в воссоздании пантеистических ощущений слитности человека с природой и земного мира с небесными высями. Так, в нижней части картины «Мираж в степи» (1912 год) с наивной непосредственностью живописуются реалии степной жизни (фигурки людей и животных, разбросанные в беспорядке кибитки), но эта жизнь приобретает особый смысл и колорит ввиду того, что доминирующую часть полотна занимает фантастическое видение некоего уникального действия небес: то ли идущее снизу вверх извержение циклопических гейзеров, то ли низвергающиеся с небес невиданные водопады. В этом видится своеобразная проекция распространившейся в начале XX века идеи космизма, которая получила здесь удивительную иллюстрацию того, как земное может срастаться с феерией вселенской материи.

Магистральное и самое драгоценное, специфически «кузнецовское» оказалось сфокусированным в мощном выплеске, охватившем всего три года (1911–1913 гг.), когда появилось множество работ «киргизской серии», в том числе «Семья киргиза», «Киргизка», «Спящая в кошаре» (1911 год), только что названный «Мираж в степи», «Вечер в степи», «Весна в степи», «Дождь в степи», «Стрижка овец», «У водоёма», «Гадание» (1912 год), «Восточный мотив», «В степи», «Степной пейзаж с юртами» (1913 год). К началу 1920-х годов «киргизские мотивы» обнаруживали себя только отдельными отголосками («Стрижка баранов», «Кибитки»), и восточная тематика вообще отходила в прошлое («Елена Бebutова», 1922 год).

Впереди предстояли ещё многие десятилетия жизни, но от времени блистательного взлёта художник наследовал главным образом столь присущий его манере красочный декоративизм («Цветы», 1939 год).

***

Кузьма Сергеевич Петров-Водкин (1878–1939 гг.) родился и провёл многие годы в Хвалынске Саратовской губернии. Несомненно, именно окрестности этого города с их холмистым ландшафтом подтолкнули художника к разработке идей так называемой сферической перспективы. Хвалынск чтит память своего знаменитого земляка: здесь открыт Художественно-мемориальный дом-музей К. С. Петрова-Водкина, работает Картинная галерея его имени, а в 2008 году ему установлен памятник. В плеяде выдающихся саратовских художников конца XIX–начала XX века он выделяется чрезвычайно широким диапазоном творческих интересов, впечатляющей многогранностью художественного наследия.

После ряда предварительных опытов 1900-х годов Петров-Водкин выходит в начале 1910-х на узловые для себя темы творчества, которые он разрабатывал на основе использования чистого, локального цвета и пластической ясности образов. Первой из этих тем была тема крестьянской России, и среди мастеров изобразительного искусства начала XX века не было равных ему по силе и органичности её претворения.

О коренной причастности к ней свидетельствует написанный в 1912 году автопортрет, где художник изображает себя в посконной рубахе, с грубоватыми, чисто мужицкими чертами лица. Но в целом при воссоздании персонажей крестьянского мира господствующей для Петрова-Водкина была установка на внеобыденную, обобщённо-приподнятую их обрисовку. Разумеется, это касалось не только героев фольклорно-легендарного эпоса (панно «Микула Селянинович», 1918 год), но и распространялось на типажи из самой низовой среды.

Действие данного принципа в полной мере сказывалось и на разработке сюжетов. Замечательный пример – картина «Полдень» (1917 год), где посредством свободного сопряжения различных временных и пространственных планов просматривается весь путь человека – от рождения до погребения. Хроника различных эпизодов жизни размещена на множестве плоскостей, что рождает ощущение бескрайнего земного простора.

Таким образом, художник, подобно древнерусским живописцам, создаёт как бы житие крестьянина, разместив в рамках единой композиции основные вехи его бытия (словно в клеймах иконы). А высокая нота звучания этой многоликой сюиты образов обеспечивается ярким декоративизмом цвета – полотно буквально источает лучезарное сияние животворного солнечного света, утверждая нетленность того, что заключено в народно-национальной тверди.

Именно на материале крестьянской жизни Петров-Водкин неустанно развивал тему материнства, сложив в красках подлинный гимн. Следуя народному идеалу женщины-матери, он изображает её статной, с округлым миловидным лицом, бесконечно нежной и непре-

менно кормящей. Таков и младенец – крепкий, полнотелый. Оба радуют здоровьем, спокойствием, и над всем разлит мягкий золотистый свет благоденствия (целая серия картин с тождественным заголовком «Мать» – 1913, 1915, 1920, 1925 гг.).

Образы материнства в художественной системе Петрова-Водкина созвучны тому обширному миру, который определяется понятием *святость Руси*. Мир этот мог находить преломление и через прямое претворение высших традиционных символов, прежде всего богородичных («Богоматерь Умиление злых сердец», 1915 год). Но гораздо важнее для художника было стремление выявить черты сакральной духовности в натуре своего современника. Чаще всего он создавал уникальный сплав того, что шло от иконных ликов, с живыми приметами реальной русской женщины-крестьянки («Девушки на Волге», 1915 год).

В том же ряду находятся портретные зарисовки подростков и юношей, которым Петров-Водкин сообщал ангелоподобный облик. И параллельно тому, что программно обозначено как «Голова ангела» (1915), появляются работы, практически ничем не отличающиеся от названной («Голова юноши» – 1910 и 1916 гг.). Крестьянки-богородицы и мальчики-ангелы через соотнесённость с поисками духовных глубин и через ассоциации с древнерусской иконописью возвеличивали образ русского человека начала XX века.

В историю изобразительного искусства Кузьма Петров-Водкин вошёл прежде всего как летописец лихолетья, обрушившегося на Россию, начиная с Первой мировой войны, а затем, после революций 1917 года, многократно умножившегося во времена Гражданской войны и, если судить по его работам, не оставлявшего страну не только в 1920-е, но и в 1930-е годы. Как никто другой из отечественных живописцев, он последовательно, настойчиво и во всевозможных гранях фиксировал тяготы сурового времени, наложившие свою печать на любые стороны человеческого существования.

Так, иконописные образы наделяются скорбной выразительностью: глаза, с печалью вззирающие на мир, горестный наклон головы, мрачные тени на лице, общий затемнённый колорит («Голова ангела», 1915 год, «Мадонна с Младенцем», 1923 год). Такую же метаморфозу приобретают и столь характерные для творчества Петрова-Водкина изображения современников, наделяемые иконными чертами.

В знаменитой картине «1918 год в Петрограде» (1920 год), которую ценители справедливо нарекли «Петроградской Мадонной», кормящая ребёнка молодая женщина воспринимается как мать-заступница, охранительница жизни. Её фигура подана крупным планом и многозначительно поднята над тревожной сутолокой городской толпы, но атмосфере времени испытаний отвечают наполняющие её внутреннее напряжение, насторожённость, готовность к любым превратностям.

Свойственное художнику возвышение реальности посредством привнесения в облик современников иконописных черт могло распространяться практически на любые ситуации, в том числе и связанные с войной. В картине «На линии огня» (1916 год) изображён

отряд, брошенный в штыковую атаку, и впереди смертельно раненный молодой офицер – выражение его ангельского лица говорит о том, что принадлежавшая ему душа уже возносится к небесам. Картина «После боя» (1923 год) передаёт мгновенье затишья, когда три красных командира застыли в сакральном поминовении павших, чему вторит тёмно-синий фон небытия с призрачными тенями тех, кто не вернулся с полей сражений.

***

Сила интуиции, присущая Петрову-Водкину, проявилась в том, что он раньше многих других почувствовал наступившую с началом Первой мировой войны эру больших социальных потрясений. Их пророчеством явилось написанное в 1914 году символическое и поистине устрашающее полотно «Гибель». Обнажённых мальчиков, бегущих к реке купаться, настигает то, что в подзаголовке картины обозначено словом «Ураган». Перед его бушеванием мечущиеся фигурки с лицами, полными ужаса, совершенно беззащитны. Земля под ними вздыблена, полыхает зарево мирового разлома.

И когда, казалось бы, давно уже установилось мирное время, успокоение оставалось художнику чуждым, и он продолжал вещать о године нескончаемых жертв. В этом отношении очень показательны две работы 1928 года: «Смерть комиссара» и «Землетрясение в Крыму».

Одной из завершающих вех подобного рода стала картина «1919 год. Тревога» (1934 год). По стандартам прозаического реализма воспроизводится убожество скудной обстановки барачного типа, где поселилось чувство страха. Оно в стоящем спиной рабочем стариковского обличья, который боязливо заглядывает в окно. Но более всего обращает на себя внимание хрупкая девочка с глазами, полными слёз.

Боль от потрясений переломного времени Петров-Водкин с воистину пронзительной остротой передавал именно в портретах детей: в их широко открытых глазах затаились горечь и скорбь, а деформированные очертания детских головок говорят о лишениях («Фектя», 1916 год, «Дочь художника», 1923 год). Целую галерею детских лиц художник создал, побывав в голодном, 1921 году в Средней Азии: это этюды «Мальчик-узбек», «Голова мальчика-узбека» и «Шахи-Зинда», где главное не руины древнего храма, а поданная на переднем плане голова мальчика, в глазах которого бездонная печаль жизненной потерянности.

Рисую портреты взрослых современников, Петров-Водкин не позволял себе открытой экспрессии, но при всей сдержанности и строгости изображения подчёркивал линией и цветом, что переживаемая эпоха требовала высокого мужества, воли, собранности и простоты до аскетизма. Это заметнее всего в портретах людей искусства («Анна Ахматова», 1922 год, «Андрей Белый», 1932 год). Одним из самых ярких художественных документов времени тяжёлых испытаний стал автопортрет, выполненный в 1918 году: простенький свитер грубой вязки, бритая голова, заострённые черты лица, упрямо сжатые губы и прищуренные глаза, напряжённо всматривающиеся в мир.

К.С. Петров-Водкин.
«Анна Ахматова»

Передавая облик человека этого времени и царящее вокруг него, художник преимущественно использовал два цвета. Тёмно-коричневый на лицах получал настораживающе-землистый оттенок. Синий цвет предстал в оттенках от голубоватого с ультрамарином до бледно-синего с фиолетовым отливом. И если от первого веяло холодом тревог и отчуждённости, то второй был знаком смерти, которая неустанно подстерегала людей, с вожделием накладывая на них печать мертвенной синевы.

Совершенно особую художественную интерпретацию ощущение катастрофичности бытия тех лет получило в натюрмортах Петрова-Водкина. В них, вместо отлаженного взаимодействия горизонтали и вертикали, композиция выстраивается

вдоль наклонной оси, теряя под собой прочные основания. Всё наклоняется по касательной, предметы готовы соскользнуть со стола и обрушиться («Утренний натюрморт» и «Розовый натюрморт. Ветка яблони» – оба 1918 год).

Столь же неожиданным оказывается «Натюрморт. Селёдка» (тот же 1918-й) – с тощей рыбёшкой и двумя картофелинами, что могло быть пиршеством для рядового гражданина «страны Советов». Трудно представить себе более беспощадное свидетельство хроники «военного коммунизма».

Изредка Петрова-Водкина как летописца лихолетья тешила надежда на лучшее. Он претворял её в аллегорических образах, и всегда эти аллегории были связаны с фигурой всадника. Причём сутью изображения был не столько собственно всадник, сколько конь.

Впервые его образ предстал в картине, которая принесла художнику известность и стала живописным манифестом обновляемой России 1910-х годов – «Купанье красного коня» (1912 год). Здесь исполтинская и горделивая статья былинно-богатырского скакуна, представляющего в огненном полыхании цвета, символизировала стихийные силы, как бы поднимающиеся на поверхность жизни из глубин первобытия. Несколько лет спустя мир о жажде подобного обновления воскликнет устами С. Есенина.

*Сойди, явись к нам, красный конь!
Мы радугу тебе – дугой,
Полярный круг – на сбрую.
О, вывези наш шар земной
На колею иную!*

Так перебрасывался мост от начала 1910-х к рубежу 1920-х годов. И тогда появился другой конь Петрова-Водкина (рисунок «Первое мая», 1919 год). На волне прошедших революций и победы в Гражданской войне человек здесь обретает лик крылатого архангела и, сливаясь воедино с небесным конём, преодолевая земное притяжение, взмывает ввысь. Торжествует суровость до аскетизма, поэтому используются только два цвета – чёрный (тушь) и белый (бумажный лист), сочетание которых отдаёт холодком воронёной стали.

Последний конь художника появился в «Фантазии» (1925), когда мечта о лучшем ещё бередила воображение, но Петров-Водкин с его интуицией уже почувствовал её несбыточность. Вот почему всадник – босоногий крестьянский парнишка, своим жалким видом и подслеповатостью напоминающий стирающуюся под ним неухоженную землю и неустроенную жизнь. Так прозаическая реальность берёт своё, в ней гложет всё из ряда выходящее и превращаются в пустой звук благие порывы...

В заключение вернёмся к двум моментам, упомянутым в начале обзора творчества Кузьмы Петрова-Водкина. Первый из них касается разработанной художником так называемой сферической перспективы. Она реализуется посредством использования нескольких точек зрения, разворотом целого ряда плоскостей пространства перед взором зрителя так, что, открывая для себя пласт за пластом, он схватывает в одновременности предельно широкую панораму близких и далёких планов с эффектом вращения поверхности (в числе показательных полотен – «Полдень», «Весна», «Смерть комиссара»).

Второй момент связан с чрезвычайно широким диапазоном творчества Петрова-Водкина. Выше преимущественно отмечался его выдающийся вклад в отображение народной и, особенно, крестьянской жизни. Но, в сущности, он мог и умел в искусстве практически всё: воплощение человеческой красоты в призме идеалов «серебряного века» («Женский портрет», 1906 год), адекватное портретирование глубоко интеллигентных натур, не уступая в этом К. Сомову («Александр Бенуа»), натюрморты с чётко очерченной «вещностью», что шло от русского сезаннизма, или с восточной красочностью в духе М. Сарьяна («Айша») и т. д. Это «иное», не находящееся на магистрали творчества художника, выполненное на уровне неоспоримых шедевров и в дополнение к главному в его наследии, говорит об удивительной силе дарования...

Иногда можно встретиться со скептическим отношением к художественному наследию нашего города и нашего края. Отчасти это происходит ввиду того, что представления скептиков базируются на разрозненных, частичных впечатлениях от того достояния, которым мы располагаем. Но когда даже самые основные из этих впечатлений собираешь воедино, общая картина предстаёт весьма впечатляющей. Именно такая задача и была поставлена во главу предлагаемых заметок. Надеемся, что внимательный читатель пришёл к таким же выводам.

**Жанна
САПОЖНИКОВА**

СКАЗ О ЧЕРНЫШЕВСКОМ

Своему герою в честь 188-летия со дня его рождения музей-усадьба Н. Г. Чернышевского традиционно посвящает новую выставку.

Особенность – и неожиданность – выставки «Сказ о Чернышевском: век XIX–век XXI» – в попытке проследить, как живут во времени не только труды Чернышевского, но и его образ. Богатейшие материалы музейной коллекции дают эту возможность.

-
- Жанна Георгиевна Сапожникова – заведующая экспозиционным отделом МУК «Музей Н. Г. Чернышевского», организатор выставки «Сказ о Чернышевском».

Время отражается в череде портретов Чернышевского и картин из его жизни; изменяются и изображения родового дома – от реального жилища в рисунке 1880-х гг. племянницы Николая Гавриловича Веры Пыпиной до «места памяти», дома, ставшего музеем... Каждое последующее поколение всё пристальнее всматривается в детали биографии нашего героя, пытается «оживить» отдаляющееся прошлое, отыскивает свидетельства, позволяющие его увидеть.

История жизни Николая Чернышевского более всего известна в героическом прочтении; он становится сказовым героем уже при жизни. Вера в его сверхъестественное влияние на общество подтолкнула Достоевского просить Чернышевского о прекращении пожаров в Петербурге; эта же вера порождала страх, который диктовал доносы с призывами арестовать Чернышевского. Отсюда же ненависть, которая отзывалась радостью по поводу этого ареста в частных письмах великого князя Константина брату, императору Александру II.

Боготворившая Чернышевского часть общества остро ощутила неправедность судилища и приговора: он – герой, борец, особенный человек. Некрасов в стихотворении «Пророк» (1874 год), посвящённом Чернышевскому, возносит его образ до высот самопожертвования, сравнимых с вершиной христианского подвига:

*Его ещё покамест не распяли,
Но час придёт – он будет на кресте;
Его послал бог гнева и печали
Рабам земли напомнить о Христе.*

Некрасовский высокий стиль дал импульс поэтической героизации образа Чернышевского.

Сибирская ссылка вырвала Николая Гавриловича из активного общественного контекста, но именно это время сталкивало ссыльного с людьми иного сословия. Именно в этом мире появились легенды, представляющие героя в совершенно, казалось бы, неожиданном ключе – в других слоях общества, в народном сознании.

В. Г. Короленко записал, будучи в Сибири, рассказ якутского ямщика о Чернышевском:

«...Приведу здесь легенду, которая сложилась о Чернышевском ещё при его жизни в далёкой Сибири. Русское население Лены – это ямщики, поселённые здесь с давних времён правительством...

Эти люди, которые, как все люди, ждут чего-то и на что-то надеются, везли Чернышевского, когда его отправляли на Вилюй. Они заметили, что этого арестанта провожают с особенным вниманием, и долго в юртах этих мужиков, забывающих родной язык, но хранящих воспоминания о далёкой родине, толковали о «важном генерале», попавшем в опалу. В сентябре 1884 года, через несколько месяцев после приезда Чернышевского по Лене в Россию, мне пришлось провести несколько часов на пустынном острове Лены в ожидании, пока пронесётся снеговая туча. Мы с ямщиками развели огонь, и они рассказывали о своём житьишке.

– Вот разве от Чернышевского не будет ли нам чего? – сказал один из них, задумчиво поправляя костёр.

– Что такое? От какого Чернышевского? – удивился я.

– Ты разве не знаешь Чернышевского, Николай Гавриловича?

И он рассказал мне следующее:

«Чернышевский был у покойного царя (Александра II) самый первый сенатор. Вот однажды созвал государь всех сенаторов и говорит:

– Слышу я: плохо у меня в моём государстве, людишки больно жалуются. Что скажете, как сделать лучше?

Ну, сенаторы... один – одно, другой – другое... Известно уж, как всегда заведено. А Чернышевский молчит. Вот когда все сказали своё, царь говорит:

– Что же ты молчишь, мой сенатор Чернышевский? Говори и ты.

– Всё хорошо твои сенаторы говорят, – отвечает Чернышевский, – и хитро, да всё, вишь, не то. А дело-то, батюшка-государь, просто... Посмотри на нас: сколько на нас золота да серебра набешано, а много ли мы работаем? Да, пожалуй, что меньше всех! А которые у тебя в государстве больше всех работают, те вовсе, почитай, без рубах. И всё так идёт навыворот. А надо вот как: нам бы поменьше маленько богатства, а работы бы прибавить, а прочему народу убавить тягостей.

Вот услышали это сенаторы и осердились. Самый из них старший и говорит:

– Это, знать, последние времена настают, что волк волка съестъ хочет.

Да один за одним и ушли.

И сидят за столом – царь да Чернышевский – одни.

Вот царь и говорит:

– Ну, брат Чернышевский, люблю я тебя, а делать нечего, надо тебя в дальние места сослать, потому с тобой одним мне с делами не управиться.

Заплакал да и отправил Чернышевского в самое гиблое место, на Вилюй. А в Петербурге осталось у Чернышевского семь сынов, и все они выросли, обучились, и все стали генералы. И вот пришли они к новому царю и говорят:

– Вели, государь, вернуть нашего родителя, потому его и отец твой любил. Да теперь уж и не один он будет – мы все с ним, семь генералов.

Царь и вернул его в Россию, теперь, чай, будет спрашивать, как в Сибири, в отдалённых местах народ живёт... Он и расскажет...

Привёз я его в лодке на станок, да как жандармы-то сошли на берег, я поклонился в пояс и говорю:

– Николай Гаврилович, видел наше житьишко?

– Видел, – говорит.

– Ну, видел, так и слава те Господи».

Так закончил рассказчик в полной уверенности, что в ответе Чернышевского заключается залог лучшего будущего и для них...»

В этом великолепном рассказе Короленко отчётливо проявляется фольклорный образ реального персонажа, реального ссыльного, которого ямщики везли как в ссылку, так из ссылки. В рассказе возникают удивительные отношения сказового Чернышевского и такого же царя: Чернышевский даёт царю самый правильный совет, но царь Чернышевского со слезами и сожалением в ссылку отправляет, поскольку нет у него возможности править по справедливости. Чернышевский едет в Сибирь с совершенным пониманием горестного удела царя... Сам Чернышевский – генерал, семеро сынов – генералы, и тут же – истовая вера, что без Чернышевского царь не обойдётся, тем паче и поддержат его сыны-генералы; и всё царю про жизнь тяжёлую народную через Чернышевского будет известно...

Обращение художников к живописным и графическим интерпретациям образа Чернышевского, равно как эпизодам его биографии, стало возможным только после 1917 года; но основа изобразительного ряда возникла в XIX веке – это прижизненные фотографии, легальные и нелегальные, множество литературных и мемуарных свидетельств. Фотопортретов Чернышевского немного: пять прижизненных портретных снимков разных лет и фотография в группе членов Литфонда. Саратовским фотографом И. М. Егеревым была сделана фотография Чернышевского на смертном одре.

Музейные фонды располагают редкими и уникальными фотографиями Чернышевского, в том числе нелегальными, получившими распространение после ареста писателя, многочисленными фотокопиями и рисунками с фотографий.

Один из уникальных экспонатов на выставке – единственная известная подлинная фотография Н. Г. Чернышевского 1859 года, выполненная в фотографическом заведении В. Лауфферта. Фотография поступила в музей в 1960-е гг. из архива Веры Александровны Пышиной.

Вторая подлинная прижизненная фотография на выставке – один из отпечатков снимка 1888 года, сделанных в Астрахани, в фотографическом заведении С. И. Климашевской.

Каждый из имеющихся в музейных хранилищах фотопортретов – источник многочисленных копий.

Копировал фотографии отца Михаил Николаевич Чернышевский, прекрасный фотограф. На выставке представлены варианты таких высококачественных копий разных размеров и вариантов оформления. Два великолепных увеличенных портрета Чернышевского Михаил Чернышевский поместил в массивные резные рамы.

Интереснейшим явлением стало нелегальное изображение Чернышевского после его осуждения. Это могли быть и переснимки известных фотографий, и рисунки, и фотографии с рисунков.

Многие из них – с историями.

На обороте рисунка с фотографии 1859 года – запись:

«Этот портрет нарисован горным инженером Глушаковым в 1880 году в г. Пинеге Архангельской области, куда он был административно сослан. В 1881–1884 гг., 6 декабря каждого года, в Киеве студенты и почитатели Н. Г. Чернышевского, уроженцы Саратов-

ской губернии, украшали этот портрет цветами и праздновали день именин своего знаменитого земляка».

Эта драгоценная коллекция, хранящая облик Чернышевского, дала возможность художникам и скульпторам создать галерею образов этого замечательного человека.

Несомненно, в личности Николая Гавриловича современников привлекала его общественная роль. Особенно значимым это стало для последующих поколений; естественно, что ключевыми эпизодами биографии Чернышевского, служившими сюжетом для художников, были страницы, которые характеризуют писателя как властителя дум, общественного деятеля, как символ негибкости, символ верности идее, готовности пожертвовать собой во имя свободы для народа.

Именно тексты – книги, журналы, газетные вырезки – служат своего рода первичным источником различных интерпретаций как самой личности Чернышевского, так и эпизодов его биографии.

Среди них – издания начала века: труды К. Фёдорова – два издания «Жизнь русских великих людей. Н. Г. Чернышевский» – 1904 и 1905 гг.; воспоминания В. Н. Шаганова «Николай Гаврилович Чернышевский на каторге и в ссылке», 1907 г., книга А. С. Суворина «Очерки современной жизни», 1909 г., статьи из журналов «Русское богатство», «Голос минувшего», «Русская старина» и т. д.

Это и изданные в XX веке сборник архивных документов «Процесс Чернышевского» под редакцией Н. А. Алексева, 1939 г.; сборник документов «Дело Чернышевского» под редакцией И. В. Пороха, 1968 г., «Беседы о прошлом» (рассказы Е. Н. Пыпиной в записках Н. М. Чернышевской), 1983 г., антология «Чернышевский: Pro et contra». Составитель А. А. Демченко, 2008 г., двухтомное и однотомное издания воспоминаний современников...

Работы советских художников 30-х–50-х годов XX века показывают человека, не сломленного трагическим столкновением с правительственной машиной. Героизация остаётся актуальной и в последующие десятилетия – она диктует обращение к тем же ключевым моментам в биографии Чернышевского. На выставке ключевые эпизоды образуют своего рода «гнезда», собирающие разновременные и разноплановые изображения одного и того же эпизода.

Арест, гражданская казнь, заточение в Алексеевском равелине – сюжеты, востребованные как в сороковые–пятидесятые годы XX века, так и в более близкие к нам времена.

Работа В. Н. Сигорского «Арест Н. Г. Чернышевского в Петербурге» (1950-е гг.) воссоздаёт картину обыска и последующего ареста. Разбросанные на полу бумаги и книги, беспорядок в кабинете, отстранённая фигура Чернышевского – характерные детали событий, современных художнику, вместе с тем – сюжет, основанный на воспоминаниях и полицейских документах.

Известно, что за два с половиной месяца до ареста Чернышевскому было предложено от имени петербургского генерал-губернатора графа Суворова уехать за границу, иначе он будет арестован. Были обещаны паспорт и сопровождение до границы. Н. Г. Чернышевский отказался: *«Не поеду за границу, будь что будет».*

В. Н. Сигорский «Арест Н. Г. Чернышевского в Петербурге» (1950-е гг.)

7 июля 1862 года состоялся обыск на квартире у Николая Гавриловича, произведённый полковником Ракеевым. Книги, которых было очень много (несколько тысяч), были опечатаны в кабинете, бумаги и недозволенные книги отправлены в 3-е отделение. Обыск начался в два часа дня, а 7 июля 1862 года в пять часов дня Н. Г. Чернышевский был заключён в Алексеевский равелин Петропавловской крепости.

Тема допроса Чернышевского отражена в живописном полотне С. И. Куклинского «Чернышевский в Петропавловской крепости» (1950-е годы).

Первый допрос состоялся 30 октября 1862 года – с вопросами о знакомствах, о «сношениях с русскими изгнанниками». Чернышевский отрицал связь с Герценом и Огарёвым.

Второй допрос 1 ноября 1862 года – «о сношениях с русскими изгнанниками и другими лицами, ведущими противоправительственную пропаганду. Ответ – отрицательный».

В письме к Александру II от 20 ноября 1862 года Чернышевский заявляет, что в его деле нет обвинений, что все они основаны на слухах, ходивших о нём в Петербурге. Письмо вернулось от императора в следственную комиссию без ответа.

На всех остальных допросах, зимой и весной 1863 года, Н. Г. Чернышевский постоянно отрицает своё участие в составлении и печати прокламаций и связи с революционным подпольем. 12 апреля 1863 года Чернышевский заявил: *«Сколько бы меня ни держали, я поседею, умру, но прежнего своего показания не изменю».*

Ю. М. Казмичев «Гражданская казнь Чернышевского, 1950 гг.

Эпизод гражданской казни привлекал художников особенно часто. Гражданская казнь Н. Г. Чернышевского состоялась 19 мая 1864 года в 9 часов утра. Ему зачитали приговор: *«Чернышевского, виновного в сочинении возмутительного воззвания, передаче оногo для тайного печатания с целью распространения и в принятии мер к ниспровержению существующего в России порядка управления, лишить всех прав состояния, сослать на каторжную работу в рудниках на семь лет и затем поселить в Сибири навсегда».* Во время чтения приговора на площадь был брошен букет цветов, ещё три букета бросили к карете. За это были отправлены к обер-полицейстеру девица М. П. Михаэлис и молодой человек, сопровождавший её, – П. И. Якушкин. Михаэлис была затем – 24 мая 1864 года – выслана в деревню под надзор полиции до конца 1865 года. Якушкин получил замечание и предупреждение.

Священника на Мытнинской площади не было. Его визит в камеру Н. Г. Чернышевского состоялся раньше – 8 мая 1864 года. Это был протоиерей Петропавловского собора Василий Полисадов. В его донесении сказано, что Н. Г. Чернышевский *«исповедаться и Святой Тайне приобщиться решительно не желает, что благословение священническое сам Чернышевский просил ему преподать, в чём Василий Полисадов ему не отказал».*

Срок каторги, определённый первоначально на 14 лет, был сокращён императором наполовину. Чернышевский отбывал его в Нерчинских рудниках – в Кадае и Александровском заводе, куда его привезли 4 августа 1864 года – после 2,5 месяца пути и двух недель работы на Иркутском солеваренном заводе.

По воспоминаниям писца канцелярии Нерчинского горного правления, Чернышевского привезли закованным в кандалах. На предложение начальника управления снять кандалы Чернышевский ответил отказом. Прогрессивная печать, в особенности «Колокол» Герцена, вспоминая о нём и его товарищах, говорила о несправедливо суровом наказании и недоказанности вины Чернышевского. В статье «Письма к противнику» (1864) Герцен писал о героизме М. И. Михайлова, В. А. Обручева и Чернышевского, которые не просили о пощаде и *«ушли на каторгу с святою нераскаянностью»*.

Копия рисунка неизвестного очевидца, который сделан, скорее всего, по памяти уже после события, изображает само действие, участниками которого являются только осуждённый и исполнитель наказания – совершенно безоценочная, объективная зарисовка, фиксация момента. Рисунок выполняет те же функции, которые принадлежат фотографии: зафиксировать событие.

А вот акварель В. П. Кольцова (1928 год) даёт несколько иное прочтение этого события. Чернышевский не одинок – вокруг эшафота появляются зрители, толпятся люди. Над его головой преломляет шпагу вполне добродушный жандарм, и в целом трактовка этого эпизода далека от трагического или героического его осмысления.

В живописном полотне Ю. М. Казмичева «Гражданская казнь Н. Г. Чернышевского» (1950-е гг.) главным героем предстаёт публика, собравшаяся на Мытнинской площади. Чернышевский выглядит символом, знаком: эшафот – почти пьедестал, позорный столб – почти обелиск... Занимающая большую часть пространства толпа представлена в момент живой, яркой активности.

Особый – и неожиданный – взгляд на этот важнейший эпизод биографии Чернышевского обнаруживается в работе В. В. Капцова «Гражданская казнь Чернышевского. Из серии «Саратовские сказки». (2013 год).

Форма современного городского лубка даёт художнику невиданную свободу в выборе реалий, трактовке пространства, смещении времён и героев. Чернышевский – сказовый герой – остаётся наедине с палачом устрашающего современного обличья, с атрибутами настоящей, а не гражданской казни. Современность буквально просвечивает сквозь конкретный исторический сюжет: основой рисунка служит газетная полоса, на которой легко читается её содержание.

На выставке представлены четыре сюжета в жанре современного городского лубка. Интересно изображены эпизоды сибирской каторги Чернышевского.

В картине В. Н. Сигорского «Н. Г. Чернышевский на каторге в Кадае» (1952 год) главный герой очень похож на Павку Корчагина в его героическом трудовом порыве; даже черенок лопаты пересекает лист по диагонали – очень похоже на древко подхваченного и подни-

мающегося знамени. Ужас подневольного тяжёлого труда не проникает в мир, изображаемый Сигорским; мы видим преодоление, героический порыв, охвативший главного героя.

В лубковом варианте, в «Саратовских сказках», В. В. Капцов показывает работу Чернышевского на руднике в истинно сказовом духе. Поза героя, полосатое тюремное одеяние, огромный камень в руках, капли пота на челе, разудалая охрана, развлекающаяся на всякий лад, колючая проволока, рудник, данный в разрезе, название сюжета, встроенное в композиционное пространство листа, – всё это свидетельство прямого участия современного человека в формировании

В. В. Капцов «Чернышевский.
Из серии «Саратовские сказки»

образы исторической личности, свидетельство особой формы существования этого героя в народном сознании. Чего только стоит «Звезда Героя» на робе Чернышевского! Это уже явно для совсем непонятливых...

Говоря о сибирском периоде жизни писателя, вспомним о долгом сроке ссылки, которая не облегчила условия жизни уже отбывшего каторжный срок Чернышевского. На каторге Чернышевский имел возможность общаться с другими ссыльными; в Вилюйске изоляция от какого-то интеллектуального общества стала абсолютной. Работы В. Беляева, Ф. Гордеева, В. Бессчастного, Ю. Казмичева, В. Гайдука, В. Кольцова посвящены именно этим страницам биографии Чернышевского.

Темой работы В. Н. Сигорского является одна из самых известных попыток освобождения Чернышевского.

Эта попытка увоза из Вилюйска связана с Ипполитом Никитичем Мышкиным, 27 лет, солдатским сыном, окончившим Петербургское военное училище, потом служившим в штабах, затем имевшим свою типографию, где он печатал нелегальную литературу. С 1874 года он жил в эмиграции. В. Г. Короленко называл его «стратотерпцем революции».

Мышкин прибыл в Вилюйск 12 июля 1875 года, он был в жандармском мундире, с документами на имя Мещеринина о том, что он должен сопровождать Н. Г. Чернышевского в Благовещенск. Вилюйский исправник проявил бдительность, засомневавшись в подлинности документов (бланки были подлинными), по другой версии – усмотрев неправильное расположение аксельбантов на мундире. К Мышкину были приставлены казаки для присмотра за ним. По дороге в Якутск Мышкин бежал, ранив одного казака. Затем он был пойман,

арестован и осуждён на каторжные работы. В 1883 году его перевели в Петропавловскую крепость и два года спустя за неповиновение расстреляли в Шлиссельбурге.

Н. Г. Чернышевский не знал о том, что его хотят выкрасть. Якутскому чиновнику в 1883 году он сказал: *«Вот тоже вздумали – Мышкин приезжал освобождать меня. Для чего это? Неужели они надеялись, что я соглашусь на побег? Этого никогда не могло быть»*. Из мемуаров известно также, что Н. Г. Чернышевский называл это *«напрасными затеями»*, говорил: *«Они не знали, что я ездить верхом не умею»*. В газете «Вперёд» (за 1875 год) сообщалось: *«Говорят, что при этой истории Чернышевский заявил, что увезти его помимо воли невысказано и что напрасно его благодетели губят себя задаром, ибо он твёрдо решил не бежать, т.к. он убеждён, что должен же наступить когда-нибудь тот день, когда правительство сознает необходимым исправить сделанную им по отношению к нему несправедливость...»*

После неудавшейся попытки И. Н. Мышкина увезти Н. Г. Чернышевского из ссылки за ним усилили надзор. 20 июня 1875 года было направлено шесть вооружённых солдат для его охраны. В марте 1876 года якутский губернатор приказывает никому не выдавать государственного преступника Н. Г. Чернышевского, кто бы за ним ни приехал и какие бы документы ни предъявил. Верить только официальному предписанию от него лично. Н. Г. Чернышевский, по воспоминаниям, заявлял о *«вопиющем отягчении»* условий его содержания и усиленных мерах строгости. 30 сентября 1876 года А. Н. Пыпин услышал от И. Г. Терсинского подробности о попытке Мышкина освободить Чернышевского и об обыске у него, во время которого было найдено стихотворение «Гимн Деве неба», о задержании одного из писем Чернышевского к А. Н. Пыпину – за *«смелость и резкость тона»*.

Крайне интересной представляется разработка темы побега в лубковом листе В. В. Капцова. Героями повествования становятся Чернышевский и его освободитель... Емельян Пугачёв.

Мы видим, как проламывается стена узилища, как Пугачёв зывает к Чернышевскому: *«Гаврилыч, бежим!»* – и как Николай Гаврилович, вопреки своему реальному решительному отказу от побега, отвечает: *«Бегу, Емельян Иваныч!»* Автор сдвигает времена, помещая героев из разных эпох в одно пространство; они оба – в общем пантеоне народных героев; но при этом сохраняется речевая индивидуальная характеристика каждого: простонародное обращение Пугачёва – вежливость величания в обращении Чернышевского.

В мемуарной литературе особняком стоят воспоминания В. В. Кокосова об отказе Чернышевского просить помилования. Исследователи не знают никаких – даже косвенных – свидетельств, подтверждающих этот эпизод. Но это событие настолько точно вытекает из всего характера поведения Чернышевского, что не хочется сомневаться в истинности этого рассказа.

Эпизод посещения Н. Г. Чернышевского полковником Г. В. Винниковым известен из его собственных воспоминаний, сообщённых

им В. Я. Кокосову. Винников, с 1871 года адъютант генерал-губернатора Восточной Сибири Н. П. Синельникова, в 1875 году ревизовал полицейское управление Вилюйска. Он сообщил, что имел встречу с Н. Г. Чернышевским и передал ему предложение генерал-губернатора написать прошение о помиловании. Чернышевский прочёл бумагу и сказал: *«Благодарю. Но, видите ли, в чём же я должен просить помилования?! Это вопрос... Мне кажется, что я сослан только потому, что моя голова и голова шефа жандармов Шувалова устроены на разный манер, – а об этом разве можно просить помилования?! Благодарю вас за труды... От подачи прошения я положительно отказываюсь...»* Затем они пошли в камеру, где Н. Г. Чернышевский *«присел к столу и написал на бумаге чётким почерком: «Читал, от подачи прошения отказываюсь. Николай Чернышевский».*

Известно, что Синельников обращался в Петербург с просьбой о смягчении участи Н. Г. Чернышевского в 1873 году, но безуспешно.

Темой картины С. Бойма «Отказ Чернышевского от помилования» (1950-е гг.) и акварели Б. В. Миловинова «Отречение от помилования» (1950-е гг.) явился этот сюжет, представленный в традиционной трактовке.

Вместе с тем можно проследить, как возникает другой ракурс темы Чернышевского: рождаются работы, связанные с его детством, студенчеством и журнальной деятельностью; особое место начинает занимать изображение родового дома Чернышевских, ставшего музеем, «местом памяти». Память обретает особый поэтический отсвет, окрашивающий полотна художников личностным, лирическим восприятием. Появляются работы, в которых поэтизируются образ дома и жизнь его обитателей – своего рода мечта, сон о прошедшем. От рисунка Веры Пыпиной – дом жилой, дом-обиталище – к другому образу дома. У А. П. Малютина это Дом-музей, к которому течёт нескончаемая река посетителей, буквально – не зарастает народная тропа. Интересно, что изображён не дворовый фасад, а вид с улицы, и поток как будто не имеет препятствия – он плавно втекает в гостеприимную калитку... Дом, изображённый художником Малютиным, и уголок старого – и сегодняшнего – города с Волгой где-то вдалеке хранят в картине какую-то тайну, которая откроется, когда войдёшь...

Л. Андриевская в своей работе населяет музейный двор давнишними его обитателями. Как будто это и не музей, но всё изображённое есть существо музея – порождение памяти. Полотно О. Бабенковой превращает музейный дворик в таинственное пространство – здесь оно наедине с художником, угадавшим, что в сегодняшнем очаровании цветущей сирени таится аромат ушедших десятилетий...

Работы И. И. Михеева, изображающие Чернышевского-мальчика, воскрешают прошлое особенно тепло; мысль художника и деликатна, и поэтична.

Трогательно простодушна работа Е. В. Ильина «Чернышевский на Волге читает стихи Некрасова» (1950 год). Откровенно игровые, фольклорные образы создаёт Е. Г. Лялина в картине «Николай Гаврилович играет в шахматы».

Это не интерес научного сообщества, а известность имени, исходящая из глубин общественного сознания, существование имени Чернышевского в своего рода сказовой, фольклорной среде. Жизнь образа Чернышевского порой приобретает абсолютно неожиданные – лубочные формы, и мы видим те же сюжеты, но представленные в совершенно легендарном осмыслении.

В современном городском лубке (эти народные картинки были формой массового народного участия в жизни общества с древности) происходит смещение времён. Чернышевский предстаёт как былинный, сказовый герой, он на равных в пантеоне легендарных персонажей – таких, в том числе, как Емельян Пугачёв. В этих сказах герои – разновременные! – взаимодействуют, в своём сказовом мире они вступают в диалоги, помогают друг другу, ходят друг к другу в гости... В так своеобразно утверждающих значение Чернышевского современных лубках ярко проявляется социальная активность современного мастера – он выстроил масштаб мира ценностей, мир народных представлений о народных героях.

Цикл живописных работ Ирины Шин «Сны старой усадьбы» 2016 года – часть выставочной экспозиции «Сказы о Чернышевском». Это целый мир, рождённый воображением художника. Цикл удивительным образом созвучен стихотворению, которое в 1918 году написала юная Нина Чернышевская, впервые переступившая порог дома предков, дома, который только становился музеем памяти её знаменитого деда. Позднее ей доведётся стать его директором, но тогда она только почувствовала ауру прошедшего, ощутила власть поэтической памяти – и запечатлела свои видения-сновидения в стихотворных строках. Работы Ирины Шин являют жизнь усадьбы и её обитателей в разные мгновения истории; плавное движение времени сосредоточено на светлой, радостной полосе совместного существования любящих друг друга близких людей. Это *мы* знаем, это для *нас* ясно, что случится далее в их жизни. Это *сейчас* ясен общественный масштаб личности милого мальчика, счастливого жениха, любимого сына – Николая Чернышевского... Но сны, сказания, мечты о прошлом не нуждаются в предвидении и провидении – они возрождают это прошлое, они создают свою историю, напоенную невыразимой радостью бытия. Именно они и навеяли переключку поэтического переживания девушки 1918 года и картин нашей современницы.

В некрологе по поводу смерти Чернышевского («Гражданин», 1889 год) автор, князь Мещерский, превознося дарования и таланты Чернышевского, бранит «соблазвивших» его либералов. Текст начинается так: *«Умер Чернышевский – и имя это, в последний раз после большого промежутка, прозвучит кое-где... и замрёт навсегда».*

Автор ошибся. Не замерло.

Нина ШАТАЛИНА

Новые сказки из старого времени

**Дарья Симоненко, Татьяна Горелова, МирА, Сергей Лобанов,
Андрей Рябков, Алия Идрисова, Анастасия Нестерова,
Анастасия Гаврукова, Маргарита Жаворуева. Правильные сказки. —
Амирит, 2016, 192 стр., ил.**

Название книги, признаюсь, меня несколько смутило и в то же время привлекло. И вот у меня в руках сборник авторских сказок для детей.

Так кто же эти авторы, которые пишут «правильные сказки»?

Уже несколько лет в Саратове ведёт свою работу тренинговый центр под названием «Игра жизни» — филиал Волгоградского центра. Занятия этого центра, по задачам стремящегося, говоря высоким слогом, проникнуть в идеи Мироздания и реализовывать эти идеи в меру своего сознания, своих возможностей, способностей и требований сегодняшнего дня, проводятся по мере набора группы. По завершении курса обучения общим составом группы решается вопрос: «Что оставить потомкам родной губернии на память?»

Одна из групп помогла улучшить экологическую атмосферу города. Молодые деревья на Аллее Роз, на Набережной Космонавтов высажены с участием этих ребят. Генеральная уборка, затеянная и проведённая на территории «Зелёного острова», — это помощь городу. Привлечение доноров на станцию переливания крови — также помощь «Игры жизни». Одна из авторов описываемого сборника, Маргарита Жаворуева, свой проект «Зелёный луч» начала реализовывать в Саратове — посадила 500 деревьев. Ныне она осуществляет свой проект уже в Санкт-Петербурге.

Волгоградская группа способствовала приостановлению быстрого слива весенней воды с Волгоградского водохранилища, добившись её постепенного стока, тем самым сберегая рыбные богатства бассейна нижней Волги.

Кажется, ну что проще — установить указатель на пути к роддому на федеральной трассе? Ой, как не просто!.. Это также сделали представители Волгоградского центра.

А вот саратовская группа затеяла действительно высокую и весьма ответственную «игру» — написать сказки для детей. Идейным вдохновителем, координатором проекта стала Анастасия Мироненко (МирА). Ей — по решению остальных авторов — и была посвящена та книга.

Приступив к чтению сказок, поймала себя на мысли, что, когда откладывала на время книгу, вновь спешила к ней. Вроде бы знакомые с детства герои — Иванушка, Алёнушка, Царь, Царица, Король, Королева, Фея, Волк, Медведь, Чёрный Колдун и Добрый Чародей... Даже сюжеты не придуманы авторами, а «только позаимствованы из русских народных сказок». Слова всё те же из тех же сказок детства. Но!.. Наполненность смыслами иная: привнесены новые энергии — энергии нового времени. Эти энергии, зрительно неуловимые, но затрагивающие души читателей, и передают нам авторы сказок.

Сказочники – молодые ребята. Как сказано в «Послесловии»: «За время работы над книгой в трёх семьях нашего коллектива родились замечательные дети. Трудились над книгой настоящие и будущие мамы (тринадцать (!) мам и многодетный папа. – Н.Ш.), три редактора и художник». Кому, как не молодым, талантливым, с мощью, напором и лозунгом молодых «Ничего невозможного нет!», писать сказки, созданные по «законам» русского фольклора! Весь сборник написан и построен по такому же единому замыслу. Именно поэтому, как пишут авторы, они и назвали сборник «Правильные сказки».

Остальные участники группы, уже умудрённые жизненным опытом, такие, как Татьяна Горелова, тоже писали, и редактировали, и собирали замечательные акварельные рисунки малышей по прочитанным, но ещё не изданным сказкам, искали средства на издание книги. Тираж в 200 экземпляров разошёлся мгновенно. Теперь готовится дополнительный.

Начинается сборник с повествования Дарьи Симоненко о волшебной девочке Сказке. Даша Симоненко окончила Саратовский госуниверситет, физик по образованию. Мечтала жить между небом и землёй – и действительно так живёт. А спускаясь на землю, уже год как преподаёт физику и английский в селе Мизино-Лапшиновка, что в Татищевском районе. Её сказочный домик расположен в небольшом селе Корсаковка, откуда она пешком каждый день ходит в школу, делая уроки английского и физики сказочно интересными.

Девочка Сказка передаёт «свою энергию, тепло и любовь каждому на земле живущему». И жанр, и название, и имя маленькой волшебницы удачно слились в одно слово. Живёт девочка «в сказочном домике, расположенном между небом и землёй. И добраться до него можно лишь на крыльях Светлой Мечты».

Дашина смелая находка назвать девочку таким именем, выдержать жанр согласно русским народным сказкам и по их «законам» удалась. Читать доброе, с любовью к детям написанное Дашино произведение, – удовольствие светлое. Я не буду пересказывать то, что прочтёте вы сами, дорогие читатели. Но концовку не могу не процитировать: «Эту историю про девочку Сказку Ветерок мне поведал. Ты не веришь? Посмотри внимательно в глаза мамы, когда она читает или рассказывает тебе сказки. Ты увидишь в её глазах яркие лучики – это Сказ-

ка в них сияет. Послушай мамин голос. Он мягок, добр и нежен, ласков – это девочка Сказка говорит с тобой маминими устами. Возьми в руки мамину ладошку – он тепла и нежна, как и сама Сказка. Прижмись к маме – и ты почувствуешь любовь и волшебство, которые подарила ей Сказка. И пока живут в сердцах людей любовь, вера в чудо и волшебство – живёт там и Сказка!

Что же, спросишь ты, вот и сказке конец? Кто Светлую Мечту имеет – тот новых сказок сам творец».

Не могу не остановиться на последней сказке, обратившей к названию книги, моё внимание – «Сказка о Предназначении». Приятно было отметить, что автор, Маргарита Жаворуева, взялась разрешить такую сложную проблему, над которой многие века ломает голову всё человечество. Надо сказать, что и время этому благоприятствует. С кем, как не с малышами, с их чистой, несомненной душой, вести разговор о Предназначении, вечном поиске новых знаний? Вот и в этой сказке «юноша-астроном по имени Лукс, что означает «свет», в сложной схватке, благодаря помощи «огромной, переливающейся всеми цветами стае бабочек», отправил злого Колдуна, «укравшего у людей «Знание о Предназначении», в пучину морских волн. Сограждане Лукса снова обрели украденное «Знание».

Ещё интересный и поучительный момент хочется отметить. Все жители Страны Рек в «Сказке о Предназначении» были заколдованы во сне. Единственный, на кого не подействовали чары Колдуна – это не спавший астроном Лукс. Не проспать бы и интереснейший период нашего времени, не поддасться чарам колдунов разных мастей!

Эта сказка ещё и «...о чести, смелости, отваге и, конечно, о любви».

Сборник сказок – реальный пример совместного творчества родителей и детей. Потрудились над книгой и малыши, и школьники, проиллюстрировав сказки своими непосредственными рисунками, разглядывать которые можно бесконечно долго, принимая своей душой чистую энергию нового поколения.

Хорошо бы закупить сказки школьным библиотекам, так как после их прочтения у детей может появиться стимул для творчества. Не сомневаюсь, что тогда появятся свои произведения в каждой школе. Ведь у каждой школы – своя особенность, своя энергетика. Пусть будет и своя красивая сказка.

**Василий
КУРЫШОВ**

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКЦИИ

Весной 2016 года в редакцию нашего журнала поступила уникальная рукопись – дневник, который вёл уроженец п. Базарный Карабулак Саратовской области в 30–40 годы прошлого века. Нашёл её житель Астрахани Михаил Спиридонович Радаев при следующих обстоятельствах, о которых он пишет так: *«Когда я жил в Саратове в 1960–1980 годы, то по делам службы зашёл в дом в «Шанхае». Сейчас этого места нет: построили «хрущёвку» и переселили жильцов туда, в район СХИ (адреса не помню). Была зима, хозяйка растапливала печь; дрова были сырые и плохо горели. Смотрю: она заносит мешок и высыпает из мешка бумагу и суёт в печь. Я занимался сбором интересного материала и записывал его. Взял из макулатуры тетрадь, почище других, и увидел записи, когда прочёл, то стал их собирать. А хозяйка говорит, мол, это папины тетради и уже они не нужны. Я всё собрал, но из-за срока давности они выглядели плачевно. Мне пришлось долгое время их приводить в порядок, и получился из них настоящий дневник, я его переписал и хотел его напечатать и вернуть, но оказалось, что моя затея дорого стоит, и я отложил её до «светлых времён», но они так и не пришли. И уехал я с архивом в Астрахань, а здесь оказалось ещё труднее, чем в Саратове...»*

М. С. Радаев поясняет свою мотивацию к публикации так: *«Я увидел в дневнике всю порядочность Человека с большой буквы, настоящего патриота сельскохозяйственной глубинки Саратовской области и сознательно-гражданина, а «государство сильно сознательностью масс...»*

Мы начинаем публикацию материалов дневника, интересного своим непосредственным ощущением времени – «Записок личного характера», как назвал их Михаил Спиридонович. В номер, посвящённый детской литературе, войдёт первая часть этих «Записок...», зафиксированных в то время, когда автор их был ещё школьником. В целом же, как пишет публикатор, *«дневник охватывал период с 1933 по 1949 гг. – детство, юность, школа, институт, армия, семья...»*

Редакция журнала «Волга–XXI век» благодарит М. С. Радаева за предоставленный редкий материал и предполагает продолжить публикацию «Записок личного характера» в следующих номерах.

ЗАПИСКИ ЛИЧНОГО ХАРАКТЕРА

Часть I

ДНЕВНИК ШКОЛЬНИКА

1933 год.

МАЙ

1 мая. После демонстрации ученики, бывшие 29 апреля на ударнике – на прополке сорняков на участке кожартели «Труд», получили в столовой 250 г хлеба, два стакана кофе с молоком и конфетку.

2 мая. Перевозила тётка Маня к нам своё имущество; частично и я возил с ней часа 2–3.

Взял у Шуры три книги: «Советская деревня», «Подпольная Россия», «Двор» и журнал «Огонёк».

3 мая. Завёл дневник.

4 мая. Окотилась кошка. Принесла два котёнка.

5 мая. Пришла бабанька из Балтая.

6 мая. У коровы были на подзобке клещи. Начал я чесать и чистить корову щёткой – вычесал несколько клещей.

7 мая. Ночами всходят отдельные баклажаны, посаженные 29 апреля.

Прочитал «Двор». Сделал одну планочку для крыла самолёта и положил под сундук.

8 мая. Появилось ещё пять баклажанов на грядке. Бабанька поступила на работу в огородничество. Начали есть корни от горьких листов репьев.

9 мая. Выросло и появилось 15 баклажанов. Высадили в грунт 10 корней помидоров. Пришло письмо от крёстной, и я был рад, узнав, что она скоро должна приехать.

10 мая. Появилось всего 32 баклажана, а 11 штук ростков распустили листья.

12 мая. Посадили новые дыни.

14 мая. Весь день писал по литературе и другим предметам.

Огулялась корова.

15 мая. Появились все баклажаны – 98 ростков. Сажали на гумне тыквы и картофель. Вошли на дворе арбузы и дыни.

18 мая. Купил две книги за 50 копеек: «Физику» Малинина и по истории.

Были ночью воры в погребе и унесли немного молока в кувшине.

19 мая. Папанька принёс три картинки.

20 мая. В школе начались испытания по математике: из восьми примеров я решил шесть.

Папанька принёс с завода книгу «Счета голода, нищеты и унижения».

21 мая. Купил две книги: «Укрепление колхозов и задачи весеннего сева» и «Речь тов. Сталина на Первом Всесоюзном съезде колхозников-ударников».

22 мая. Получили из Москвы от крёстной письмо, в котором она просит, чтобы бабанька приехала к ним жить. Бабанька была рада. Всё время говорила только об отъезде и жизни в Москве.

Получил от друга, Белова, открытку.

23 мая. Получили из Москвы посылку сухарей.

Выучился я на гармонии играть «Проводы». Долго учил геометрию.

24 мая. При испытании в школе по геометрии заданные мне две теоремы я ответил почти хорошо, но по литературе я спутал про Пушкина, потому что про него не учил.

25 мая. Учил геометрию и литературу. Починили швейную машину.

26 мая. У некоторых баклажанов появились третьи листочки. К вечеру и утром учил по геометрии и по литературе.

27 мая. В школе спрашивали меня по математике, по которой я не ответил.

28 мая. Утром таскал с бабанькой воду в кадушку. Принёс восемь вёдер воды.

Купил пять пёрышек за 20 копеек и два журнала – «Вокруг света» и «Изобретатель» за 15 копеек. 25 книг Чехова стоят 16 рублей.

При таскании воды со мной было несчастье: когда я поставил ведро у двора, то собака, бывшая у нас, ударенная мной, выбежала из калинок и столкнула у меня ведро с водой, и я очень на неё обозлился.

К вечеру ломили обе коленки, а после стала болеть одна, левая.

30 мая. Михаил Семёнович в школе сказал, что по геометрии у меня отметка очень хорошая – у одного. Кулев вычитывал годовую отметку учеников нашей группы по истории и обществоведению; у меня по обоим предметам «удовлетворительно».

ИЮНЬ

1 июня. В школе при испытаниях по физике я не ответил только на один вопрос.

Подсаживали тыквы на гумне. К вечеру у меня стала ломить правая коленка, а после этого прошёл дождь, но сразу прошёл. У некоторых баклажанов развернулось по четыре листочка.

2 июня. Утром был маленький дождик. День был пасмурный, и нередко шёл дождь.

Пришли два платных письма из автодорожной лаборатории, и за них мать заплатила 80 копеек, но, узнав, что они для меня, осердилась и ругала: зачем я в лабораторию пишу письма. Я боялся очень только того, как бы она не сказала бабушке и отцу о письмах, но этого она не сделала.

Подкладывали под капусту навоз и поливали по 2–3 ковшика. К вечеру шёл сильный дождь.

3 июня. В школе я приглядении на часы встал на лавку с тремя ножками, которая покачнулась, и я упал, при этом свихнул себе кисть так, что её нельзя было повернуть, было больно, и она хрустела. К вечеру кисть стала заживать и на другой день к вечеру совсем зажила.

К вечеру очень заинтересовался чтением книги Иллеша Белы «Тисса горит».

4 июня. С утра и до обеда и после читал эту книгу, прочитал больше половины.

Примерно часов в 10–11 был частый и сильный дождь. После пришла тётка Маня с Шуркой с базара из Балтая. После, как прочитал «Тисса горит», сбегал в ларёк за вином отцу и дяде, Ване Колотову, потом начал учить по географии вплоть до вечера.

5 июня. Посадил баклажаны между капустой. Утром учил по химии.

Папанька принёс с завода книгу «Составление хозяйственного плана в промышленных товариществах и артелях».

Пришло письмо от дяди Пети со справкой для бабаньки.

Утром тётка Маня увезла от нас своё имущество.

6 июня. Пришли почтой из Центральной автодорожной лаборатории две книжки: «Юный автомобилист», «Конструктор», и я был очень рад, пел, был очень весёлым и всё время до вечера читал их и разглядывал.

7 июня. В школе по химии я почти на все вопросы ответил.

Сделал к вечеру к «трактору-самопашке» настил, направитель на заднюю ось, шкворень, рулевую стрелку, передние колёса.

8 июня. Сделал переднюю ось к «трактору-самопашке», верхние и нижние кронштейны, накладки на кронштейны, задние колёса, верхний шкив.

10 июня. Кончили учиться.

Пришло письмо из Москвы с новой справкой.

Начал переделывать «трактор-самопашку», сделал к нему другой настил и рулевую стрелку, заднюю ось.

Бабанька ушла в Балтай за справкой на выезд. В 6 часов я, мать с отцом пошли в школу; часов в 8 или в половине 8-го началось собрание учеников, учителей и некоторых родителей; слушали доклад о работе ФЗС, о поведении и учении каждого ученика и о переводах. После в группах получали учётные карточки. Я пришёл в 12 часов ночи и хлеб принёс домой.

11 июня. До обеда принёс мешок травы. После обеда на огороде стаскал воду в кадушку и принёс ещё мешок травы. Мать же принесла пять мешков травы для сушки. Доделал «трактор-самопашку», вместо прутика приделал резину. В этот раз трактор пошёл в ход,

недостатком явилось то, что витки верёвочки набегали друг на друга, и от этого верёвочка не разматывалась. Я верёвочки клал разные, но опять было одно и то же.

Корове принёс ещё мешок травы.

12 июня. Утром поливал на огороде помидоры и баклажаны. После обеда принёс мешок травы на сено и к вечеру мешок корове. Маманька за день принесла два мешка травы на сено. К вечеру я при щипании лучины для самовара сорвавшимся ножом порезал палец.

В обед папанька спросил: «Васютк, пойдёшь на завод работать?» Я ничего не сказал, но согласился.

14 июня. Начал работать на кожзаводе. Мне очень не хотелось идти на завод. До обеда я таскал и развешивал кожаные лоскуты, потом стал учиться фунтовать овчины; после, до гудка, меня заставили сортировать утиль. После обеда я опять стал сортировать утиль и, когда закончил, то, постояв немного у лаборанта, ушёл домой в 2 часа 30 минут, так как нечего было делать.

16 июня. Почти весь день мотыжили тыкву. Хотели поливать на огороде, но воды не было, и я домотыживал капусту. Принёс травы корове. Вечером мать и бабанька ругались из-за того, что у нас есть одёвка, а не продаём её и сидим голодные (так говорила бабанька).

17 июня. С 5 часов до 6 часов я и бабанька поливали на огороде капусту, помидоры и баклажаны.

Получили посылку из Москвы на 8 кг сухарей, белых и чёрных, которым мать, бабанька и я были очень рады. Бабанька, бывшая прежде очень невесёлая, говорила, что у неё кружится голова и не идут ноги (но ела больше папы), а тут, как пришла посылка, стала весёлой, мама вымыла бельё, а она побежала полоскать его, даже запела песню; а сама всё время ест сухари, мочит их, кладёт в карманы.

Папа пришёл с завода в час очень невесёлым, даже после того, как сказали, что пришла посылка. «Чуть дошёл до дому, – сказал он, – хоть там садись». За обедом он сказал: «Наверное, и не наешься никогда досыта. Скорее зелень-то пошла бы, всё бы пришёл да огуречик съел».

19 июня. Утром я как встал, умылся и выпил чашку молока с хлебом, так в 8 часов пошёл с бабанькой за травой, и в 9.30 принесли два мешка травы. Разостлали её на дворе. И опять пошли с одним мешком, и принёс я его в 10 часов, и разложил траву сушить. После обеда я и мать пошли за травой и принесли 12 мешков. Потом пошли бабанька и мать и принесли четыре мешка. А я в это время переворачивал траву и обрезывал по бокам две книги. Потом снова пошли за травой я и бабанька и принесли два мешка. Поднялся сильный ветер, и мы все стали убирать сено. Когда убрали, пошли поливать. Нынче на сено мы принесли 11 мешков травы.

Вечером я учился играть на гармонии на басах и на клавиатуре правой рукой «Краковяк».

20 июня. Утром я мотыжил тыкву, а потом пошёл с матерью за травой. За обедом папанька сказал, что я опять пойду работать на завод. Был дождь. После обеда бабанька отнесла письмо на почту и принесла травы корове.

Снова учился играть «Краковяк». Сделал к модели «Малюк» заднюю ось и передние и задние колёса.

22 июня. Этот раз я пошёл работать на завод без страха. Мне не хотелось идти на завод, особенно неохота вставать утром. Работали мы с Митькой Сориним. Он и я расправляли и ложили хромовые лапки. Потом разостлали сушить. После обеда я опять стал работать: доделали лапки и, когда они высохли, стали их разминать на беляке и потом эти лапки оттирали тряпкой до блеска. Мазали их клеем, и когда они высыхали, то тёрли опять до блеска. Тереть приходилось долго, сильно нажимать на тряпку, у меня ломило руки. Сегодня я отлощил 9 лапок.

На дворе некоторые дыни зацвели, цветут и помидоры. Вечером, когда я лёг спать, а остальные ушли на огород, к нам в избу зашёл мужик и стал швыряться в обувь по порогу, но бабанька позвала папку, и тот вошёл в избу. «Ты чего здесь швыряешься?» – спросил и выругался. «Я ночевать пришёл», – сказал незнакомый. «Ночевать, а сам швыряешься в обуви и выбираешь получше», – сказал папанька и вытолкнул его из дома и хотел ударить, но бабанька не велела.

23 июня. Утром мне очень не хотелось вставать и идти на завод работать. Отлощил 29 лапок и после обеда – 37 лапок. После обеда я прилёг немного. Папанька очень сердился: «Работай там, не работай – ничего тебе не дают».

24 июня. Утром я был не такой сердитый, как те дни. Я сегодня отлощил 50 лапок, но много раз отдыхал и перед концом работы полчаса ничего не делал. Вообще на заводе все перестали работать и пошли покупать клубнику. Я взял у папаньки деньги, 16 коп., и купил 100 г клубники. Потом пошёл папанька и взял ещё 100 г.

Сегодня давали рабочим паёк. Мне дали 400 г, а папаньке – 600 г.

К вечеру посадили на огороде три грядки огурцов – я, мать и отец. Я был очень рад, что нынче ночью выплусь.

25 июня. Сегодня выходной. Я читал книги и караулил на огороде смородину. Приносил с огорода бабочек котёнку, который играл с ними. На базаре продали папанькины сапоги за 40 рублей. Папанька купил огуречных семян за рубль.

26 июня. Нынче я на заводе работал опять с Митькой Сориним. До обеда мы отделали 55 лапок и после обеда – 82. Нынче я получил 300 г хлеба.

ИЮЛЬ

1 июля. Был сильный дождь.

Взошли огурцы, посаженные 26–28 июня.

До 12 часов я отмедрил 290–300 лапок. Как вернулся я с завода, немного погодя пришёл папанька, он мне сказал, что на огороде ребятишки едят смородину. Я взял прут и побёг за ними, поймал двоих и ударил два раза прутом. Они заплакали, и я ушёл, пригрозив им, что если они ещё залезут в огород, то я их отсеку получше. К вечеру я играл на гармонии.

2 июля. Нынче выходной. Дома я мотыжил бахчу на дворе, приваливал землёй арбузные плети у усиков, караулил огород. Играл на гармонии. На огороде застал девчонку, рвавшую смородину.

3 июля. Бабаньку ушла в Балтай за пенсией.

Нынче я до обеда отмездрил 145 лапок. После обеда отмездрил 215 лапок. После работы я поймал на огороде мальчика, который сидел и спокойно рвал смородину себе в кепку. Я его высек прутом и отнял смородину. Перед обедом маманька застала тоже одного мальчика, побила его и отняла смородину.

Нынче день был лучше, чем те, было солнце, но после обеда и к вечеру был дождь. В последний дождь была крупная радуга.

На ужин у нас хлеба не было, и мы взяли хлеб авансом на завтрашний день.

4 июля. До обеда я отмездрил 230 лапок, а после обеда – 280. Нынче мне дали 500 граммов хлеба, а отцу – 700. Я и папанька после ужина убрали на заводе овчину в сарай и в сени овчинного цеха, но не всё убрали: пошёл сильный дождь и остальные намочил.

5 июля. Я до обеда отмездрил 181 лапку и мездрил и косовал утиль.

Утром пришла бабанька из Балтая, а вечером ушла на станцию, чтобы ехать в Москву.

Нынче у нас к вечеру не было ни хлеба, ни денег. Паёк как принесли, так и съели за обедом. Провожали бабаньку, взяли ей взаимы 2 кг хлеба на дорогу. Мама пошла было к папе (он был на собрании), чтобы взять у него денег, если дали на заводе, для выкупа коровы из загона. Вернулась вся заплаканная. Всё добивалась денег, но ни у кого не добилась. Пшена дала нам на кашу соседская девчонка за молоко. После мама побежала за деньгами ещё к одним, у них тоже не было, и тогда она заняла 10 рублей у Фурасова И. Н. Всего нужно было денег 15 рублей. Придя домой, мама послала папу за коровой, а я пошёл за травой ей. Но корову всё же выпустили, и выкупать не пришлось. Нынче вечером продали четверть молока за 3,5 рубля.

6 июля. На заводе сперва мы с Митькой наливали извести и сернистого натрия в зольник. Я размял и покрасил 150 лапок, а крашенные ещё помазал дёгтем 100 лапок. Наносили и мазали отдельными мягкими лоскутами. Краска очень пристаёт и не отмывается. Я в цехе и дома два раза мыл, сильно намыливал пальцы, но так и не отмыл.

Нынче я поймал и высек прутом одну девчонку, рвавшую смородину, но она не плакала.

7 июля. Нынче мы ложили собачкой лапки. Сначала мы ложили скоро, но потом Рогатов В. Д. проверил у нас лапки, как мы делаем, велел нам делать лучше. Рогатов принёс новые, чистые тряпки от крапивных мешков и другой, покрепче, клей, при котором лапки оттирались скорее и лучше. Сперва мы высушенные лапки разминали на беляке, а потом размятые сухие оттирали тряпкой так, чтобы они были светлые. Дальше их мазали клеем и клали для просушки. А когда просохли, их опять оттирали тряпкой, только не той, которой оттирали до смазки клеем, а другой. Оттирать надо до тех пор, пока тряпка не будет светиться. Нынче я оттёр 65 лапок.

Сегодня мы отведали пять огурцов. К вечеру я и папанька сходили на речку за ветками, чтобы загородить тропу через наш огород. А

то все ходят через наш огород, топчут тыквенные плети, дёргают картофель... После ходить не стали.

9 июля. Сегодня выходной. Утром папанька привёз от одних наших кизяки и пеньки.

Я караулил огород, читал книги, сделал к корзине дно.

11 июля. До обеда мы разминали, красили краской и мазали дёгтем другие лапки, после обеда ложили их собачкой. Я покрасил 101 лапку и отлощил 45 лапок.

12 июля. Сегодня я отлощил вчерашние лапки и до обеда оттер 10 штук. После обеда работал я один. Митька уехал вчера за рожью, а других расставили на другие работы. Один я много раз отдыхал: намажу лапки – отдыхаю, ототру их – опять отдыхаю. Но всё же сделал 73 лапки.

После работы я дома караулил огород.

Вчера пришло письмо, в котором бабанька пишет, что у неё отобрали билет и ссадили с поезда... *(Дальше неразборчиво.)*

14 июля. Нынче я встал, как и прежде, закурил и хотел идти на гумно, но в это время пришёл с завода папанька и сказал, что пойдут косить рожь. Маманька ругалась, что правление не сказало, что нынче жать, и поэтому она не подготовилась. Я остался один дома, караулил огород, плёл корзину. Нынче дали и матери хлеба 2 кг 200 г. Пришли они вечером очень поздно.

15 июля. Встал я рано утром. Караулил огород, таскал воду для коровы и для себя. Вечером я и мама поливали огурцы.

16 июля. Будила меня мать каждый раз утром часов в 4–5. Встав, я ходил за травой корове, вычищал у неё в стойле и поливал с утра огурцы, а потом караулил огород, ходил за водой корове и за травой, т.к. нынче коров не погнал пастух в стадо. Когда я ходил за водой, то на дворе у нас много порвали моркови, отодрав доску около него.

Нынче родители пришли весёлые, принесли много хлеба печёного, каши две порции и рисового супа, но без рыбы.

Первые два дня жатвы корову доил я сам, но нынче маманька пришла пораньше и подоила сама. Вечером я поливал огурцы и помидоры.

17 июля. Нынче я, поев утром рано вчерашней каши, принёс на весь день 9 вёдер воды. Полил капусту. Потом караулил огород. Нынче опять коров не пасли. Таскал корове лебеду.

На огороде поймал и избил кулаками мальчика, т.к. он только и торчит у нас на огороде. У него отец тоже огородный вор, и когда я Сашку бил, то он очень кричал и мне грозил, что меня избьют.

Я после прорывал канаву и полил к вечеру огурцы и капусту.

АВГУСТ

Следующие три дня я работал в поле: стужал за папой рожь и пшеницу. Примерно 21–22 июля зацвели баклажаны, и вскоре появилась завязь. Растут они быстро.

За всё время жатвы было очень жарко, и всё на огороде стало сохнуть и вянуть, но со 2 августа пошли мелкие дожди. С 4 августа

сделалось заметно холоднее, подули сильные ветра, дни стали пасмурнее и дождливее.

6 августа продали огурцов на 7 рублей 50 коп., 9 августа – на 9 рублей, 13 августа – на 15 рублей.

13 августа. Я и папанька пошли в Балтай. Принесли оттуда небольшое долото и книжку «Современный мир».

15 августа. С утра до вечера и следующую ночь были дождь и очень холодный ветер. То же было и до полудня 16 августа, во второй половине дня было немного теплее.

17 августа. Продано огурцов с помидорами на 13 рублей. Днём было перемененно, нередко – дождь.

СЕНТЯБРЬ

23 сентября. Окотилась кошка одним котёнком.

30 сентября. Котёнок стал уже глядеть.

ОКТАБРЬ

3 октября. Ночью были сильные заморозки.

4 октября. День был переменный, и часа в 2–3 прошёл сильный дождь. К вечеру стало солнечно.

10 октября. Ходил в больницу лечить зубы. Мне их сверлили.

12 октября. Тоже ходил в больницу сверлить.

15 октября. Купили двух крольчих возрастом 6 месяцев.

17 октября. Из зуба только переменили ватку и положили другое лекарство.

21 октября. Отец принёс с завода поросёнка.

24 октября. Вынула врач ватку, потом прочистила зуб, из спринцовки чем-то подула, потом что-то грела в пламени спиртовки, побольнее в зуб подула, переменила ватку.

НОЯБРЬ

6 ноября. За хорошую работу в поле папаньку на заводе премировали поросёнком и почётной грамотой.

8 ноября. Пришло письмо из Центральной автодорожной лаборатории.

11 ноября. Вставили пломбу в зуб.

12 ноября. Сменяли кролика-самку на самца.

18 ноября. Сверлили второй зуб и пломбу вставили. Купили кроликам 10 фунтов овса на 5 рублей.

23 ноября. Получили из Москвы посылку: бумагу и муки.

ДЕКАБРЬ

2 декабря. Папаньку поставили инструктором.

18 декабря. Крольчиха отрусилась, принесла пять крольчат.

28 декабря. Умерла бабанька.

1934 ГОД

22 января. Купили 7,5 фунта овса за 2 рубля 60 копеек, морковь – 5,5 фунта за два рубля.

ФЕВРАЛЬ

11 февраля. Сменяли белого кролика на чёрного у татар.

25 февраля. Околела белая труска.

МАРТ

3 марта. Приехала бабанька Стичкина из Москвы с внучкой Леной.

31 марта. Положил картошку для проращивания.

АПРЕЛЬ

8 апреля была Пасха.

9 апреля. Уехала в Москву Лена Сладкова.

24 апреля. Отелилась корова тёлкой.

ИЮЛЬ

4 июля. Сделали 2173 кизяка.

13 июля. Огулялась корова, и отрусилась труска, принесла шесть трусят.

14 июля. Зарезали чёрного труса, ели его два дня.

16 июля. Сделал самодельные тиски. Купили майку за 4 рубля.

ОКТАБРЬ

16 октября. Приехали из Москвы Маша и крёстная, первая – на побывку, вторая – для продажи в Балтае домов: своего и Порышевского. Маша подарила мне папку для книг, блокнот для рисования и перчатки.

НОЯБРЬ

4 ноября. Приехал дядя Коля, для того чтобы в Карабулаке купить подходящий дом, нанять платформу. Дом они хотят перевезти в Москву и в Сухове на даче его построить.

13 ноября. Появились новые трусы.

15 ноября. Стала нарывать нога. Нарывала дней 4–5, потом я прорезал, на 7-й день стало можно ходить.

18 ноября. Кожа осела, и весь гной вышел.

ДЕКАБРЬ

12 декабря. Уехали в Москву крёстная и дядя Коля.

15 декабря. Купил лыжи за 17 рублей 25 копеек.

1935 ГОД

«Одним из самых больших зол и бедствий, которые достались нам от капиталистического общества, – это полный разрыв книги с практикой жизни». Ленин. (Напечатано на тетради. – В.К.)

ФЕВРАЛЬ

23 февраля. Мне думается, что если я заведу дневник, то в скором времени, после дня, когда я завёл дневник, я умру.

Сегодня я в школу не ходил, т.к. болели голова и горло (глотать было больно). Поэтому я пошёл в больницу. Придя из больницы, я весь день или лежал в постели, читал газету и книгу, или прохажи-

вался по избе. Делать мне ничего было нельзя: было неравномерное сердцебиение и болела голова.

В 4 часа зашёл В. Высотин и принёс мне 10 тетрадей, выданных в школе. В одной из этих тетрадей я сейчас и пишу.

Вечером мне смазали горло лекарством, прописанным мне в больнице.

24 февраля. День провёл так же, как и в субботу, т. е. лежал, прохаживался по комнате... Мать купила мне книгу Покровского «Русская история в самом сжатом очерке».

25 февраля. Голова большую часть дня не болела, горло тоже к вечеру почти не болело. Компресс согревающий снял ещё утром. Ходил в школу.

МАРТ

3 марта. Дни у меня идут чрезвычайно однообразно. Придя из школы, я, поевши, остальную часть дня провожу за чтиткой книг, за переписыванием заданных уроков и частью иногда за учением уроков. Переписывание с черновиков и книг (особенно с черновиков) приносит мне большой вред. Переписка занимает всю половину дня, так что учить делается некогда. Вечером даю корм кроликам и иногда играю на гармонии. Так проходят почти все дни без каких-либо глубоких изменений.

Сегодня я сделал для химических веществ и приборов ящичек. Содержимое его следующее (названия химических веществ): «Черепковая сера», «Нашатырь», «Марганцово-кислый калий», «Бертолетова соль», «Серная кислота неочищенная», «Лимонная кислота».

4 марта. В школе была контрольная работа по физике по теме «Работа и мощность». Оценка – «слабо».

10 марта. Сегодня мне прислали на мой запрос, посланный 13.02 из Центральной детской технической и сельскохозяйственной станции книжку Н. Бабаева «Как построить монгольфьер», чему я был очень рад.

14 марта. Болели голова и глаза.

15 марта. Мылся в бане.

17 марта. Сегодня я прочитал книгу Цингера «Занимательная ботаника». Книга мне понравилась. Вообще, я люблю научные книги, но особенно я люблю природу, а вместе с ней – натурализм и туризм. Купил линейку и карандаш за 30 копеек вместе.

20 марта. Прочитал книгу Арсеньева «Дерсу Узала». Она мне понравилась. Особенно я полюбил Дерсу. Читая эту книгу, я сравнивал свой характер с характером Дерсу. Хотя я отчасти и считаю себя по характеру выше некоторых людей, но, сравнивая свой характер с Дерсу, я выявил много недостатков (хотя я знал о них и прежде, особенно в последнее время). Так, у Дерсу нет проявлений скупости, а у меня, хотя и редко, проявляется скупость, главным образом к нечестным людям, к хорошим же людям я не скуп нисколько, но в некоторых случаях во время еды, когда я голоден, я бываю жаден, но это редко. Ещё, в отличие от Дерсу, я иногда злораден (например, в школе, когда отвечает урок кто-либо из учеников, я вну-

тренне радуюсь тому, что ученик отвечает неправильно, идёт хуже меня и отметки получает хуже меня).

30 марта. Сегодня нас распустили на каникулы до 30 апреля.

31 марта. Прочитал журнал «Знание – сила». Этого момента я ждал весь месяц с большим нетерпением. Так же жду, когда почтальон принесёт мне журнал «Юный натуралист».

Когда я прочитал журнал «Знание – сила», во мне ещё больше разгорелось желание изготовить своими руками какие-либо модели. Я и до этого очень интересовался этим, собирал чертежи и материалы, но я почти никогда ничего не делал, или начну, а до конца не доработаю. Главным препятствием для работы является отсутствие необходимого инструмента. Вот и сейчас я планирую во время каникул что-нибудь соорудить но думаю, скорее всего, ничего не сделаю. Увидим!

АПРЕЛЬ

2 апреля. Сегодня я смастерил небольшой «горн» из консервной коробки и самодельных «мехов» (длина 20 см, ширина 13 см). В этом горне я легко плавил свинец. Сегодня же я попробовал (первый раз) паять. Первый опыт у меня не удался: плохо нагрел паяльник, но во второй раз (спаял колечко из жести) я накалил паяльник из двухкопеечной старой монеты докрасна, и опыт удался на славу. Это первое, можно сказать, дело, давшее результат.

4 апреля. ...Но не совсем давшее результат. Спаять медь с жостью, да ещё круглые предметы, у меня никак не получается.

10 апреля. Прочитал книгу Ч. Диккенса «Посмертные записки Пиквикского клуба» (730 стр.). Она мне не очень понравилась. Хотя в некоторых местах и интересно, но в большинстве случаев действие происходит скучно.

13 апреля. Сегодня и 12-го мы подпаливали огород.

15 апреля. Каникулы кончились.

16 апреля. Отелилась корова: принесла бычка.

20 апреля. Прочитал книгу «Салават Юлаев». Она мне понравилась. Случал труску-фландра с шиншиллой.

21 апреля. Купил книги: Д. Ушаков «Юные сапёры», цена 65 коп., и Н. Лебедев «Турист – исследователь советских лесов», цена 1 руб. 25 коп. Всего извёл денег 1 руб. 90 коп. Продали бычка за 110 руб.

26 апреля. Был в школе. Время занятий у меня прошло очень плохо. Во время перемен все ребята собираются группами и играют в шахматы или просто беседуют. Я же, хоть и присоединяюсь к какой-либо группе, но в игре (играть я не умею ни в шахматы, ни даже в шашки) участия не принимаю и в большинстве разговоров и разных шалостей также не участвую. И всё это, главным образом, происходит из-за моей несмелости. Так как у меня это почти всегда наблюдается (или, по крайней мере, часто), то и на меня никто не обращает внимания, и я себя чувствую одиноким и часто впадаю в грусть.

Друзей среди школьников у меня нет, все они не подходят мне по характеру. Правда, я с Мартовым держу дружбу, но мы не сходимся по некоторым стремлениям. Всё-таки он мой лучший теперь

товарищ в школе. Только с Хорошиным мы сходились во всех наших устремлениях, но он уехал. Были бы у меня товарищи, если бы у меня не было застенчивости.

27 апреля. Купила мать мне лёгкое пальто за 25 руб. и брюки за 15 руб. 75 коп.

МАЙ

1 мая. Выдали отцу спецовку пожарного.

9 мая. Прочитал книгу Барбюса «Огонь». Книга хорошая; показывает все ужасы войны. Прочитал книгу Новикова-Прибоя «Цусима», 2-я часть.

Мой рост 172 см.

15 мая. Вчера в Карабулак приехал писатель Ф. И. Панфёров, с братом и женой. Сегодня в 7 часов вечера мы – ученики, техникумовцы, комбайнёры и другие – пошли в Дом культуры слушать, что будет говорить Панфёров (конечно, и поглядеть на него). Ф. И. Панфёров говорил о значении литературы во всей нашей жизни, о писателях, о чтении и т. д. Он говорил очень просто, понятным языком. Увлечательности рассказа он добился тем, что вставлял в него множество эпизодов из своей жизни.

По теме «Положение женщины раньше и теперь» он говорил, между прочим, о любви и замужестве раньше и теперь и подтвердил это следующим рассказом (пишу не очень точно, но основное содержание такое): «Как-то раз я поинтересовался девичьим прошлым своей матери (ей теперь 70 лет) и спросил, по любви ли она вышла замуж за моего отца или по неволе? Она ответила, что замуж она вышла по желанию родителей, а любить И. Панфёрова она не любила, даже не знает она, что такое любовь. Читала она в книгах, что такие вот молодые люди любят друг друга, но сама она не знает смысла любви. Вышла она замуж так. Как-то раз в село явился новый парень, солдат И. Панфёров. Как только увидели этого солдата, так все и ахнули: у него был очень длинный, большой нос. Вечером девки собрались в одной избе. Ложась спать, они решили запереть дверь, но запора, как они ни искали, они не могли найти. Тогда моя мать сказала: «Давайте закрём носом Панфёрова». А на другой день Панфёров пошёл к её родителям и посватался. Те решили отдать за него. Так она безо всякой любви вышла замуж».

Говорил Панфёров и о книгах. «Есть такие книги, особенно в капиталистических странах, которые, как только я их беру в руки, всегда кажутся мне похожими на леденцы. Леденцы можно сосать, грызть лёжа, сидя, стоя и от них получать удовольствие. Но они пользы не приносят, а только зубы от них портятся. Так и эти книги. Пользы от них мало, а вреда много...»

19 мая. Купил книгу Ж. Верна «Вверх дном» за 1 руб. 90 коп. и читал её, вместо того чтобы подготавливаться к испытаниям.

20 мая. Начались испытания. Сегодня алгебру сдал на «уд».

22 мая. Сегодня географию сдал на «хор».

24 мая. Приехал из Москвы Ив. Царёв погостить. Его от испытаний освободили, т. к. у него больная голова. В Карабулаке он уви-

дел такую картину, обычную для нас, но не для него: по дороге шла корова, запряжённая в телегу. Это его очень удивило. Хотя в Москве они и слышали о том, что здесь ездят на коровах, но этому не верили.

Прошлый год летом в Балтае коровы были в большом ходу (главным образом, в колхозе). Лошадей в колхозе было мало, и колхозник, имеющий корову, должен был выполнять полевые работы на корове. Да и колхозник без коровы также работал на корове другого члена колхоза. Некоторые коровы так и жили в поле. На коровах же возили и хлеб на станцию (12 км от Балтая) для сдачи государству.

26 мая. С 22 по 26 мая шла картина «Чапаев». Все ученики ходили смотреть эту картину, а я не ходил. Хотел было сегодня посмотреть, да нет денег. Да и вообще я как-то равнодушен к кино и к спектаклям. Хотя прежде я, примерно до 1930 года, очень увлекался всем этим. Денег где-нибудь займу, но всё-таки на хорошую картину схожу.

Сегодня к вечеру и вечером у меня настроение было плохое. Я сделался какой-то безразличный ко всем людям (вообще никак я не могу выразить своё настроение).

Вечером мы с Иваном пошли к Дому культуры. Прохаживание в его окрестностях меня нисколько не интересовало, а только, наоборот, я сильно скучал. Я недоумевал, глядя на людей, ходящих взад и вперёд по дорожке, какое они в этом находят удовольствие? Хорошо прохаживаться тогда, когда над дорожкой и рядом нависли густые ветви деревьев. Но и сидя на лавочках я скучал... О чём? Я и сам не знаю. Это беспричинно. Так иногда со мной бывает. Только одно меня воодушевляло – музыка. При звуках музыки я ни на что не обращаю внимания, кроме музыки. Я очень люблю музыку.

30 мая. Ходили на ударник: пололи пшеницу в колхозе.

31 мая – тоже ударник, но я не пошёл.

Прочитал книгу А. Макаренко «Педагогическая поэма». Книга описывает зарождение и рост колонии для молодых правонарушителей. Книга мне понравилась.

ИЮНЬ

1 июня. Купил и прочитал книгу М. Ильина «Сто тысяч почему».

2 июня. Отрусилась белая труска пятью трусятами.

8 июня. Испытания начались. Результат испытаний: алгебра – «уд», геометрия – «уд», география – «хор», физика – «уд», естествознание – «хор», химия – «уд», история – «хор», немецкий – «хор», литература – «хор».

Думаю, меня переведут в 9-й класс.

Хочу заканчивать десятилетку. Но не знаю, что буду делать по окончании десятилетки, куда поступлю. В ВУЗ поступать я не хочу, т.к. там, чтобы учиться хорошо, нужен большой ум (так я думаю), а у меня такого не найдётся (сообразительные способности у меня вялые, я не умею быстро соображать), и потом, мне надоело уже учиться. Поступить куда-нибудь на работу я тоже боюсь, т.к. я считаю себя неспособным для этого: ни в какой отрасли хозяйства я ничего не знаю. Или же эта неуверенность в своих силах происходит от того, что я боюсь взяться за какое-либо дело? Может, и вышло бы

что-нибудь хорошее, если бы я начал работать? Увидим. Время покажет, ещё два года до окончания десятилетки, а может, и больше, если буду лениться учиться.

10 июня. Прочитал книгу Жюль Верна «Из пушки на Луну». Цена 3 руб. 75 коп. Книга хорошая.

15 июня. Прочитал книгу «Путешествия Миклухо-Маклая». Книга мне понравилась.

16 июня. Мы с Мартовым задумали сделать педальный автомобиль типа «грузовик».

17 июня. Сделал средний брусок к шасси автомобиля.

18 июня. Прочитал книгу А. Черненко «Расстрелянные годы» (223 стр.) и Г. Гейне «Путешествие по Гарцу» (61 стр.). Первая всё-таки хорошая, главное её содержание – жизнь рабочих в царское время, подготовка к забастовке и забастовка. Вторая книга мне не понравилась.

23 июня. Вчера я взял в библиотеке книгу Рубинштейна «Тропа самураев» (157 стр.) и сегодня прочитал. Книга всё-таки хороша: описан эпизод из завоевания Маньчжурии Японией.

29 июня. Прочитал книгу С. Григорьева «Берко-кантонист».

30 июня. Иван Царёв уехал в Вольск.

ИЮЛЬ

1 июля. Отец принёс со стройки кутёнка, назвали его Пулька.

4 июля. Первый раз в жизни ходил в люди – к Хорошину, с гармонью, да и то против воли: увели товарищи. Я бы с удовольствием ходил с гармонью на улицу, но я не очень хорошо играю и к тому же мало знаю песен. И поэтому я решил, что лучше никак, чем кое-как играть на людях.

Прочитал книгу А. Бондина «Лога». Книга хорошая.

16 июля. Пошёл в Балтай – не был уже два года.

22 июля. Пришёл с Балтая 21 июля.

Делали кизы. Сделали 310 кизов. Всех кизов нынешним летом сделали 2300. Всего эта работа заняла дней пять.

25 июля. Купил книгу А. В. Цингера «Занимательная ботаника» – 2 руб.

Последнее время я увлекаюсь ботаникой. Хотя и прежде я ею интересовался, но теперь особенно. Но я думаю, что это временное увлечение, как и всегда. Хорошо было бы, если бы я всецело увлёкся ботаникой. Теперь я думаю, окончив десятилетку, поступить учиться в какой-нибудь ботанический университет; а ведь совсем недавно, несколько недель тому назад, я хотел стать изобретателем, а ещё раньше – туристом, и сейчас это желание (стать туристом) во мне ещё крепко сидит.

Кто и что из меня выйдет? А может, ничего? Может, простой рабочий? Я желал бы быть учёным. Желать-то желаю, но котелок подсказывает мне другое: не быть мне учёным при таком уме и такой старательности. Ну да увидим...

29 июля. Послал письмо в редакцию «Пионерской правды» с запросом, чтобы она прислала мне листовку «Как провести туристический поход».

АВГУСТ

5 августа. Уехала Нина Хорошина, сестра моего лучшего друга Вити, в Вольск. Она довольно-таки красивая, и по характеру, насколько я её знаю, лучшая из девчат, когда-либо встреченных мною...

Купили мне за 100 руб. 75 коп. шерстяное пальто.

10 августа. Приехала бабушка из Москвы, привезла майку мне. Говорила про жизнь в Москве, где живёт крёстная. Там все члены семьи, если они взрослые, работают. Даже старики и старухи идут работать. И каждый зарабатывает только себе на пропитание. Мать грудного ребёнка оставляет на попечение хозяйки квартиры или особо нанятой сиделки и идёт работать. Если там жить семьёй, надо работать и жене, и мужу, а то у нас, в деревне, только мужу.

13 августа. Пришла листовка «Как провести туристический поход».

20 августа. Уехал Витя Хорошин в Вольск.

21 августа. Уехала бабушка в Москву.

СЕНТЯБРЬ

1 сентября. Хозяйка продала дом. Придётся подыскивать квартиру или покупать дом – на ул. Красной, 64.

2 сентября. Начали учиться.

ОКТЯБРЬ

4 октября. Перешли на квартиру к Хорошину Вите.

НОЯБРЬ

3 ноября. Смотрел картину «Иудушка Головлёв». Картина хорошая. Но мне чрезвычайно противно было смотреть на жизнь этого Иудушки. Всю цель жизни он видел только в наживе. Было бы сносно, если бы это стремление к богатству не отражалось на благосостоянии других лиц, но результатом этого была гибель других, более или менее хороших людей.

4 ноября. Купили дом с двором и огородом Хорошина З. П. за 650 руб.

10 ноября. Продали корову-комолку за 900 руб.

20 ноября. Купили козу Серку за 95 руб.

27 ноября. Прочитав сегодня журнал «Знание – сила», № 11, я узнал кое-что для меня новое, например, о расщеплении атомов веществ и получении таким путём других элементов. Узанному я был чрезвычайно рад. Вообще, я стремлюсь к тому, чтобы что-нибудь узнать. Это, однако, происходит с некоторой особенностью. Я частенько учу с великой неохотой школьные уроки, но с интересом читаю какой-либо роман, научную статью, хотя в этом громадную роль играет, должно быть, метод изложения учения. Вообще же я больше интересуюсь тем, с чем совершенно незнаком, и тем, что в школе не преподают. Я интересуюсь почти всеми отраслями науки: физикой, химией, естествознанием, астрономией, геологией и др.; не слишком уважаю алгебру, не люблю экономической географии, политики. Но если я начну читать, например, ботанику, я не обращаю

ни на что внимания, забываю обо всём остальном, после же этого, если я начну читать, например, химию, позабываю о ботанике, и т. д. Благодаря этому я никакой предмет не изучил, а только иногда эта заинтересованность другим предметом сильно влияет на успех усвоения школьных заданий. Потому-то у меня и неважная успеваемость.

Кроме того, что излишнее чтение книг тормозит усвоение школьного материала (но часто наоборот), оно, я думаю, значительно отражается на всём моём организме, наверное, оттого отчасти у меня скелетообразная (по отзыву некоторых лиц) наружность, малокровие, бледное лицо. Но, может быть, это по другим причинам? Точно не знаю, но предполагаю. Но, несомненно, это жадное чтение книг приносит значительную пользу, хотя я за это расплачиваюсь ухудшением зрения: я замечаю, что зрение у меня с каждым годом делается хуже, хотя я и от рождения, должно быть, в некоторой степени близорук.

ДЕКАБРЬ

1 декабря. С нынешнего дня весь месяц решил провести более или менее правильно, примерно так: прийти из школы, поесть, почитать книгу, не относящуюся к учёбе, – не более 10 листов (в выходной – не более 20 листов); после этого физический труд в течение одного часа, после чего – выполнение домашнего задания. Спать ложиться не позднее 10 вечера.

Этим я хочу узнать, есть ли во мне сила воли.

Отец – большой притвора. В случае болезни он так стонет, что со стороны можно подумать, что человек находится под действием сильной боли, но на самом деле он просто не хочет терпеть. Если у него болит живот, как сейчас, то он начинает громко стонать, а уж про зубную боль и говорить нечего. С этого дня я, если подвергнусь действию болей, решил более или менее терпеть, т. к. не могу слушать стон, от которого можно воздержаться, хотя я и боюсь боли.

6 декабря. Прочитал книгу Н. Островского «Как закалялась сталь». Книга замечательная. Читая её, я сам испытывал переживания героев-комсомольцев, радовался их успехам, чрезвычайно был огорчён тяжёлым состоянием здоровья Корчагина-Островского. Но Островский, говоря его словами, не вышел из строя и делает значительное дело благодаря своим произведениям. Когда читаешь книгу, хочется самому стать комсомольцем и участвовать в общем деле, в борьбе.

8 декабря. Сегодня стучала в окно синичка. Мать говорит, что это к доброму известию либо умрёт кто-нибудь из родни. Я вообще всем этим приметам не верю, но всё-таки решил проверить.

18 декабря. Окозлилась Серка.

26 декабря. Решил все мои чертежи рисовать в дневнике. Сегодня узнал, почему солнце по утрам и вечерам кажется больше, чем днём. На основании чертежа я себе уяснил это.

ЯНВАРЬ

7 января. Распустили на каникулы с 1 января по 10 января. Но что они мне дали, эти каникулы? Другие всячески используют их для

накопления сил к будущим занятиям, отдыхают. А я? Я – нет. И всему виной моя проклятая застенчивость. А почему бы и мне не веселиться, как следует отдохнуть – лыжи есть, коньки есть. Но нет, я сижу дома (конечно, кое-что мастерю), редко и на улицу-то выхожу, и то только затем, чтобы сходить в Дом культуры. На лыжах не хожу потому, во-первых, что они малы, как мне кажется, и не смею в них показаться людям – смеяться будут. Другой бы на это не обращал внимания. Во-вторых, я не умею на них кататься (как и на коньках), вернее, плохо катаюсь, и опять: «Люди будут смеяться...» Но ведь можно научиться. Жили бы мы на краю села, тогда бы я, несомненно, каждый день катался на лыжах. А ещё друзей нет. Да и как им появиться? Нашлись бы, если бы я стал посмелее, а то сам виноват: боюсь показаться людям, не смею. Был один, с которым мы близко сошлись – Витя Хорошин, да уехал. Этот мой образ жизни иной раз в тоску введёт. В такие минуты, как сейчас, я спрашиваю себя: ну что я за человек? К чему я пригоден в будущем, если останусь жив?

12 января. Со мной вчера случилось необыкновенное. Вчера вечером пришла ночевать к нам тётя Катя Бутова из Балтая, и с ней одна особа женского пола – девчонка, должно быть, мне ровесница. Она «пристала» к тёте Кате ещё на станции, и тётя Катя решила взять её к нам, т.к. у неё не было в Карабулаке никого из знакомых, у кого она могла бы остановиться.

За последнее время я почему-то (должно быть, время настало) интересуюсь девочками, хотя и молча, про себя. Особенно я увлекаюсь, если можно так выразиться, такими девочками, у которых чёрные брови, волосы, глаза – одним словом, брюнетками.

Пришедшая с тётей Катей девчонка (не знаю, как её назвать: девчонка, девочка, был бы я моложе или старше её, назвал бы её барышней) была одна из таких – красивая, чернобровая. Я сразу почувствовал к ней расположение, хотя и не совсем её разглядел. Вот её внешность, которую я уловил: среднего роста, красивая, чернобровая, кудрявая (хотя последнего я не видел, но слышал, что кудрявая), малоразговорчивая, хотя, возможно, она при чужих не говорит. Но мне так показалось. Всё это очень подействовало на меня, и я пожалел, что она только ночует у нас, очень было бы хорошо, если бы она прожила у нас с недельку. (Она сама из Сарыкина, учится в Вольске и приехала в Карабулак купить пальто.) Весь вечер я только о ней и думал – до тех пор, пока не уснул. Хорошо бы, представлялось мне, и на неё произвести такое же хорошее впечатление. Но я в этом не был уверен, потому что не считаю себя особенно красивым. Я думаю, что фигура моя не очень-то может её прельстить. Да и не смотрела как будто бы она на меня. Так что я не могу рассчитывать на её ответное расположение. Но, несмотря на всё это, я этот вечер только и жил мыслями о ней.

Но главное не это, главное дальше.

Не знаю, как бы мне выразиться... такое я тогда ощущал! Но она меня как бы воодушевила, сдвинула с места. Я раздумывал: ну за что бы она могла меня полюбить? Насчёт красоты я изложил, потом: я, можно сказать, лентяй, поэтому у меня незавидная успеваемость. И ещё дру-

гие возбудила она мысли в моей голове, которые доказывали неосуществимость моей мечты, унижали меня перед ней (возможно, что она в других отношениях, кроме красоты, ещё хуже меня, но я не знаю, и это не имеет значения). И вот я под влиянием этих мыслей решил более или менее «усовершенствовать» себя, исправить некоторые мои недостатки. И первое, что я задумал сделать, это повысить качество учёбы. Я дал слово самому себе, что буду добиваться по всем предметам оценки не ниже «хорошо». И не больше, как по двум предметам, оценки не ниже «пос». Для достижения этого я решил более или менее устранить то, что является препятствием, т.е.: перестать читать книги, не относящиеся к учёбе, а если читать, то не более 10 листов в день. Большую часть времени, остающуюся от школьных занятий, тратить на выполнение заданий. Кроме того, я решил каждый день – хотя бы немного, но каждый день – учиться играть на гармонии, чтобы хорошей игрой привлекать внимание девчат.

Я представляю, как будет надо мной смеяться тот, кто случайно прочитает эти записи. Этого я отчасти и боюсь.

ФЕВРАЛЬ

3 февраля. За последнее время я почему-то чувствую себя не в своей тарелке, пищеварение ухудшилось, а это, как я думаю, отразилось и на всём моём душевном состоянии. На меня находят временами какая-то хандра.

6 февраля. Говорят, что задумчивость частая – признак скорой смерти. Для меня за время учёбы это характерно. Да и вообще я, не только в этот год, но и в прежние, часто задумывался, и это поверье применял к себе. Но я в поверья и приметы разные народные не верю. Возможно, что эта примета народная и верная, и я знаю примеры, подтверждающие её, но я вообще скептически отношусь к ним, т.к. убедился, что простой люд, с которым я встречался, верит в разные приметы, хотя они и не сбываются, верит в них, а часто не верит тому, что изложено в книгах. Но если о том, что рассказывается в книгах, услышит от другого, себе подобного субъекта, то тогда поверит.

9 февраля. Послал запрос в редакцию «Пионерской правды» о том, как сделать телескоп. Сделал на токарном станке 16 пешек. Начал их делать с начала месяца и делал перед занятиями.

АПРЕЛЬ

7 апреля. В начале месяца я смотрел на луну в свой телескоп, сделанный 18 марта. Достаточно отчётливо различал лунные моря, кольцевые горы. В первый раз в своей жизни вооружённым глазом взглянул на Луну, я радовался, словно дитя, получившее свою желанную игрушку.

Сегодня я очень ярко почувствовал своё одиночество. Когда сидишь дома, чем-нибудь занимаясь, не ощущаешь потребности в друзьях. Но сегодня вечером я собрался в библиотеку, зашёл за Толей Ануфриевым, но его не оказалось дома – уехал к матери. Вот тут-то мне и сделалось почему-то грустно. Толька – наиболее близкий ко мне товарищ из всей школы. Хотя ещё и есть другие, но хоро-

ших друзей нет. Я вообще как-то тупо вхожу в дружеские отношения с другими. Это объясняется, я думаю, различием характеров моего и других, и потом – моей застенчивостью: я никогда не дружил с ребятами из других классов. Большую роль в этом играет и то, что я сторонюсь людей. Но за время учения в средней школе не прошло и года, когда бы не было у меня друга и при том каждый год не более одного: в пятом классе я дружил с Н. Соколовым, в 6-м – с Е. Старковым, в 7-м – с В. Хорошиным, в 8-м – с В. Мартовым, в 9-м – с А. Ануфриевым (не знаю, считает он меня другом или нет, но, как я уже говорил, он для меня – лучший товарищ). С первыми друзьями я знакомился постепенно. Но Ануфриев меня заинтересовал, привлёк с первого же дня, с первого же урока учения.

Я где-то читал, что есть люди, которыми начинаешь интересоваться с первого же дня встречи. Ануфриев, должно быть, относится к разряду этих людей.

Итак, как я уже говорил, я вечером ощутил какую-то грусть, в первый раз почувствовал потребность в друзьях. «Люди, – думалось мне, – имеют друзей или хороших товарищей, с которыми они проводят время, а мне и вечер не с кем хорошо провести, хотел с ним в кино сходить...»

Таким образом, вечер у меня прошёл прескверно.

Окончилась третья четверть. Выполнил ли я те условия, которые ставил перед собой в тот памятный для меня вечер? Нет! Как ни стыдно в этом признаться, но сознаюсь, что не выполнил. Вследствие чего вот результат: вместо двух условленных «пос» получил четыре «пос», да и то благодаря счастливому случаю. Если бы побольше меня спрашивали, особенно по математике, несомненно, «посов» было бы больше. Стыдно всё-таки сознаться в этом.

Для меня характерна следующая особенность: если я даю слово или клятву о чём-нибудь, то я её не выполняю. А почему? Сам не знаю. Но если скажу: «Это нужно сделать» – то тогда выполняю.

12 апреля. Началась четвёртая четверть учебного года. В этой четверти надо всё-таки постараться учиться лучше.

13 апреля. Первый день Пасхи. Я решил проверить народную примету о том, что солнце будто в этот день «прыгает» на восходе. Если смотреть на солнце простым глазом, то действительно кажется, что оно часто двигается вверх и вниз, но если посмотреть на него через стекло, то ничего подобного не увидишь.

15 апреля. Сегодня у меня с самого утра болел живот. В школе пробыл три урока. Примерно со второго урока начали ломить колени. Придя домой, я почти весь день пролежал в постели. Ломота в коленках прошла; но потом заболела голова, сделался жар. Я подозреваю, что отчасти, если не совсем, в этом виноват я сам. Вчера я пробежал по тающему льду в чулках так, что они намочились. Потом вечером я мыл ноги на дворе, а в это время было всё-таки холодно.

27 апреля. Досмотрел кино «Человек-невидимка». Кино мне очень понравилось. Когда его смотришь, самому хочется быть таким человеком-невидимкой, а если не таким, то рождается желание быть учёным человеком, чтобы сделать что-нибудь значительное.

МАЙ

3 мая. Смотрел кинотрагедию по 1-й книге Шолохова «Тихий Дон». Кино мне понравилось.

6 мая. Сегодня обнаружилось то, чего я с тревогой ждал уже давно, а именно: начал хромать на правую ногу. Причина хромоты следующая. В 1934 году, в августе месяце, я, окончив седьмой класс, ездил в Саратов сдавать испытания в автодорожный техникум. В Саратове мы с товарищами однажды ехали на трамвайной подножке «зайцами». Я сидел на подножке и озирался на дверь трамвая. Оглянувшись на дверь, я увидел, что какая-то женщина подошла к ней и отворила её. Я, не раздумывая долго, прыгнул с подножки на полном ходу и упал. При падении я больно ударился о камни мостовой. Сильно ушиб правую коленку, так что нельзя сначала было наступать на ногу. Упав на руки, я так же сильно ушиб локти, даже содрал. На локтях и теперь заметны следы падения. С этих пор колено у меня часто ломило (от прыжков, ушибов, катания на лыжах и т. п.). За последнее время оно у меня почти не переставало болеть, т. к. постоянно его раздражал. От сильного ушиба кость, наверное, перестала расти, и я начал хромать. Я был уже давно уверен, что буду хромать. И самому мне уже казалось, что я начинаю хромать. Я боюсь этого, так как уверен, что не буду нравиться девчатам. Да и потом болезнь ноги помешает в некоторых случаях в жизни.

Вступил в ячейку «ОСО». (*Общество содействия обороне СССР. – Прим. Ред.*)

23 мая. Начались испытания. Нужно бы как-то готовиться, но я не очень-то занимаюсь.

Вот расписание занятий: 23.05 – русский язык (письменно), 27.05 – литература (письменно), 30.05 – естествознание (устно), 01.06 – алгебра (письменно), 04.06 – русский язык и литература (устно), 8 июня – физика (устно), 10 июня – геометрия (письменно), 13 июня – геометрия (устно), 16 июня – тригонометрия (устно), 20 июня – география (устно).

Я больше всего боюсь только географии, не оттого, что я её не учил, а оттого, что слишком уж много мы прошли, так что даже в голове всё перепуталось и позабылось («Экономическая география капиталистических стран»).

Но думаю, что 9-й класс окончу.

31 мая. Плохой для меня сегодня выдался день – мрачный. Да и не так уж много у меня весёлых дней. Почему это происходит? Сам не знаю. Я думаю, что большую роль в этом играет моя излишняя застенчивость. А возможно, и особый склад характера. В такие минуты много рассуждаешь о себе. Иногда я считаю себя явно лишним человеком. Ну что я в настоящее время приношу родителям полезного? Пожалуй, что ничего (только, может быть, то, что они меня надеются «вывести в люди», а потом за мной жить получше). Хоть многие мои товарищи тоже полезного не приносят, но всё-таки жизнь их, я думаю, для семьи отраднее, чем моя, потому что они более весёлые дома, нежели я. С товарищами я (с хорошими) всё-таки сравнительно

бываю весел, но дома редко-редко даже говорю что-то, а если говорю, то во многих случаях как-то даже отрывисто, явно неохотно. За это меня не любят родители. Да я и сам тому не рад. Должно быть, и в этом отношении у меня особый склад характера.

ИЮНЬ

5 июня. Опять какой-то мрачный день выдался сегодня. Особенно вторая его половина. Что-то нездоровится, аппетит неважный.

Поверим ещё одну народную примету. Бабушка говорит, что если собака будет рыть у угла избы, в доме кто-нибудь умрёт. У нас рыла Пулька. Будет ли что?

Сегодня прислала бабушка из Москвы письмо, в котором говорит, чтобы я обязательно к ним приезжал на лето. Мне, с одной стороны, и охота ехать в Москву, чтобы поглядеть её, а также для того, чтобы набрать в окрестностях растений, которых у нас нет, но, с другой стороны, и неохота – из-за моей застенчивости. Но стремление узнать новое перебарывает. Пожалуй, если выдастся случай, поеду.

Меня также зовёт к себе в Вольск Витя Хорошин. Но и здесь проявляются те же причины. Кроме того, в Вольск меня тянет и то, что мы с Витей будем вроде как туристами и с другим время провести много лучше, чем одному. А в Москве хоть и есть товарищи, но для меня они неподходящие. Всё-таки летом нужно будет куда-нибудь съездить: если в Москву не попаду, то можно будет съездить в Вольск.

8 июня. Сегодня в Доме культуры я мельком видел одну красивую девушку. Всякая красивая девушка вызывает особое чувство. Мне всё хочется (да, думаю, не только мне), чтобы близким другом моим была красивая девушка, но при условии, что она умная. Будь она самой красивой в мире, но глупой, я бы ни за что не взял её в жёны. Лучше уж не такая красивая, но умная.

Мечты! Мало ли о чём можно мечтать! Мечты мечтами, а на деле – ничего. Всякая красивая девушка вызывает эти мечты. Но, мечтая о девушке и о будущей красивой жене, я сразу же задаю себе вопрос: а возможно ли это? И сразу же решаю: нет. Почему же? Красивая девушка ищет себе подобного. А во мне что привлекательного? Или ноги длинные, или вся моя фигура «скелетообразная»? Будущее ещё более мрачное. Вот каким я себя представляю в будущем: высокий, около двух метров, но тонкий, тощий человек, в очках, хромой и туберкулёзный. Ну что в этом привлекательного? Стало быть, остаётся только мечтать, а шансов, что оно будет прекрасным, практически нет.

11 июня. Впервые видел планету. Посмотрев в свой телескоп, я заметил справа, немного вверху, звёздочку, думаю, что спутника планеты. С противоположной стороны планеты видна неясно изогнутая вниз светящаяся полоска, а моментами в ней видна звёздочка. Думаю, что наблюдаемая мной планета – Юпитер.

16 июня. Прочитал «Морскую тайну» Михаила Розенфельда. Мне этот роман не очень понравился. Мало, мне кажется, сказано о сущности дела, да и действия происходящие мало общего имеют с реальностью, мало действующих лиц. Потом нет описания самого процесса сооружения японцами подводного корабля. Это, я думаю, намного снижает ценность произведения.

При чтении передо мной в воображении вставали романы Жюль Верна. И я, сравнивая их с «Морской тайной», думаю, что они как по художественным достоинствам, так и по значимости стоят выше «Морской тайны». Читаешь романы Жюль Верна и сопереживаешь героям, кроме того, видишь, как герои, благодаря своим научным знаниям, облегчают собственную жизнь, делая изобретения. Во мне самом пробудился интерес к науке, и захотелось стать учёным. Кроме того, романы Жюль Верна написаны очень художественно, изобилуют действиями. В этом, я думаю, и заключается превосходство верновских романов над «Морской тайной». Но всё-таки, несмотря на все недостатки, я прочёл «Морскую тайну» с интересом за один вечер.

17 июня. Наблюдал опять «свою» планету. Видел около неё четырех спутников. Два спутника справа были расположены к планете ближе, чем два слева. При этом у «партнёров» вторые спутники находились на таком расстоянии от первых, на каком первые от планеты. Каждая пара спутников лежала на прямой с планетой, но по отношению одной пары к другой составляла некоторый угол, примерно в 15 градусов. Левая пара лежала, немного отклоняясь вниз от горизонтальной линии. Правые спутники были ярче левых.

19 июня. Наблюдал частичное солнечное затмение. Диск Луны наступал на Солнце с правого верхнего угла и заслонил Солнце примерно на 80%, даже, пожалуй, ещё больше. Во время затмения от Солнца исходило лучей в несколько раз меньше, чем до и после затмения, вследствие чего все предметы были освещены каким-то необыкновенным светом, несколько напоминавшим свет полной Луны; предметы, хорошо различимые при нормальном освещении, при затмении плохо различались; стало чувствительно холоднее прежнего; на Солнце можно было смотреть невооружённым глазом. Затмение началось утром около 7 часов и закончилось около 9 часов. Смотрел в свой телескоп.

20 июня. Кончились испытания! Как гору какую свалил. Не о чем теперь тревожиться.

Летом хочу ничего не читать помногу, чтобы отдохнуть, только займусь изучением немецкого языка и ботаникой.

22 июня. Получил деньги переводом из Москвы (35 рублей) для моей поездки в Москву. К моему нежеланию ехать в Москву присоединяется ещё некоторая боязнь самой поездки, особенно пересадки с компостированием билета. Никогда мне не приходилось компостировать билет, и я не наблюдал, как это делают другие. Без этого компостирования я бы с удовольствием поехал. Но всё-таки, несмотря на это, я решил, если выдастся случай, съездить в Москву.

Но, наверно, не удастся съездить. Это убеждение я вынес из следующего. Я обладаю какой-то способностью, что если я о чём-то много думаю, в подробностях представляю будущее, свои действия, то почти всегда того, о чём думаю, не бывает, и всегда те действия, которые я воображаю, не происходят. Так и сейчас. Я себе представляю как самую поездку, так и то, что будет в Москве. То же самое я думаю и про Вольск. И выйдет, пожалуй, так, что я никуда не поеду, а останусь дома. Да и лучше это в некоторой степени, т.к.

я хочу заниматься немецким языком, а если уеду, то уже не займусь им. Потом, занимаясь дома большим физическим трудом, я надеюсь приобрести большую физическую силу. Но, честно, это и хуже, потому что не увижу ничего нового.

Прочитал книгу В. Реймонта «Мужики» (книга 1-я, цена 2 руб. 70 коп.). Книга мне хотя и не очень понравилась, но неплохая. Главным действующим лицом является кулак, «первый хозяин на деревне», Борына-старший, жизнь которого описана очень подробно. Но жизни основной части крестьянства, бедноты, в романе уделено мало места. Читая роман, я понимал, что основное, центральное место в жизни крестьян занимает земля. Земля для крестьянина – это всё. Земля даёт богатство, а следовательно, и счастливую жизнь, уважение со стороны других, власть. Нет земли – крестьянин влачит жалкое существование или идёт в батраки, стоит на низшей ступени классовой лестницы и презирается многоземельными. Борясь за своё существование, крестьяне цепко держатся за землю. Из-за земли крестьяне ведут постоянные тяжбы друг с другом.

24 июня. Получил учебно-учётную карточку.

Переведён в 10-й класс.

24 июня. Начали делать кизы. Мой рост – 174,5 см.

26 июня. Ходил с отцом на чистку леса.

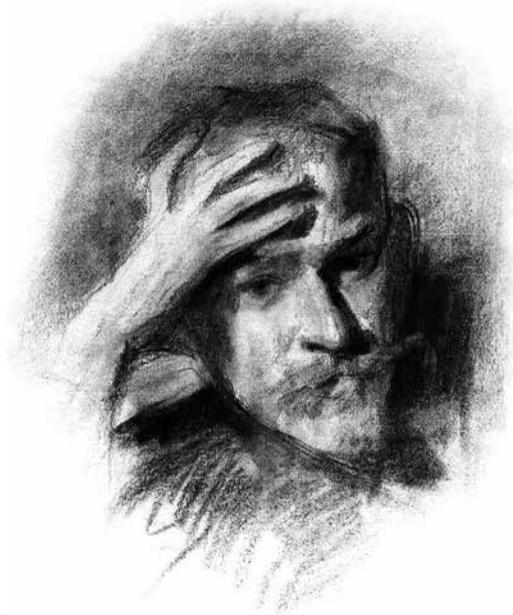
29 июня. Я думаю, что у меня началась чахотка. К этому убеждению я пришёл оттого, что за последнее время у меня, если я мало-мальски занимаюсь умственно – читаю, пишу, – очень больно в гортани. Когда же заканчиваю заниматься умственным трудом, то через некоторое время боль проходит. Не знаю, кашляют ли во время начальной стадии туберкулёза или нет – я не кашляю.

ИЮЛЬ

5 июля. В последнее время у меня прескверное настроение. Ощущаю чувство, похожее на усталость, переходящее с середины дня в полусон. Может быть, это происходит от жары, установившейся в эти дни? Не знаю.

7 июля. Прежнее состояние прошло. Сегодня хочу ехать в Москву, в деревню Суково, расположенную в 15 км от Москвы по Киевской железной дороге.

Продолжение следует.

*В. Э. Борисов-Мусатов.
Автопортрет. 1904–1905 гг.*

Журнал «Волга–XXI век» зарегистрирован МПТР РФ,
свидетельство ПИ № 77-16080 от 6 августа 2003 года.

Учредители: Министерство информации и печати Саратовской области, Саратовское региональное
отделение Общероссийской общественной организации «Союз писателей России».

Издатель: ГАУ СМИ СО «Регион 64».

Директор – Владислав Степанов.

Редакция:

Главный редактор – Елизавета Данилова.

Дизайн и вёрстка – Лилия Баранова.

Корректор – Елена Березина.

Подписано в печать 21 октября 2016 года.

Дата выхода в свет 31 октября 2016 года.

Журнал отпечатан в ООО «Амирит».

Адрес типографии: г. Саратов, ул. Чернышевского, 88.

Заказ № 06/20106

Цена свободная.

Почтовый адрес: 410005, г. Саратов, а/я 3535.

Адрес редакции: г. Саратов, ул. Сакко и Ванцетти, 41.

Тел. (факс): (845-2) 28-63-49.

E-mail: lizamart@yandex.ru

Сайт: www.g-64.ru/volga

Подписной индекс 14320

При перепечатке ссылка на издание обязательна.

Редакция не рецензирует рукописи, а только сообщает о своём решении.

Формат 70x100 1/16. Усл. печ. л. 15,60.

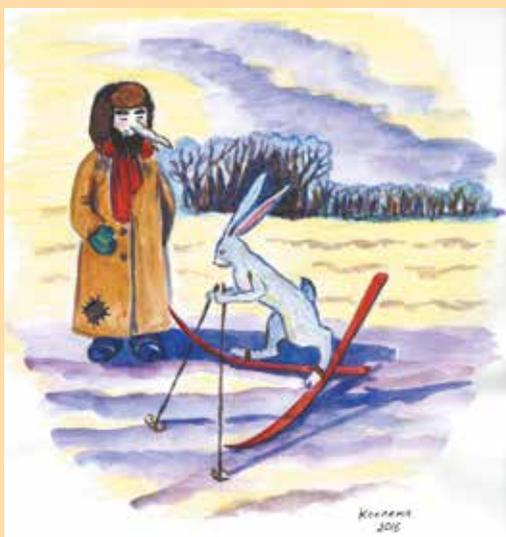
Бумага типографская. Печать цифровая.

Тираж свободный.

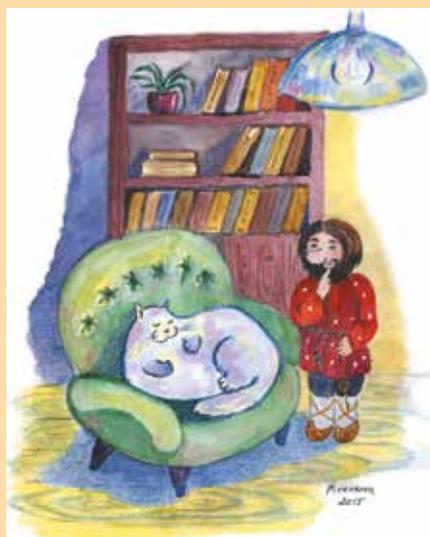

© ГАУ СМИ СО «Регион 64», 2016.

© «Волга–XXI век», 2016.

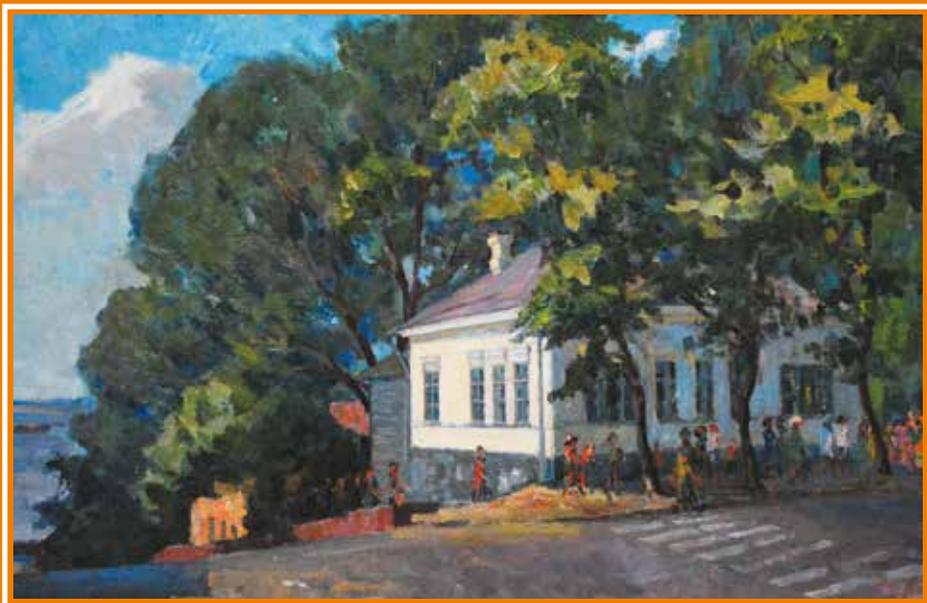
Кселена Литвинова.
«Лыжная прогулка»

Кселена Литвинова.
«Домовой и кот»

Кселена Литвинова. «Леший готовит»

А.П. Малютин. Дом-музей Н.Г. Чернышевского, 1978

